

Учредитель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам теории, истории и практики государственного и муниципального управления, экономики и политологии. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с эффективностью управления и различных управленческих структур на международном, страновом, региональном и местном уровне, ролью политико-экономических институтов в развитии государства и общества, государственной политикой в различных сферах, деятельностью исполнительной ветви власти, развитием электронного правительства, взаимодействием органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций, включая политические партии, межэлитными отношениями и вопросами идентичности, стратегированием и планированием, государственным регулированием экономики и налогообложением, проблемами моногородов, территориальной организацией населения, агломерированием и рядом других.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Евгений Георгиевич Анимцид, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор географических наук, профессор, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Дмитрий Георгиевич Красильников, доктор политических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

Ольга Федоровна Новикова, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики промышленности Национальной академии наук Украины, Киев, Украина

Яков Петрович Силин, доктор экономических наук, профессор, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Валерий Александрович Сухих, доктор экономических наук, Законодательное Собрание Пермского края, Пермь, Россия

Богдан Шляхта, профессор гуманитарных наук, Ягеллонский университет в Кракове, Краков, Польша

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Иванович Блусь, кандидат географических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Надежда Владимировна Борисова, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Дарко Вукович, доктор экономических наук, научный сотрудник кафедры социальной географии Географического института «Йован Цвиич» Сербской академии наук и искусств (САНИ), Белград, Сербия, доцент департамента финансов Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента (филиала Высшей школы экономики), Санкт-Петербург, Россия

Виктор Антонович Ковалев, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-политических наук Сыктывкарского государственного университета, Сыктывкар, Россия

Ольга Анатольевна Козлова, доктор экономических наук, профессор, заведующая Центром исследований социоэкономической динамики Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Наталья Сергеевна Козырь, кандидат экономических наук, начальник управления организации научных исследований Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия

Жанна Аркадьевна Мингалева, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления промышленным производством Пермского национального исследовательского политехнического университета, Пермь, Россия – главный редактор

Елизавета Александровна Троицкая, кандидат политических наук, исполняющая обязанности заведующей кафедрой государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – ответственный редактор

Андрей Геннадьевич Шеломцев, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом исследования региональных социально-экономических систем Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Станислав Николаевич Шкель, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфа, Россия, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия, профессор департамента политологии и международных отношений Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения (филиала Высшей школы экономики), Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала –
Жанна Аркадьевна Мингалева,
доктор экономических наук,
профессор, Пермский национальный
исследовательский политехнический уни-
верситет, Пермь, Россия,
mingall@pstu.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7674-7846>,
SPIN-код (РИНЦ): 5403-3663,
AuthorID (РИНЦ): 77675,
Web of Science ResearcherID:
E-8001-2016

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки). 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки). 5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-66778 от 08.08.2016

Издается на кафедре государственного и муниципального управления историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Территория распространения –
Российская Федерация,
зарубежные страны.

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Пресса России. Объединенный каталог» (<https://www.pressa-rf.ru/cat/1/editon/141047/>).
Подписный индекс 41047

Адрес учредителя и издателя:
614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции:
614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Кафедра государственного
и муниципального управления
Тел. (342) 239-66-89
Сайт: ars-administrandi.com
E-mail: arsadmag@yandex.ru

Publisher: Perm State University

The journal includes the contributory articles on issues of theory, history and practices of state and municipal government, economics and political sciences. A special emphasis is placed on the issues of management efficiency and structures as used at various levels – international, national, regional and local; the role of political and economic institutions in the development of the state and society; state policy in various spheres; activities of executive bodies; digital government; interaction between the governmental bodies, local governments and non-governmental organizations, including political parties; relations between elites and identity issues; strategy planning, state regulation in economy and taxation; mono-industrial cities, organization of territories; agglomerations, etc.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Evgeny G. Animitsa, Corresponding Member of Russian Natural History Academy, Honored Scholar of the Russian Federation, Doctor of Geography, Professor, Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia

Dmitry G. Krasilnikov, Doctor of Political Sciences, Professor, Perm State University, Perm, Russia

Olga F. Novikova, Doctor of Economics, Professor, Institute of Industrial Economics at the Ukrainian National Academy of Sciences, Kiev, Ukraine

Bogdan Szlachta, Full Professor of Humanities, Jagiellonian University, Krakow, Poland

Yakov P. Silin, Doctor of Economics, Professor, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Valery A. Sukhikh, Doctor of Economics, Perm Region Legislative Assembly, Perm, Russia

EDITORIAL BOARD

Pavel I. Blus, Candidate of Geography, Associate Professor, Professor of State and Municipal Government Department, First Vice-Rector, Perm State University, Perm, Russia

Nadezhda V. Borisova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of Political Sciences Department, Perm State University, Perm, Russia

Victor A. Kovalev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of Philosophy and Socio-Political Sciences Department, Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Olga A. Kozlova, Doctor of Economics, Professor, Head of Center for Socioeconomic Dynamics Research, Institute of Economics at the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of Labor Economics and Personnel Management Department, Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia

Natalia S. Kozyr, Candidate of Economics, Head of Department for Organization of Scientific Research, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Zhanna A. Mingaleva, Doctor of Economics, Professor, Professor of Economics and Industrial Production Management Department, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia – Editor-in-Chief

Andrey G. Shelomentsev, Doctor of Economics, Professor, Head of Regional Socio-Economic Systems Research Department, Institute of Economics at the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Stanislav N. Shkel, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of Political Science, Sociology and Public Relations Department, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia, Professor of Political Science Department, Perm State University, Perm, Russia, Professor of Political Science and International Relations Department, St. Petersburg School of Social Sciences and Oriental Studies (St. Petersburg branch of the HSE University), St. Petersburg, Russia

Elizaveta A. Troitskaya, Candidate of Political Sciences, Acting Head of State and Municipal Government Department, Deputy Director for Educational and Methodological Work of Regional Institute of Continuing Education, Perm State University, Perm, Russia – Managing Editor

Darko Vuković, Doctor of Economics (Regional Studies), Research Associate of Social Geography Department, Geographical Institute, “Jovan Cvijić” of the Serbian Academy of Sciences and Arts (SASA), Belgrade, Serbia, Associate Professor of Finance Department, St. Petersburg School of Social Sciences and Oriental Studies (St. Petersburg branch of the HSE University), St. Petersburg, Russia

Editor-in-Chief**Zhanna A. Mingaleva**

Doctor of Economics, Professor,
Perm National Research
Polytechnic University, Perm,
Russia, mingall@pstu.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7674-7846>, SPIN-code
(RSCI): 5403-3663,
AuthorID (RSCI): 77675,
Web of Science ResearcherID:
E-8001-2016

The journal is indexed by the list of the leading peer reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the following groups of research specialties:
23.00.01 – Theory and Philosophy of Politics, History and Methodology of Political Science (Political Sciences);
23.00.05 – Political Regional Studies. Ethnopolitics (Political Sciences).
5.5.2. Political Institutes, Processes and Technologies (Political Sciences)

Published by State and Municipal Government Department of Perm State University.

Distributed within the Russian Federation and abroad

You can subscribe to the journal online on the website “Press of Russia. United Catalog” (<https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/i41047/>). Subscription index 41047

Publisher address: Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614068, Russia

Editorial Board address:
State and Municipal Government Department, Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614068, Russia

Tel. +7(342)239-66-89.

Web-site: ars-administrandi.com.

E-mail: arsadmag@yandex.ru

© Editorial Board, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

- Усова Н. В., Логинов М. П. К вопросу о развитии экономики:
от ручного труда к цифровизации377
- Ильина Е. М. Политика и управление в условиях
цифровой трансформации: политологический ракурс
искусственного интеллекта403

II. РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Шкель С. Н. Кто виноват? Централизация и электоральное
поведение титульных этносов в республиках России422
- Бывшев В. И., Пантелеева И. А., Писарев И. В.,
Усков Д. И. Процессная модель государственного управления
региональными институтами инновационного развития454

III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

- Гаджиев Х. А. Глобальная цифровая экономика: тренды
и трансформация ценностно-поведенческих паттернов482
- Митрофанова И. В., Иванова Т. Б. Малый и средний бизнес
России: включенность в основные стратегические императивы507

IV. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

- Витковская Т. Б. Политические стратегии крупного бизнеса
в малых российских городах532

V. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Офицеров-Бельский Д. В. Реформирование политики
Европейского союза в сфере урегулирования конфликтов в контексте
кризиса на Украине554

CONTENTS

I. THEORIES OF POLITICS, ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Usova N. V., Loginov M. P.** On the issue of economic development:
From manual work to digitalization377
- Ilyina E. M.** Politics and administration under conditions of digital
transformation: A political science perspective of artificial intelligence403

II. REGIONAL POLITICS AND GOVERNMENT

- Shkel S. N.** Who is to blame? Centralization and titular ethnic
groups' electoral behavior in the Russian republics422
- Byvshev V. I., Panteleeva I. A., Pisarev I. V., Uskov D. I.** The process
model of public administration of regional innovative development
institutions454

III. ECONOMIC POLICY

AND ECONOMIC DEVELOPMENT MANAGEMENT

- Gadzhiev Kh. A.** Global digital economy: Trends and transformation
of value-behavioral patterns482
- Mitrofanova I. V., Ivanova T. B.** Small and medium-sized businesses
in Russia: Inclusion in the main strategic imperatives507

IV. LOCAL SELF-GOVERNMENT

AND DEVELOPMENT OF TERRITORIES

- Vitkovskaya T. B.** Political strategies of large business in small
Russian towns532

V. FOREIGN EXPERIENCE OF STATE MANAGEMENT

AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Ofitserov-Belsky D. V.** Reforming European Union conflict policy
in the context of the crisis in Ukraine554

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам в сфере государственного и муниципального управления, экономики и политологии.

География авторов принимаемых к публикации статей охватывает как российских, так и иностранных научных и научно-педагогических работников, а также депутатов, руководителей и специалистов органов публичной власти. Основным языком журнала является русский. Также статьи могут быть опубликованы на английском языке.

Автору необходимо направить научную статью на электронную почту журнала arsadmag@yandex.ru.

Редакция принимает статьи (материалы) объемом от 20 до 60 тыс. печатных знаков (основной текст, с пробелами).

Плата за публикацию рукописей не взимается.

К каждой научной статье должны быть приложены сведения об авторе (соавторах) рукописи.

Автор (соавторы) предоставляет(ют) издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его (их) статьи в составе публикаций журнала, а также на воспроизведение статьи в любых базах данных.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору (соавторам) исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование журнала в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Автор (соавторы) включенной в журнал статьи сохраняет(ют) исключительное право на нее независимо от права издателя на использование журнала в целом.

Авторское вознаграждение за предоставление автором (соавторами) издателю указанных выше прав не выплачивается.

Направление автором (соавторами) статьи в журнал означает его (их) согласие на использование статьи издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он (они) осведомлен(ы) об условиях ее использования.

Издатель предлагает любому физическому лицу заключить с издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором (соавторами) которой он (они) является(ют)ся.

Лицензионный договор является договором присоединения (офертой), условия которого определяются издателем, и может быть подписан другой стороной не иначе как путем присоединения к договору в целом. Направление автором (соавторами) рукописи статьи для опубликования в журнале считается акцептом, то есть согласием автора (соавтора) на опубликование статьи в соответствии с условиями договора. Факсимильные (электронные) копии

собственноручной подписи и текста лицензионного договора действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

Издатель размещает фамилию, имя, инициалы автора (соавторов), ученую степень, ученое звание, должность, место работы, адрес места работы, идентификационные коды ORCID, ResearcherID, адрес электронной почты автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала.

Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), а также иные базы данных. Направление автором (соавторами) статьи издателю является согласием автора (соавторов) на подобное размещение и включение.

Гонорар за публикации не выплачивается. Автору высылается авторский экземпляр по указанному им адресу. В случае если рукопись написана в соавторстве, авторский экземпляр высылается каждому соавтору по указанным ими адресам.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Подробные правила оформления и представления рукописей статей размещены на сайте журнала в разделе «Условия публикации» по адресу: <http://ars-administrandi.com/condition.htm>.

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакционной коллегии могут обращаться по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Ответственный редактор – Елизавета Александровна Троицкая. Тел./факс (342) 239-66-89. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 377-402.
Ars Administrandi. 2022. Vol. 14, no. 3, pp. 377-402.

Научная статья

УДК 330.8

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-377-402>

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ: ОТ РУЧНОГО ТРУДА К ЦИФРОВИЗАЦИИ

Наталья Витальевна Усова¹✉, Михаил Павлович Логинов²

^{1,2} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹ nata-ekb-777@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-7575-6078>

² port-all@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0831-3004>

Аннотация. Введение: прогнозирование экономических процессов, а также планирование деятельности невозможно без учета специфики текущего этапа развития экономики и ожидаемых преобразований. В литературе научно-технические революции, технологические уклады и научно-технический прогресс не рассматриваются в комплексе. **Цель:** на основе наложения этапов научно-технического прогресса, научно-технических революций и технологических укладов изучить эволюцию экономики с учетом цикличности ее развития. **Методы:** ретроспективный анализ, систематизация, прогнозирование. **Результаты:** систематизированы существующие подходы к классификации экономических циклов, исторические этапы научно-технического прогресса, особенности научно-технических революций и технологических укладов. Выявлено, что существующие подходы к классификации циклов не учитывают такой критерий, как «уровень экономического взаимодействия», что послужило основанием для выделения трех уровней возникновения и развития экономических циклов: микро-, макро- и мегаэкономический. Предложен подход к периодизации развития экономики на основе смены роли человека в производственном процессе. Спрогнозированы пятый этап научно-технического прогресса – «цифровое общество» и пятая промышленная революция – «зеленая» в середине XXI века. **Выводы:** результаты

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

исследования могут быть положены в основу дальнейших научных изысканий, посвященных цифровой трансформации экономики и выявлению движущих сил, способствующих формированию и развитию цифровой модели национальной экономики.

Ключевые слова: экономический цикл, технологический уклад, научно-технический прогресс, эволюция, экзогенные факторы, эндогенные факторы, прогноз развития

Для цитирования: Усова Н. В., Логинов М. П. К вопросу о развитии экономики: от ручного труда к цифровизации // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 377–402. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-377-402>.

Original article

ON THE ISSUE OF ECONOMIC DEVELOPMENT: FROM MANUAL WORK TO DIGITALIZATION

Natalia V. Usova¹✉, Mikhail P. Loginov²

^{1,2}Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

¹nata-ekb-777@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-7575-6078>

²port-all@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0831-3004>

Abstract. Introduction: forecasting of economic processes, as well as planning of activities, is impossible without considering the specifics of the current stage of economic development and expected transformations. In the literature sources scientific and technical revolutions, technological orders and scientific and technological progress are not reviewed in a complex. **Objectives:** based on the imposition of stages of scientific and technological progress, scientific and technological revolutions, and technological orders to study the evolution of the economy, taking into account the cyclical nature of its development. **Methods:** retrospective analysis, systematization, forecasting. **Results:** the authors have systematized the existing approaches to the classification of economic cycles, the historical stages of scientific and technological progress, the features of scientific and technological revolutions and technological orders. It was revealed that the existing approaches to classification of economic cycles do not take into account such a criterion as the “level of economic interaction”, which served as the basis for distinguishing three levels of the emergence and development of economic cycles (microeconomics, macroeconomics and mega-economic). The authors have identified the stages of economic development in terms of changing the role of a person in the production process. The fifth stage of scientific and technological progress – “digital society” and the fifth industrial revolution – “green” in the middle of the XXI century were predicted. **Conclusions:** the results of the study can be used as the basis for further scientific research on the digital transformation of the economy and the identification of driving forces contributing to the formation and development of a digital model of the national economy.

Keywords: economic cycle, technological order, scientific and technological progress, evolution, exogenous factors, endogenous factors, development forecast

For citation: Usova, N. V. and Loginov, M. P. (2022), “On the issue of economic development: From manual work to digitalization”, *Ars Administrandi*, vol. 14, no. 3, pp. 377–402, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-377-402>.

ВВЕДЕНИЕ

Экономика не является статичным объектом исследования. За время своего существования она претерпела немало изменений, прошла определенные этапы развития, в которых важную роль играли научно-технические знания, приведшие к внедрению и активному использованию новых производственных технологий и, как следствие, появлению новых товаров и рынков.

Отметим, что эволюция экономических процессов характеризуется определенной цикличностью. Именно это представляет собой одну из наиболее значимых макроэкономических проблем. Так, циклическое развитие характеризуется неравномерностью и волнообразностью и связано не только с экономическим ростом: от смены этапов экономического цикла и пространственной трансформации национальной экономики возникает синергетический эффект.

Однако, отдавая должное внимание экономическим циклам, исследователи не рассматривают в комплексе влияние на экономику других важных факторов и процессов: научно-технических революций (далее – НТР), технологических укладов и научно-технического прогресса (далее – НТП), что не позволяет в полной мере выявить специфику и временные границы смены роли человека в производственном процессе. А без учета специфики текущего этапа развития экономики и ожидаемых преобразований невозможно прогнозирование экономических процессов и планирование деятельности.

Целью статьи является рассмотрение эволюции экономики с учетом цикличности ее развития на основе наложения этапов НТП, НТР и технологических укладов.

Теоретическая значимость исследования заключается в приращении знаний в области развития экономики на основе применения эволюционного подхода и предложении периодизации развития экономики на основе смены роли человека в производственном процессе. Практическая значимость – в возможности учета теоретических положений при разработке стратегических документов развития на национальном или отраслевом уровне. Все это в совокупности позволило получить результаты, обладающие научной новизной и позволяющие развить существующие теоретические подходы.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе проведения исследования были рассмотрены труды по нескольким блокам: эволюция экономической мысли (Блаут, 1994; Блаут, 2008; Кейнс, 2011; Маркс, 1953; Маршалл, 1993; Мизес, 2012; Туган-Барановский, 1997; Шумпетер, 2007); циклическое развитие экономики и различные подходы к выделению циклов (Баранов, 2014; Кондратьев, 1989; Кондратьев, 1993; Кондратьев, 2002; Митчелл, 1930; Куряев, 2005; Kitchin, 1923; Kuznets, 1930; Kuznets, 1940); формирование и смена технологических укладов (Глазьев и др., 1991; Глазьев и др., 1992; Глазьев, 2018; Перес, 2011); а также специфика постиндустриального общества (Белл, 1999; Дракер, 1999; Друкер, 2007; Кастельс, 2000; Кастельс и Химанен, 2002; Ларин и Соколов, 2018; Masuda, 1981).

Вопросы цифровизации и информатизации нашли свое отражение в трудах ряда отечественных авторов (Гиль и Морозов, 2019; Грейскоп и Кузяшев, 2021; Коваленко и Мурашова, 2020; Мамаева, 2021; Милкова, 2020; Попов, 2018; Шигаев, 2019), которые посвящены как общим вопросам, так и учитывающим отраслевую специфику.

Изначально циклическое развитие экономики связывали с процессами, которые появлялись вне экономики. При этом в этих процессах отсутствовала какая-либо системность, они были случайными и неконтролируемыми, что и сделало невозможной быструю реакцию экономики на возникающие ситуации. Именно этой точки зрения придерживались представители экстернальных теорий циклического развития. У. Джевонс, П. Самуэльсон, У. Нордхаус, Й. Шумпетер и другие в качестве ключевых факторов циклических колебаний рассматривали внешние (экзогенные) факторы, находящиеся за пределами экономической системы:

- военные действия и политические потрясения, приводящие к перестройке структуры экономики и переориентации производства;
- освоение территорий с последующей миграцией населения;
- рост численности населения и усиление социального неравенства;
- климатические изменения;
- НТП и появление прорывных технологий, меняющих архитектуру экономики.

Существенный вклад в развитие теории циклического развития внес Й. Шумпетер (Шумпетер, 2007). На его взгляды значительно повлияли основоположники австрийской экономической школы Ф. фон Визер и О. фон Бем-Баверк, а также представитель новой (молодой) исторической школы Г. фон Шмоллер (Куряев, 2005). Именно Шумпетер впервые стал изучать экономическую динамику в противовес статическому анализу. В своей теории нововведений он утверждал, что причина циклического развития – во внедрении новых технологий и качественно новых орудий труда. Процесс роста, согласно исследователю, возникает скачкообразно, так как обусловлен техническими новинками и освоением новых инвестиционных проектов.

Для получения прибыли решающим фактором становится не конкуренция цен или качества, а конкуренция новых продуктов, технологий, источников обеспечения и организационных форм. Вследствие использования изобретений, открытий либо новинок система начинает отдаляться от равновесия и стремится к новому состоянию равновесия, но уже на другом уровне технического обеспечения. Следовательно, формируется новое состояние экономической системы, к которому необходимо приспосабливаться компаниям, и здесь уже наблюдается циклическое развитие экономики в целом.

В свою очередь, в интернальных теориях в качестве причин циклического развития экономики выступают факторы, находящиеся внутри экономической системы, то есть рассматривается сам механизм экономической системы, такие его элементы, как денежно-кредитная политика, развитие рынка труда и инвестиционных процессов, макроэкономическое равновесие, а также динамика совокупного предложения. Среди авторов, которые придерживаются данной точки зрения, можно выделить (Кейнс, 2011; Маркс, 1953; Туган-Барановский, 1997; Фридмен и Хайек, 2003 и др.).

К внутренним (эндогенным) факторам относятся:

- изменение спроса на различные товары и услуги;
- усиление социального неравенства;
- изменение положения государства на мировой арене;
- развитие интернет-технологий;
- физическое и моральное устаревание основных средств производства;
- монетарная политика государства, приводящая к удорожанию/удешевлению финансовых инструментов;
- перепроизводство.

Так, К. Маркс в теории промышленных циклов утверждает, что возникновение кризисов в экономике обусловлено противоречиями капитализма, а периодичность – массовым обновлением основного капитала (Маркс, 1953).

Ряд теорий рассматривают в качестве ключевого финансовый аспект. Так Р. Хоутри и И. Фишер (кредитно-денежная концепция) видят причину циклического развития экономики в нарушении денежного спроса и предложения (Тупчиенко и Кривцова, 2014, с. 5). В рамках данной концепции кризис представляет собой чисто монетарное явление, зависящее от объема обращаемой денежной массы.

М. Фридмен (монетарная теория) объясняет все нестабильностью денежного обращения. В свою очередь А. Афтальян, Г. Кассель и М. Туган-Барановский (теория перенакопления капитала) связывают цикличность экономики с диспропорциями в структуре производства.

Интерес представляют кейнсианская теория и теория недопотребления Ж. Сисмонди и К. Родбертус-Ягцеова. По мнению Дж. Кейнса, развитие капиталистического общества сопряжено с рядом факторов, которые не могут быть выявлены изначально и, следовательно, преодолены. К ним, в частности, относятся массовая безработица и несоответствие спроса и предложения. Кроме того, все проблемы циклического развития экономики и наступления кризисов лежат в плоскости эффективности и предельной полезности капитала. В кейнсианской теории цикл представляет собой результат взаимодействия нескольких составляющих, а именно национального дохода, потребления и накопления капитала, рыночного механизма (Кейнс, 2011). Теория недопотребления связывает возникновение кризиса с недостаточным потреблением и снижением доли заработной платы в национальном доходе (Тупчиенко и Кривцова, 2014, с. 5).

На современном этапе наблюдается синтез экстерналичных и интерналичных теорий циклического развития. Это обусловлено тем, что невозможно провести четкую границу по воздействующим факторам. Так, колебания экзогенных факторов выступают в качестве предпосылок к действию эндогенных факторов. К примеру, в экстерналичных теориях к факторам циклического развития относится НТП, а в интерналичных – развитие интернет-технологий. Оба фактора взаимозависимы, что находит свое подтверждение, когда Интернет становится не просто площадкой для взаимодействия, а двигателем развития экономики и совершенствования деятельности предприятий и организаций на локальном, региональном, национальном, а также международном

уровнях. Наблюдается структурная перестройка экономики, что выражается в обновлении большинства технологических процессов производства товаров и оказания услуг.

Все это послужило основой для дальнейшего исследования вопросов циклического развития экономики и прогнозирования эволюции экономики с точки зрения НТП, НТР и технологических укладов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривая циклическое развитие экономики, следует отметить, что существуют различные признаки экономических циклов. В частности, И. А. Баранов выделяет целый ряд критериев: пространственный аспект и отраслевую принадлежность, продолжительность, масштаб влияния и сферу воздействия (Баранов, 2014). При этом, по нашему мнению, существующие подходы к классификации не учитывают циклического развития экономики с точки зрения уровня экономического взаимодействия. Мы предлагаем рассматривать циклическое развитие на микроэкономическом, макроэкономическом и мегаэкономическом уровнях экономического взаимодействия, каждый из которых обладает определенной спецификой. Дополненная классификация экономических циклов представлена на рисунке.

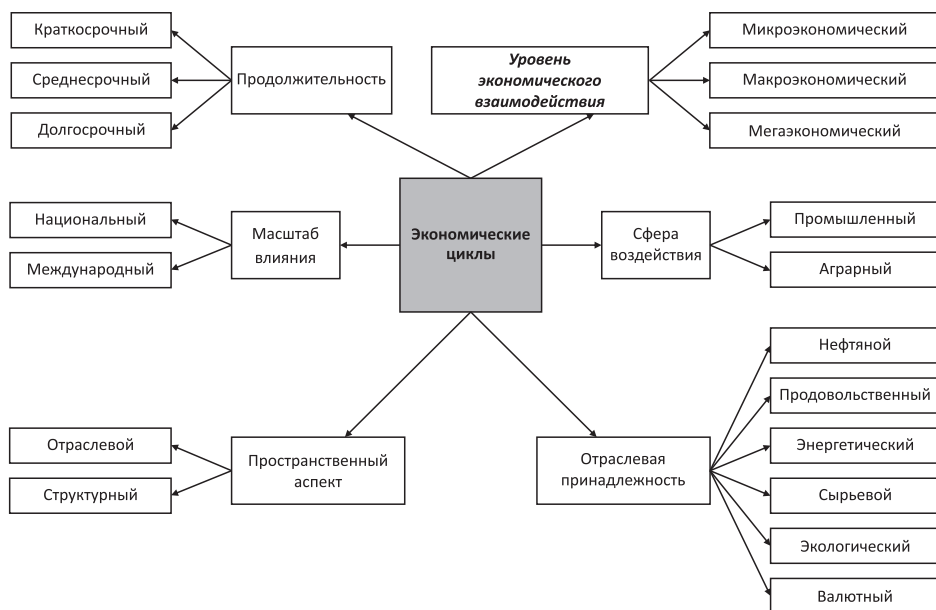

Рис. Классификация экономических циклов по различным основаниям /
Fig. Classification of economic cycles on various grounds

Источник: составлено авторами с опорой на типологизацию, предложенную (Баранов, 2014).

Таким образом, предлагаем выделить три уровня возникновения и развития экономических циклов (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Подходы к циклическому развитию экономики с точки зрения уровня экономического взаимодействия / Approaches to the cyclical development of the economy in terms of the level of economic interaction

Автор подхода	Характеристика циклического развития экономики
<i>Микроэкономический уровень</i>	
Дж. Китчин (Kitchin, 1923)	Циклы относятся к краткосрочным и продолжаются 3–4 года. Причина их возникновения – запаздывание информации для принятия решений коммерческими организациями. Как следствие, запаздывание в принятии решений по загрузженности производственных мощностей. Наличие данной асимметрии приводит к нарушению рыночного равновесия, что проявляется в изменении как товарного предложения, так и представленных на рынке компаний.
К. Жюгляр (Блауг, 1994)	Циклы относятся к среднесрочным и охватывают период от 7 до 11 лет. Для экономических циклов К. Жюглара характерно не просто изменение уровня загрузки производственных мощностей и объемов товарных запасов, как это было выделено у Дж. Китчина, но также изменение уровня безработицы и объемов инвестиций в основной капитал. В частности, присутствует несовпадение между временем принятия инвестиционного решения и строительством производственных мощностей.
<i>Макроэкономический уровень</i>	
С. Кузнец (Kuznets, 1940)	Циклы С. Кузнецца имеют довольно длительный временной период – 20–22 года. Основными причинами циклического колебания являются демографические процессы (иммиграция), а также сопутствующие им изменения в объемах строительства, что позволило назвать их «демографическими» или «строительными» циклами. На современном этапе данные циклы рассматриваются также и как технологические, инфраструктурные. В рамках этих циклов наблюдается массовое обновление основных технологий. Яркий тому пример – активное развитие ИТ-сферы, что в последнее десятилетие XX века привело к перенасыщению данного рынка и усилению актуальности разработки новых товаров и услуг.
К. Фримен (Freeman, 1997; Freeman and Perez, 1988)	Продолжительность цикла составляет 120 лет. К. Фримен, один из авторов концепции национальных инновационных систем, видит предпосылки для повышательного отрезка длинной волны не только в радикальных инновациях в рамках одного либо нескольких секторов, с последующим ростом в них, но и в распространении технологической парадигмы на всю экономическую систему.

Автор подхода	Характеристика циклического развития экономики
<i>Мегаэкономический уровень</i>	
Н. Д. Кондратьев (Кондратьев, 1989; 1993; 2002)	Периодические циклы сменяющихся подъемов и спадов современной мировой экономики продолжаются от 48 до 55 лет. Возникновение «длинных волн» связано с технологическим прогрессом и со структурной перестройкой экономики. Как следствие, возникает необходимость в обновлении основного капитала, а также в появлении новых технологий и отраслей. По мнению Н. Д. Кондратьева, циклы состоят из чередования фаз относительно высоких и относительно низких темпов экономического роста. Причем перед началом повышательной волны активизируются технические изобретения и открытия, меняются условия денежного обращения, усиливается роль отдельных стран в мировой экономике. Крупные социальные потрясения (военные действия, революции) больше характерны для повышательной волны, чем понижательной. В свою очередь, для понижательных волн свойственна длительная депрессия в агропромышленном комплексе.

Источник: составлено авторами.

В современных условиях трансформации национальной экономики и усиления цифрового аспекта во взаимодействии между участниками различных рынков предложенные подходы к выделению классификационных признаков требуют уточнения. Так, если посмотреть на критерий «масштаб влияния», можно наблюдать нивелирование регионального и корпоративного уровней. В свою очередь, «пространственный аспект» полностью исключает цифровой сегмент экономики, выделяя лишь отраслевой и структурный.

Развитие экономики характеризуется взаимовлиянием и переменами на микро-, макро- и мегауровне, происходит переход к новому технологическому укладу и цифровой модели национальной экономики, что подтверждает необходимость дополнения существующих подходов к классификации экономических циклов критерием «уровень экономического взаимодействия».

Выделение уровней экономического взаимодействия укладывается в логику НТП и НТР. Так, мегаэкономический уровень коррелирует со сменой картин мира и переходом от одного технологического уклада к другому. В свою очередь, «длинные волны» Н. Д. Кондратьева, по нашему мнению, характеризуют глобальный уровень развития экономики (Кондратьев, 1989; Кондратьев, 1993; Кондратьев, 2002). При рассмотрении макроэкономического уровня наибольший интерес представляет подход С. Кузнец (Kuznets, 1940; Kuznets, 1940). При этом К. Жюгляр и Дж. Китчин основной источник циклического развития видели в асимметрии информации, причем на корпоративном уровне, что соответствует микроэкономическому уровню (Kitchin, 1923; Блауг, 2008). Кроме того, немаловажной является скорость принятия инноваций и перестраивания технологических процессов и организационно-

экономических отношений. На микроэкономическом уровне это происходит быстрее, чем на других уровнях, и затрагивают эти изменения различное количество процессов и участников.

Для нас интерес представляет мегаэкономический уровень, и в дальнейшем полученные результаты будут использованы при изучении более узких вопросов, связанных с цифровой моделью национальной экономики.

Обратимся к историческим этапам развития НТП. В таблице 2 систематизированы основные характеристики НТП, отражающие те коренные изменения, которые произошли в экономике за довольно короткий срок.

Таблица 2 / Table 2

**Исторические этапы развития научно-технического прогресса /
Historical stages in the development of scientific and technological progress**

Этап	Характеристика этапа развития научно-технического прогресса
I этап. Механистическая картина мира (XVII в. – середина XVIII в.)	Первая промышленная революция. Использование пара. Переход от ручного труда к машинному на научной основе. Появление мануфактурного производства. Создание ртутного термометра, воздушного насоса, барометра, микроскопа и др.
II этап. Машинное производство и появление первых технических наук (вторая половина XVIII в. – середина XIX в.)	Формирование научно-технических знаний на основе использования в инженерной практике знаний естественных наук. Создание научного фундамента теплотехники, зарождение электротехники, закладывание аналитических основ механических наук. Использование электроэнергии. Развитие крупного капиталистического производства и промышленный переворот. Появление новых отраслей (машиностроение, самолетостроение, производство алюминия), видов производств и технических изобретений. Изобретение универсального теплового двигателя, суппорта. Изобретение и применение рабочих машин как части технического устройства становится отправной точкой в процессе перехода от мануфактурного производства к машинному. Впервые рабочие машины применяются в текстильном производстве.

Этап	Характеристика этапа развития научно-технического прогресса
III этап. Массовое производство (последняя треть XIX в. – начало XX в.)	Завершение перехода к развитию науки через систему профессиональной деятельности и образования, основой которых стала механистическая картина мира. Построение ряда фундаментальных технических теорий. Изобретение трактора, аэроплана, танка, фонографа, кинематографа, радио, создание электродвигателя с переменным током и двигателя внутреннего сгорания. Благодаря изобретению сборочного конвейера технические новшества поступают в массовое производство. Технические знания приобретают все признаки научного знания (научные методы исследования, оформление получаемых знаний в виде научного предмета, специальная социальная организация деятельности по выработке научных знаний).
IV этап. Формирование информационного общества (вторая половина XX в. – середина XXI в.)	Новая информационная эпоха, формирование информационного общества. Появление атомной энергетики, ракетной техники, создание синтетических материалов, телевидения, электронно-вычислительных машин. Возникновение новых областей научно-технического знания: ядерной физики, ядерного приборостроения, теоретического и экспериментального материаловедения, теории создания искусственных материалов. Зарождение квантовой науки и развитие теоретических дисциплин лазерной техники. Создание научного обеспечения пилотируемых космических полетов, разработка проблем автоматизации и управления в сложных технических системах обусловили развитие теории автоматического управления, теории информации, а также средств и систем обработки информации.
V этап. Цифровое общество (с середины XXI в.)	Повсеместное внедрение цифровых технологий. Цифровое управление процессами и применение искусственного интеллекта, Big Data, цифровых платформ, беспилотных аппаратов, VR/AR, Интернета вещей. Основной ресурс – цифровые данные.

Источник: составлено авторами с использованием (Медунецкий и Силева, 2016).

Прогнозирование развития каких-либо процессов и явлений невозможно без обращения к предыдущему опыту и учета уже имеющихся научных трудов. Актуальность приобретает выделение специфики каждого из этапов НТП и проведение ретроспективного анализа при рассмотрении технологических укладов и НТР, оказавших ключевое влияние на экономические процессы в мире.

Так, рассматривая эволюцию общества и проводя ретроспективный анализ развития экономики, важно отметить, что Д. Белл и Е. Масуда выделяют постиндустриальное общество. По мнению Д. Белла, информация выступает в качестве базового ресурса, а обмен ею осуществляется на основе телекоммуникаций и компьютеров. При этом главная роль в данном обществе отведена компьютеру, благодаря которому осуществляется организация и обработка информации и знаний (Белл, 1999). В свою очередь Е. Масуда полагает, что в основе информационного общества лежат компьютерные технологии (Masuda, 1981). Изменения технического характера приводят к повышению качества жизни, а также к информатизации производства и общества.

Рассматривая информационное общество, П. Друкер говорит о посткапиталистическом обществе и отмечает, что ключевой характеристикой нового общества является переход от индустриального хозяйства к экономической системе, основанной на знаниях и информации. Именно новые информационно-коммуникационные технологии становятся драйвером развития (Друкер, 1999; Друкер, 2007).

М. Кастельс отмечает, что постиндустриальное общество является сетевым, так как функции и процессы в нем реализуются по принципу сетей. В качестве ключевого фактора выступает богатство знаний, а также модель взаимоотношений по принципу «человек – сеть»; специфика информационного общества – в ускоряющейся технологии обработки информации и развитии информационных наук. С точки зрения М. Кастельса, сетевые структуры становятся основой для обеспечения устойчивого развития и возникновения «сетевого общества» (Кастельс, 2000; Кастельс и Химанен, 2002).

Сеть обладает гибкостью, адаптированностью и эволюционной сущностью. Электронные коммуникации распространяются на всю жизнедеятельность социума, и появляется глобальная электронная коммуникационная система – сеть.

Немаловажным фактором, о котором также пишет М. Кастельс, является проблема «цифрового разрыва», которая тесно связана с уровнем доступа к сети Интернет и наличием навыков работы в цифровом пространстве.

Таким образом, по мнению М. Кастельса, если для индустриального этапа развития характерен индустриализм, то в рамках нового этапа – сетевого – ключевым фактором становится информация, а обеспечение конкурентоспособности национальной экономики основано на обладании информационными технологиями.

Внедрение новых технологий и формирование сетевого общества неразрывно связаны с эволюцией технологических укладов и НТП, который направлен на повышение эффективности производства, обеспечение интенсивного экономического роста, совершенствование структуры национальной экономики и решение проблем в отдельных ее секторах. Рассмотрение этапов развития экономики без выделения ключевых этапов развития технических наук невозможно, так как между техническим аспектом и экономическим есть прямая зависимость.

Еще одним фактором, влияющим на экономическое развитие, являются НТР.

До первой НТР в качестве источников энергии выступали энергия ветра, падающей воды, мышечная сила животных и людей. Изобретение парового двигателя стало отправной точкой серии НТР, а его применение позволило существенно увеличить возможности человека. Последующие НТР также меняли деятельность общества, и можно проследить смену их приоритетных источников.

Первая НТР стала переломным моментом в жизни общества, так как произошел переход от ручного труда к машинному производству. Наступил «век пара». Благодаря второй НТР его сменил «век машин»: произошел переход к конвейерному производству, что позволило обеспечить массовый выпуск и массовый сбыт дешевых товаров. Третья НТР стала «веком микроэлектроники». Именно появление сети Интернет и развитие информационно-коммуникационных технологий послужили драйверами развития новых видов деятельности и преобразования существующей модели экономики. Третья НТР стала предпосылкой цифровой революции, которую мы наблюдаем сегодня. Именно с середины XX века цифровые технологии входят в жизнь общества и начинается процесс цифровизации. Появление компьютеров, мобильных телефонов, рост доступности сети Интернет ускоряет цифровую трансформацию. Можно утверждать, что именно третья НТР стала основной предпосылкой и драйвером четвертой НТР, в основе которой лежат такие инновации, как Big Data, 3D-принтер, беспилотные аппараты, виртуальная и дополненная реальность, нейросети и искусственный интеллект.

Таким образом, происходит усложнение производственного процесса и его автоматизация. Если первые три НТР были ориентированы именно на трансформацию производственного процесса, то последняя революция полностью меняет привычный образ жизни человека, большинство процессов замещаются искусственным интеллектом и переносятся в сеть Интернет. Наблюдается активное развитие сферы услуг и ее цифровая трансформация с учетом накопленного опыта преобразований, а также основного вектора цифровой трансформации экономики. Кроме того, разворачивается новая технологическая революция, которая связана с переходом в качественно иное состояние, где движущими силами становятся информация и информационные технологии. Все большую значимость приобретает цифровизация всех сфер деятельности, начиная с системы государственного управления и заканчивая жизнедеятельностью индивида.

Пятая НТР будет основана не только на прошлом опыте, но и на изменении потребностей человека. Актуальность приобретают экологичность, перенос всех процессов в цифровое пространство. Прогнозируемая промышленная революция будет базироваться не только на происходящих в обществе трансформационных процессах, но и на существующих научных исследованиях.

Переход к новой модели экономики и формирование сетевого общества способствуют трансформационным процессам, выражающимся в изменении роли человека в производственном процессе. Причем эти перемены будут варьироваться от упрощения производственного процесса за счет внедрения прогрессивных технологий, что связано с обучением и повышением квали-

фикации персонала, до полного вывода человека из производственного процесса. Разумеется, это крайние случаи, но при этом мы можем утверждать, что профессиональные компетенции будут трансформироваться и востребованность профессий будет претерпевать изменения. Прогнозируется активное использование цифровых технологий, таких как Big Data, виртуальная и дополненная реальности, искусственный интеллект, облачные сервисы, Интернет вещей. Встает вопрос о декарбонизации экономики, о переходе к интеллектуальной экономике. Уже сейчас можно наблюдать рост востребованности дистанционных технологий и персонализации продукции.

В таблице 3 предложены наши характеристика промышленных революций и прогноз пятой промышленной революции, выделены ее предпосылки и прогнозируемые результаты.

Таблица 3 / Table 3

Особенности смены научно-технических революций /
Features of the change of scientific and technical revolutions

Промышленная революция	Характеристика промышленной революции
Первая промышленная революция – энергетическая (первая половина XVII в. – начало XIX в.)	Переход от ручного труда к машинному производству. Использование водяного пара и паровых машин в промышленности. Результаты: механизация основных технологических процессов; существенное повышение производительности труда; расширение товарообмена, а также снижение издержек, как транспортных, так и производственных; снятие ограничений на размещение крупных производственных мощностей благодаря освоению подземной добычи высококалорийного каменного угля с последующим выводом его на рынок.
Вторая промышленная революция – машинно-техническая (вторая половина XIX в. – начало XX в.)	Создание крупного машинного производства. Основа индустриализации – конвейерное производство, обеспечивающее выпуск дешевых товаров массового спроса. Актуализация широкого использования электроэнергии и нефтяных топлив, а также электродвигателей и двигателей внутреннего сгорания; развитие крупнотоннажной органической химии. Результаты: высокая производительность труда на установках любой мощности; дальнейшее развитие железнодорожного и водного транспорта; возникновение автомобильного и авиационного видов транспорта; существенное расширение географии сбыта готовой продукции и сырья; рост мобильности населения; формирование базовых отраслей современной экономики (промышленность, транспорт, сельское хозяйство).

Промышленная революция	Характеристика промышленной революции
Третья промышленная революция – информатизация (середина XX в. – начало XXI в.)	Внедрение информационных и коммуникационных технологий во все сферы деятельности человека, автоматизация и роботизация процессов; формирование транснациональных корпораций; использование атомной энергии; развитие электроники, космической техники, расцвет крупной промышленности; массовое внедрение электроники и средств автоматизации технологических процессов, компьютерной техники, информационно-коммуникационных технологий, создание сети Интернет. Основными инновациями стали персональный компьютер, сеть Интернет, портативный компьютер. Результаты: усиление урбанизации и появление мегаполисов; рост мобильности населения; кардинальное усовершенствование управления производственными процессами, повышение качества производимой продукции и снижение издержек; повышение эффективности международного разделения труда, глобализация производственных отношений и формирование мировых рынков товаров и услуг; существенное развитие сферы услуг, ставшей ключевым элементом современной экономики.
Четвертая промышленная революция – цифровая (2011 г. – середина XXI в.)	Коренное изменение привычного мира, выражающееся как в технологических инновациях, так и в изменениях отраслевой структуры экономики, социальном расслоении, обусловленном исчезновением старых профессий и появлением новых; преобразование технологии производства на основе электроники; применение биотехнологий. Основные инновации: Big Data, 3D-принтер, беспилотные аппараты, виртуальная и дополненная реальности, нейросети и искусственный интеллект. Результаты: переход на возобновляемые источники энергии; появление Интернета вещей; экономика совместного использования; сетевой и коллективный доступ и потребление; уменьшение значимости производственного персонала; активное использование социальных сетей и медиапространства для передачи информации и выстраивания коммуникаций.
Пятая промышленная революция – «зеленая» (с середины XXI в.). Авторский прогноз	Предпосылки: переход к новой модели экономики; инновационное дальнейшее развитие технологий Big Data, виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта, облачных сервисов, Интернета вещей. Результаты: полная замена человека технологиями; продукция массово персонализированная; максимальное использование дистанционного формата; развитие цифровой логистики; деурбанизация экономики; главный драйвер – сохранение окружающей среды.

Источник: составлено авторами.

Наблюдается стремительное преобразование технологического процесса. Так, за период с XVII по XXI век произошли коренные изменения как в технологическом плане, так и в структуре экономики. В XXI веке большинство стран стоит на пороге новой революции, связанной с цифровизацией экономики, повсеместным внедрением информационно-коммуникационных технологий и новых цифровых бизнес-моделей, что, в свою очередь, приводит к расширению ассортимента предлагаемых товаров и услуг, а также совершенствованию процесса их предоставления на рынке.

Начало первого этапа НТП совпадает с началом первой НТР. В дальнейшем происходит ускорение НТП и наблюдается асинхронность этапов НТП и НТР.

Ключевое отличие НТП от НТР заключается в том, что НТП – явление самостоятельное и на его темпы невозможно повлиять, а основная задача здесь – совершенствование производственного процесса. В свою очередь, НТР имеет более короткие сроки, ее результат – коренные качественные изменения. В ходе НТР наблюдается интеграция науки и производства, смена традиционных технологий на инновационные с принципиально новыми подходами к организации труда и производства.

На современном этапе развития необходимы трансформация существующих и нахождение новых ресурсов, которые до того не были известны. Время великих географических открытий прошло и нахождение крупных месторождений полезных ископаемых уже затруднительно, а повышение эффективности использования разрабатываемых месторождений сопряжено с определенными капиталовложениями.

В условиях высокой турбулентности развития меняются и экономические циклы. Сейчас их продолжительность составляет четыре–пять лет, причем наступление кризиса имеет более плавный характер, а переход от кризиса к новому подъему – более затянутый, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, увеличение доли крупных корпораций в общем объеме производимой продукции, что позволяет им доминировать на рынке и определять тренды развития. Во-вторых, влияние НТП на отраслевую структуру экономики, а также на величину и структуру спроса. Появление инновационных отраслей и совершенно новых товаров, не имеющих заменителей, приводит к изменению старых отраслей и снижению уровня спроса на их товары и услуги. Именно традиционные отрасли экономики подвержены влиянию инновационных процессов, и здесь возможно два направления развития: либо «отмирание» старой отрасли, либо ее трансформация и выход на технологически новый уровень развития. В-третьих, глобализация экономических процессов и международное разделение труда. Синхронизация циклического развития экономики в ряде стран обусловлена наличием технологических связей и достаточно тесными межгосударственными связями.

Кроме того, на современном этапе циклическое развитие экономики тесно связано с технологическими укладами. Впервые о них упомянул Н. Д. Кондратьев, но сам экономический термин был введен только в конце XX века Д. С. Львовым и С. Ю. Глазьевым (Глазьев и др., 1992). При этом ведущими исследователями технологического уклада сегодня являются С. Ю. Глазьев и К. Перес.

По мнению К. Перес, внедрение и масштабное применение новых технологий проходит в два этапа. На первом этапе совершенствуется структура экономики, внедряются новые способы осуществления предпринимательской деятельности. Старые, применяемые технологии утрачивают актуальность и востребованность, а инновационные находят все больший отклик и занимают доминирующее положение. На втором этапе наблюдается уже не технологическое развитие, а институциональное (Перес, 2011).

С. Ю. Глазьев, рассматривая циклическое развитие экономики в 90-е годы прошлого века, проводит параллель между технологическими укладами и существенными изменениями в технологии производства, о которых говорит Н. Д. Кондратьев.

Широкому распространению технологий и инноваций способствует ряд факторов. Во-первых, кооперация, а также усиление конкурентной борьбы в реальном секторе экономики. Во-вторых, развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и коммерциализация изобретений. В-третьих, поддержка со стороны государства инновационной активности. В-четвертых, глобализация и мировая интеграция национальных экономик.

По мнению С. Ю. Глазьева, «технологические уклады – это группы совокупностей технологически сопряженных производств, выделяемых в структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими “цепочками” и образующие воспроизводящиеся целостности» (Глазьев, 2018, с. 38). Кроме того, С. Ю. Глазьев вводит в научный оборот понятие жизненного цикла технологического уклада и утверждает, что «каждый технологический уклад является самовоспроизводящейся целостностью, вследствие чего технологическое развитие экономики не может происходить иначе, как путем последовательной смены технологических укладов» (Глазьев, 2018, с. 43). В развитии мировой экономики выделяется шесть технологических укладов, последний из которых мы сейчас наблюдаем. Предпосылкой возникновения и становления первого технологического уклада стало изобретение ткацких и прядильных машин и их использование в производственном процессе в Англии.

Характеристика технологических укладов по С. Ю. Глазьеву и прогнозируемого авторами седьмого технологического уклада представлена в таблице 4.

Таблица 4 / Table 4

Эволюция технологических укладов / Evolution of technological orders

Технологический уклад	Характеристика технологического уклада
Первый технологический уклад (1770–1830)	Первая промышленная революция; мастерские и фабрики как основные формы организации производства; применение новых технологий; использование энергии воды; механизация труда; начало поточного производства в текстильной промышленности. Страны-лидеры: Великобритания, Франция, Бельгия.

Технологический уклад	Характеристика технологического уклада
Второй технологический уклад (1830–1880)	«Эпоха пара»; заводы как основная форма организации производства; строительство железнодорожных дорог; ускоренное развитие железнодорожного и водного транспорта на основе паровых машин; активное внедрение паровых двигателей в промышленное производство. Страны-лидеры: Великобритания, Франция, Бельгия, Германия, США.
Третий технологический уклад (1880–1930)	Автодорожное строительство; развитие тяжелого машиностроения и электротехнической промышленности на основе использования стального проката; множество открытий в области химии; господство монополий на рынке; начало концентрации банковского и финансового капитала. Страны-лидеры: Германия, США, Великобритания, Франция, Бельгия, Швейцария, Нидерланды.
Четвертый технологический уклад (1930–1970)	«Эпоха нефти»; концерны как основная форма организации производства; дальнейшее развитие энергетики с использованием нефти и нефтепродуктов, газа, средств связи, новых синтетических материалов; массовое производство товаров народного потребления, автомобилей, самолетов и различных видов вооружения; широкое распространение компьютеров и программных продуктов; использование атомной энергии в военных и мирных целях; массовое производство, основанное на конвейерных технологиях; образование транснациональных и межнациональных компаний, осуществляющих прямые инвестиции в рынки различных стран. Страны-лидеры: США, страны Западной Европы, СССР.
Пятый технологический уклад (1970–2010)	Транснациональные корпорации и малый наукоемкий бизнес как основные формы организации производства; ключевые сферы – авиастроение, информационные и телекоммуникационные технологии; применение технологий, используемых в микроэлектронной промышленности, вычислительной, оптико-волоконной технике, программном обеспечении, телекоммуникациях, роботостроении, при производстве и переработке газа, оказании информационных услуг; производство, основанное на использовании биотехнологий, космической техники, химии новых материалов с заданными свойствами. Страны-лидеры: страны Евросоюза, США, Канада, Южная Корея, Китай (Тайвань).
Шестой технологический уклад (2010–2057)	Эпоха нанобиотехнологий; выход на принципиально новый уровень управления экономикой, государством и обществом; развитие и применение высоких технологий. В основе – глобальные информационные сети, система искусственного интеллекта, нанотехнологии, клеточные технологии, технологии, используемые в геномной инженерии, водородной энергетике и управляемых термоядерных реакциях. Страны-лидеры: США, Германия, Китай, Россия.

Технологический уклад	Характеристика технологического уклада
Седьмой технологический уклад (с 2057 г.). Авторский прогноз	Экономика экологии как главный драйвер; максимальная замена труда человека на цифровые технологии; дезурбанизация; развитие цифровой логистики, кибербезопасности; инновационные технологии седьмого технологического уклада. Страны-лидеры: США, Китай, Россия.

Источник: составлено авторами с использованием (Глазьев, 2018).

Как видно из таблицы 4, первые четыре технологических уклада характерны для индустриального (техногенного) общества, где ключевой сферой экономики выступала промышленность, а для экономической системы было характерно массовое товарное производство на основе общественного разделения труда и машинных технологий. Для данного периода основным фактором производства выступает капитал.

В свою очередь, пятый и начинающийся шестой технологические уклады – это эпоха постиндустриального (информационного) общества, где в качестве основного фактора производства выступают знания, ключевой сферой экономики стала уже сфера услуг и информации, а преобладающей экономической системой – высокоразвитая рыночная экономика, эффективно использующая результаты НТР, автоматизацию и информационно-компьютерные технологии. В конце 1960-х – начале 1970-х годов наблюдалась трансформация НТП, что выразилось в повышении производительности труда в сфере промышленности и последующем высвобождении части ресурсов, которые перешли в сферу услуг и тем самым стали катализатором ее развития. В результате сфера услуг заняла ведущее место в экономике развитых государств, внося существенный вклад в формирование валового внутреннего продукта.

Седьмой технологический уклад по времени совпадет с прогнозируемой пятой промышленной революцией – «зеленой», в результате которой ожидаются пересмотр роли человека в производственном процессе, персонализация продукции, развитие цифрового сегмента экономики и максимальное использование дистанционного формата, а также дезурбанизация, экологизация производства и потребления, снижение уровня использования природных ресурсов. Примечательно, что предпосылки дезурбанизации и развития дистанционных форматов взаимодействия наблюдаются уже сейчас.

Смена технологических укладов сопровождается рядом изменений:

- происходят перемены на корпоративном уровне (появляются новые эффективные инструменты, а также организационные и управленческие структуры, перепрофилируется рабочая сила);
- технологические инновации становятся ключевым фактором, «переориентирующим» инвестиционные потоки в новые сферы деятельности;
- изменяется мотивация у потребителей, их потребности и предпочтения смещаются в пользу товаров и услуг с высокой долей технологических инноваций;
- трансформируется структура рынка, появляются новые доминирующие компании.

Таким образом, происходящие изменения неизбежны для всех участников рынка, а для государства в целом важно не просто констатировать изменения, но и принять ряд мер, направленных на обеспечение своей конкурентоспособности.

На основе рассмотренных теоретических подходов авторами предлагается ввести следующую периодизацию развития экономики, учитывающую роль человека в производственном процессе и включающую в себя шесть этапов (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Периодизация развития экономики на основе смены роли человека в производственном процессе / Periodization of economic development based on changing the role of a person in the production process

Этап	Характеристика этапа развития экономики
Ручной труд (до 1600 г.)	Производственный процесс основан на использовании ручного труда. Начальный этап становления производства. Человек – активный и единственный участник производственного процесса.
Механизация производства (1600–1750)	Развитие производственных процессов, начальный этап автоматизации на производстве. Главенствующая роль человека в производственных процессах.
Машинное производство (1750–850)	Становление крупного машинного производства. Снижение роли человека в производственных процессах.
Расширенное производство (1850–1950)	Роль человека в производственном процессе меняется: из активного участника в самом производстве он становится субъектом, принимающим производственные решения.
Информатизация (1950–2020)	Частичное исключение человека из производственного процесса. Роль человека сведена к обработке информации и принятию решений. Автоматизация всех процессов.
Цифровизация (2020–2070)	В зависимости от специфики производства человек максимально исключается из производственного процесса. В основе – взаимодействие по принципу «машина – машина», автоматизация и роботизация.

Источник: составлено авторами.

Данный подход к периодизации иллюстрирует снижение значимости человеческого фактора в процессе производства, а также переход к машинному производству и использованию новейших для своего времени технологических решений. Применительно к шестому этапу – цифровизации – нами выделены ключевые характеристики, которые будут наблюдаться к концу этапа, то есть к 2070 году. Предлагаемая периодизация не противоречит рассмотренным выше технологическим укладам, НТР и НТП и коррелирует с уже существующими исследованиями развития экономических процессов и роста востребованности инновационных технологий.

Проведя сравнительный анализ временных периодов, можно утверждать, что до XVII века наблюдалось формирование предпосылок для перехода к НТП. Причем первый этап НТП, связанный с появлением машинного производства, был ориентирован на единичные отрасли. Лишь с XIX века процессы ускоряются, чему способствовали формировавшаяся инфраструктура и интегрированные компании и объединения. Одним из ключевых факторов ускорения производственных процессов стала скорость передачи товара / сырья и информации. С середины прошлого века начался новый этап НТП – формирование информационного общества. Это совпало с третьей промышленной революцией, характеризующейся цифровизацией деятельности и ускорившей переход от четвертого технологического уклада («эпохи нефти») к пятому (развитие информационно-информационных технологий, формирование транснациональных корпораций и наукоемких компаний), а затем и к шестому, в основе которого глобальные информационные сети и который может быть назван «эпохой глобальных сетей».

Шестой технологический уклад пока на стадии становления, но уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что такие направления, как развитие цифровой экономики, сферы услуг, а также усиление роли глобальных информационных сетей, позволяют обеспечить ускоренное внедрение цифровых технологий в экономическую и социальную сферу, что даст возможность повысить не только качество жизни общества, но и конкурентоспособность национальной экономики на мировом уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами проведен ретроспективный анализ экономики с учетом цикличности ее развития. Путем наложения этапов НТП, НТР и технологических укладов предложен подход к периодизации развития экономики на основе смены роли человека в производственном процессе.

По результатам проведенного исследования выявлено, что существующие подходы к классификации циклов не учитывают такой критерий, как «уровень экономического взаимодействия», что послужило основанием для предложения выделить три уровня возникновения и развития экономических циклов: микроэкономический, макроэкономический и мегаэкономический.

Нами выдвинуто предположение, что с середины XXI века будет наблюдаться пятый этап развития НТП – «цифровое общество», для которого характерно повсеместное внедрение цифровых технологий, а основным ресурсом выступают цифровые данные.

Также с середины XXI века прогнозируется пятая промышленная революция – «зеленая», в результате которой роль человека в производственном процессе существенно изменится и главенствующее положение займут цифровые технологии. При этом, как уже отмечалось, выведение человека из производственного процесса и замена на технологические решения будут носить весьма дифференцированный характер, продукция станет массово персонализированной, использование дистанционного формата – максимальным;

продолжится развитие цифровой логистики, дезурбанизация экономики, а драйвером этих процессов будет сохранение экологии.

Нами сделано предположение, что в 2057 году наступит седьмой технологический уклад, главным драйвером которого станет экономика окружающей среды, а результатом – максимальная замена труда человека на цифровые технологии, дезурбанизация, развитие цифровой логистики и кибербезопасности, инновационные технологии.

На основе систематизации этапов НТП, выявленных и систематизированных особенностей НТР, а также подхода С. Ю. Глазьева к эволюции технологических укладов нами выделены этапы развития экономики с точки зрения изменения роли человека в производственном процессе и сделан вывод, что с наступлением каждого этапа значимость человека в производственном процессе снижается, а главенствующую роль начинают играть машины, оборудование и новейшие технологические решения.

Результаты проведенного исследования могут выступить в качестве базиса для изучения цифровой экономики и ее моделирования с учетом всей совокупности влияющих факторов.

Список источников

Баранов И. А. Типологизация экономических циклов и модельный инструментарий их исследования // Российское предпринимательство. 2014. № 5. С. 20–26.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 956 с.

Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса / Пер. с англ. под ред. М. А. Сторчевого. СПб.: Экон. шк., 2008. 382 с.

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / Пер. с англ. М.: Дело Лтд, 1994. 687 с.

Гиль А. В., Морозов А. В. От информатизации к цифровизации образовательного процесса // Образование и право. 2019. № 12. С. 129–135.

Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мировом хозяйственном укладах. М.: Книж. мир, 2018. 768 с.

Глазьев С. Ю., Львов Д. С., Фетисов Г. Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992. 208 с.

Глазьев С. Ю., Микерин Г. И., Тесля П. Н. и др. Длинные волны: научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие. Новосибирск: Наука, 1991. 223 с.

Грейскоп А. А., Кузашев А. Н. Актуальные вопросы цифровизации и информатизации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 1–1. С. 81–83. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2021-1018>.

Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 67–100.

Друкер П. Управление в обществе будущего / Пер. с англ. и ред. Е. В. Трибушной. М.: Вильямс, 2007. 320 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Гос. ун-т Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.

Кастельс М., Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель / Пер. с англ. А. Калинина, Ю. Подороги. М.: Логос, 2002. 224 с.

Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Пер. с англ. Н. Н. Любимова. М.: Гелиос АРВ, 2011. 350 с.

Коваленко Е. Г., Мурашова Н. В. Цифровизация и информатизация как факторы устойчивого развития территорий // Вестник НГИЭИ. 2020. № 10. С. 119–128. <https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10100>.

Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. 767 с.

Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993. 543 с.

Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. 526 с.

Ларин С. Н., Соколов Н. А. Постиндустриальная экономика: концептуальные особенности развития и стратегии экономического роста стран-лидеров // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4, № 4. С. 305–321. <https://doi.org/10.5281/zenodo.1218435>.

Мамаева А. А. Предпринимательская деятельность в условиях цифровизации и информатизации // Вестник научной мысли. 2021. № 6. С. 757–761. <https://doi.org/10.34983/DTIPB.2022.32.57.001>.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала / Пер. с нем. И. И. Степанова-Скворцова. М.: Политиздат, 1953. 794 с.

Маршалл А. Принципы экономической науки: в 3 т. Т. 2 / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. 309 с.

Медунецкий В. М., Силаева К. В. Основные этапы развития технических наук. СПб: Ун-т ИТМО, 2016. 67 с.

Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Пер. с англ. А. В. Куряева. Челябинск: Социум, 2012. 875 с.

Милкова Э. Г. От автоматизации к цифровизации – отличия и тенденции // Colloquium-Journal. 2020. № 9–6. С. 15–19.

Митчелл У. К. Экономические циклы: проблема и ее постановка / Пер. с англ. Е. Д. Кондратьевой, О. Е. Пряхиной и В. Э. Шпринка. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 504 с.

Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / Пер. с англ. Ф. В. Маевского; науч. ред. пер. С. Ю. Глазьев, В. Е. Дементьев. М.: Дело, 2011. 231 с.

Попов Ф. А. От информатизации вуза к его цифровизации // Информация и образование: границы коммуникаций. 2018. № 10. С. 12–14.

Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. М.: Наука; РОССПЭН, 1997. 574 с.

Тупчиенко В. А., Кривцова М. К. Ключевые теории экономического цикла // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 3. С. 2–12.

Фридмен М., Хайек Ф. О свободе / Пер. с англ. под общ. ред. А. Куряева. М.: Социум, Три квадрата, 2003. 182 с.

Шигаев А. В. Формирование направлений эффективной информатизации и цифровизации предприятий // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвуз. сб. науч. тр. 2019. № 1. С. 67–74.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Пер. с нем. В. С. Автономова, М. С. Любского, А. Ю. Чепуренко. М.: Эксмо, 2007. 862 с.

Экономический цикл: анализ австрийской школы / Пер. с англ.; сост. А. В. Куряев. Челябинск: Социум, 2005. 220 с.

Freeman Ch. The economics of industrial innovation. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. 470 p.

Freeman Ch., Perez C. Structural crisis of adjustment, business cycles and investment behavior // Technical change and economic theory / Ed. by G. Dosi, Ch. Freeman, R. Nelson et al. London, New York: Pinter Publishers, 1988. P. 38–66.

Kitchin J. Cycles and trends in economic factors // The Review of Economics and Statistics. 1923. Vol. 5, № 1. P. 10–16. <https://doi.org/10.2307/1927031>.

Kuznets S. Schumpeter's business cycles // American Economic Review. 1940. Vol. 30, № 2. P. 257–271.

Kuznets S. Secular movements in production and prices: Their nature and their bearing upon cyclical fluctuations. Boston: Houghton Mifflin, 1930. 536 p.

Masuda Y. The information society as post-industrial society. Washington, D.C.: World Future Society, 1981. 171 p.

Информация об авторах

Н. В. Усова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и международного менеджмента ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», 620219, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62

SPIN-код (РИНЦ): 7098-2046

AuthorID (РИНЦ): 674520

М. П. Логинов – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», 620219, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62

SPIN-код (РИНЦ): 8796-0033

AuthorID (РИНЦ): 369612

Web of Science ResearcherID: V-2947-2017

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; одобрена после рецензирования 09.08.2022; принята к публикации 09.08.2022.

References

Baranov, I. A. (2014), "Typology of economic cycles and modeling tools of their research", *Russian Journal of Entrepreneurship*, no. 5, pp. 20–26.

Bell, D. (1999), *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting], translated by Inozemtsev, V. L. (ed.), Academia, Moscow, Russia.

Blaug, M. (2008), *100 velikikh ekonomistov posle Keinsa* [Great economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past Cheltenham], translated by Storchevoi, M. A. (ed.), Economic School, St. Petersburg, Russia.

Blaug, M. (1994), *Ekonomicheskaya mys' v retrospektive* [Economic theory in retrospect], translated from English, Delo Ltd, Moscow, Russia.

Gil, A. V. and Morozov, A. V. (2019), "From informatization to digitalization of the educational process", *Education and Law*, no. 12, pp. 129–135.

Glaziev, S. Yu. (2018), *Ryvok v budushchee. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirokhozyaistvennom ukladakh* [A leap into the future. Russia in new technological and world economic structures], Book World, Moscow, Russia.

Glaziev, S. Yu., L'vov, D. S. and Fetisov, G. G. (1992), *Evolutsiya tekhniko-ekonomicheskikh sistem: vozmozhnosti i granitsy tsentralizovannogo regulirovaniya* [Evolution of technical and economic systems: Opportunities and boundaries of centralized regulation], Nauka, Moscow, Russia.

Glaziev, S. Yu., Mikerin, T. I., Teslya, P. N. et al. (1991), *Dlinnye volny: Nauchno-tekhnicheskii progress i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye* [Long waves: Scientific and technological progress and socio-economic development], Nauka, Novosibirsk, Russia.

Greyscope, A. A. and Kuzyashev, A. N. (2021), "Topical issues of digitalization and informatization", *Economy and business: theory and practice*, no. 1–1, pp. 81–83, <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2021-1018>.

Druker, P. (1999), "Post-capitalist society", translated from English, in Inozemtsev, V. L. (ed.), *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya* [A new post-industrial wave in the West. Anthology], Academia, Moscow, Russia, pp. 67–100.

Druker, P. (2007), *Upravlenie v obshchestve budushchego* [Managing in the next society], translated by Tribushna, E. V., Williams, Moscow, Russia.

Castells, M. (2000), *Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: Economy, society and culture], translated by Shkaratan, O. I. (ed.), HSE Publishing house, Moscow, Russia.

Castells, M. and Himanen, P. (2002), *Informatsionnoe obshchestvo i gosudarstvo blagosostoyaniya: Finskaya model'* [The information society and welfare state: The Finnish model], translated by Kalinin, A. and Podoroga, Yu., Logos, Moscow, Russia.

Keynes, J. M. (2011), *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The general theory of employment, interest and money], translated by Luybimov, N. N., Helios ARV, Moscow, Russia.

Kovalenko, E. G. and Murashova, N. V. (2020), "Digitization and informatization as factors of sustainable development of territories", *Bulletin NGIEI*, no. 10, pp. 119–128, <https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10100>.

Kondratiev, N. D. (2002), *Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy* [Large cycles of conjuncture and the theory of foresight. Selected works], Economics, Moscow, Russia.

Kondratiev, N. D. (1993), *Izbrannye sochineniya* [Selected works], Economics, Moscow, Russia.

Kondratiev, N. D. (1989), *Problemy ekonomicheskoi dinamiki* [Problems of economic dynamics], Economics, Moscow, Russia.

Larin, S. N. and Sokolov, N. A. (2018), "Postindustrial economy: Conceptual features of development and strategy of economic growth of the leading countries", *Bulletin of Science and Practice*, vol. 4, no. 4, pp. 305–321, <https://doi.org/10.5281/zenodo.1218435>.

Mamaeva, A. A. (2021), "Entrepreneurial activity in the context of digitalization and informatization", *Bulletin of Scientific Thought*, no. 6, pp. 757–761, <https://doi.org/10.34983/DTIPB.2022.32.57.001>.

Marx, K. (1953), *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii* [Capital: A critique of political economy], Vol. 1, book 1: The process of production of capital, translated by Stepanov-Skvortsov, I. I., Politizdat, Moscow, Russia.

Marshall, A. (1993), *Printsipy ekonomicheskoi nauki* [Principles of economic science], in 3 vol., Progress, Moscow, Russia.

Medunetskiy, V. M. and Silaeva, K. V. (2016), *Osnovnye etapy razvitiya tekhnicheskikh nauk* [The main stages in the development of technical sciences], ITMO University, St. Petersburg, Russia.

Mises L. von (2012), *Chelovecheskaya deyatel'nost': traktat po ekonomicheskoi teorii* [Human action. A treatise on economics], Sotsium, Chelyabinsk, Russia.

Milkova, E. G. (2020), "From automation to digitization – Differences and trends", *Colloquium-journal*, no. 9–6, pp. 15–19.

Mitchell, W. K. (1930), *Ekonomicheskie tsikly: problema i ee postanovka* [Business cycles: The problem and its setting], translated by Kondratieva, E. D., Pryakhina, O. E. and Shprink, V. E., Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Moscow, Leningrad, Russia.

Perez, C. (2011), *Tekhnologicheskie revolyutsii i finansovyi kapital. Dinamika puzyrei i periodov protsvetaniya* [Technological revolutions and financial capital: The dynamics of bubbles and golden ages], translated by Maevskiy, V. F., Delo, Moscow, Russia.

Popov, F. A. (2018), "From informatization of the university to its digitalization", *Informatsiya i obrazovanie: granitsy kommunikatsii*, no. 10, pp. 12–14.

Tugan-Baranovsky, M. I. (1997), *Izbrannoe. Periodicheskie promyshlennye krizisy. Istoriya angliiskikh krizisov. Obshchaya teoriya krizisov* [Selected works. Periodic industrial crises. The history of English crises. General theory of crises], Nauka, ROSSPEN, Moscow, Russia.

Tupchienko, V. A. and Krivtsova, M. K. (2014), "Key theories of the economic cycle", *Financial Analytics: Science and Experience*, no. 3, pp. 2–12.

Friedman, M. and Hayek, F. A. (2003), *O svobode* [On freedom], translated by Kuryaev, A. (ed.), Sotsium, Tri kvadrata, Moscow, Russia.

Shigaev, A. V. (2019), "Formation of directions of effective informatization and digitalization of enterprises", *Problemy sovershenstvovaniya organizatsii proizvodstva I upravleniya promyshlennymi predpriyatiyami: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*, no. 1, pp. 67–74.

Schumpeter, J. (2007), *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm I demokratiya* [Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy], translated by Avtonomov, V. S., Lyubskiy, M. S. and Chepurensky, A. Yu., Eksmo, Moscow, Russia.

Freeman, Ch. (1997), *The economics of industrial innovation*, MIT Press, Cambridge, MA, US.

Freeman, Ch. and Perez, C. (1988), "Structural crisis of adjustment, business cycles and investment behavior", in Dosi, G., Freeman, Ch., Nelson, R. (eds.), *Technical change and economic theory*, Pinter Publishers, London, UK, NYC, NY, US, pp. 38–66.

Kuryaev, A. V. (ed.) (2005), *Ekonomicheskii tsikl: analiz avstriiskoi shkoly* [Economic cycle: Analysis of the Austrian school], Sotsium, Chelyabinsk, Russia.

Kitchin, J. (1923), "Cycles and trends in economic factors", *The Review of Economics and Statistics*, vol. 5, no. 1, pp. 10–16, <https://doi.org/10.2307/1927031>.

Kuznets, S. (1940), "Schumpeter's business cycles", *American Economic Review*, vol. 30, no. 2, pp. 257–271.

Kuznets, S. (1930), *Secular movements in production and prices: Their nature and their bearing upon cyclical fluctuations*, Houghton Mifflin, Boston, MA, US.

Masuda, Y. (1981), *The information society as post-industrial society*, World Future Society, Washington, D.C., US.

Information about the authors

N. V. Usova – Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Marketing and International Management, Ural State University of Economics, 62 8 Marta str., Yekaterinburg, 620214, Russia

SPIN-код (RSCI): 7098-2046

AuthorID (RSCI): 674520

M. P. Loginov – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Finance, Money in Circulation and Credit, Ural State University of Economics, 62 8 Marta str., Yekaterinburg, 620214, Russia

SPIN-код (RSCI): 8796-0033

AuthorID (RSCI): 369612

Web of Science ResearcherID: E-9478-2019

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 20.07.2022; approved after reviewing 09.08.2022; accepted for publication 09.08.2022.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 403–421.

Ars Administrandi. 2022. Vol. 14, no. 3, pp. 403–421.

Научная статья

УДК 32.01+32:002:004.8(476)

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-403-421>

ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Елена Михайловна Ильина¹

¹ Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь, IlyinaEM@bsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-9586-2679>

Аннотация. Введение: под воздействием искусственного интеллекта и других цифровых технологий и трендов из окружающей среды на «вход» политической системы неизбежно поступают импульсы с вариативными и неопределенными последствиями, кардинально преобразующие систему в целом или ее отдельные подсистемы и функции. В политологическом дискурсе осмыслению искусственного интеллекта как феномена современной политики и управления в условиях цифровой трансформации уделяется явно недостаточное внимание. **Цель:** раскрыть политологические основания искусственного интеллекта, выявить его особенности и потенциал для современной политической теории и практики государственного управления в контексте мирового опыта и белорусских политико-правовых реалий в условиях цифровой трансформации. **Методы:** дискурс-анализ, кейс-стади, системный методологический подход, SWOT-анализ, методология политического прогнозирования, компаративистика. **Результаты:** политические феномены объясняются, оцениваются и прогнозируются в контексте аналитики больших политико-управленческих данных, моделирования виртуально-реального интерфейса политической системы Web 3.0, автоматизации и интеллектуализации управленческой деятельности и политических практик, проактивного принятия политических решений и предоставления государственных услуг, цифрового профилирования и социального скоринга физических и юридических лиц, новых дипфейк-инструментов политики постправды и «мягкой силы» и др. **Выводы:** в условиях цифровой трансформации формируется политическая теория искусственного интеллекта, в рамках которой политологическим сообществом высшей школы разрабатываются новые программы и дисциплины по специальности «Политология» в сфере искусственного интеллекта. Применение технологий искусственного интеллекта в политике и управлении, с одной стороны, предопределено множеством существенных преимуществ и широких возможностей, с другой – имеет целый ряд слабых сторон и сопряжено с серьезными внешними рисками и угрозами, которые следует учитывать при принятии решений по вопросам внедрения технологий искусственного интеллекта в политическую систему.

Ключевые слова: политическая теория искусственного интеллекта, предиктивная аналитика больших данных, метавселенная, цифровое профилирование, интеллектуальный бот, дипфейк, SWOT-анализ

Для цитирования: Ильина Е. М. Политика и управление в условиях цифровой трансформации: политологический ракурс искусственного интеллекта // Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 403–421. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-403-421>.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

POLITICS AND ADMINISTRATION UNDER CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION: A POLITICAL SCIENCE PERSPECTIVE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Elena M. Ilyina¹

¹ Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, IlyinaEM@bsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-9586-2679>

Abstract. Introduction: under the influence of the artificial intelligence and other digital technologies and trends, the “input” of the political system inevitably receives from the environment the impulses producing variable and uncertain consequences and radically transforming the system as a whole or its individual subsystems and functions. The discourse of modern political knowledge does not seem to give due consideration to the political science understanding of artificial intelligence as a phenomenon of modern politics and administration in the context of digital transformation. **Objectives:** to reveal the political science foundations of artificial intelligence, to identify the features and potential of artificial intelligence for modern political theory and public administration practice in the context of world experience and Belarusian political and legal realities in the conditions of digital transformation. **Methods:** discourse analysis, case studies, systems methodological approach, SWOT analysis, political forecasting methodology, comparative studies. **Results:** political phenomena are explained, evaluated and predicted in the context of big political data analysis, Web 3.0 virtual-real interface modeling of political system, automation and intellectualization of managerial activities and political practices, proactive political decision-making and public service delivery, digital profiling and social scoring of individuals and legal entities, new deepfake tools for post-truth politics and “soft power”, etc. **Conclusions:** in the conditions of digital transformation, the political theory of artificial intelligence is being formed, within which the political science community of higher education develops new programs and disciplines for the specialty “Political Science” in the field of artificial intelligence. The use of artificial intelligence technologies in politics and administration, on the one hand, is predetermined by numerous significant advantages and wide opportunities; on the other hand, it is associated with a number of weaknesses, serious external risks and threats that should be taken into account when making decisions concerning the introduction of artificial intelligence technologies into the political system.

Keywords: political theory of artificial intelligence, big data predictive analytics, metaverse, digital profiling, intelligent bot, deepfake, SWOT analysis

For citation: Ilyina, E. M. (2022), “Politics and administration under conditions of digital transformation: A political science perspective of artificial intelligence”, *Ars Administrandi*, vol. 14, no. 3, pp. 403–421, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-403-421>.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях пандемии COVID-19 одной из наиболее значимых, но в то же время дискуссионных сквозных технологий цифровой трансформации является искусственный интеллект (от англ. Artificial Intelligence, AI; далее – ИИ). По прогнозам международной исследовательской корпорации International

Data Corporation, глобальный рынок ИИ, включая программное обеспечение, оборудование и услуги, достигнет 432,8 млрд долл. в 2022 году и превысит 500 млрд долл. в 2023-м, что делает ИИ одним из самых быстроразвивающихся технологических решений последних лет¹.

В академической и общественно-политической среде наблюдается стабильный рост интереса к ИИ в условиях отсутствия универсального подхода к сущности, особенностям и потенциалу данного экспериментального в своей основе междисциплинарного научного направления. Различным аспектам ИИ посвящено множество трудов зарубежных и белорусских ученых² (Бельский и др., 2019; Володенков, 2022; Даллакян, 2020; Кай-Фу Ли, 2019; Карпов и Храмов, 2022; Маркофф, 2017; Пашкевич, 2017; Davenport, 2018; Domingos, 2015; Ganascia, 2018; O'Neil, 2016 и др.).

В контексте актуализации темы ИИ в дискурсе современного политического знания можно отметить специальный выпуск российского издания «Журнал политических исследований» (Федорченко, 2020b), посвященный отдельным аспектам ИИ в сфере медиапространства, политики и государственного управления. Ряд вопросов о роли ИИ в мотивированном политическом познании нашел отражение в коллективной монографии российских ученых «Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах» (Сморгунов, 2021, с. 49–58). Однако остается широкий спектр нерешенных вопросов, требующих дополнительных исследовательских усилий именно с позиций политической науки.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Под «цифровой трансформацией» в политологическом измерении (Ильина, 2020, с. 91–92) будем понимать исходящий из окружающей / внешней среды импульс / вызов на «входе» политической системы, кардинально преобразующий систему в целом или ее отдельные подсистемы, в частности институциональную, нормативно-регулятивную, функциональную, коммуникативную, культурно-идеологическую, и функции (артикуляция и агрегирование интересов, политическая коммуникация, рекрутирование и социализация, интеграция и мобилизация социума, сохранение и адаптация системы, принятие адекватных взаимосвязанных стратегических и тактических решений по основным направлениям внутренней и внешней политики, геополитический выбор и др.) под воздействием цифровых трендов и технологий (искусственный интеллект, большие данные, виртуальная и дополненная реальность, Интернет вещей, блокчейн, роботизация, аддитивные технологии и др.), имеющий неизбежный характер с неопределенными, вариативными и непредсказуемыми последствиями.

¹ IDC forecasts companies to increase spend on ai solutions by 19.6 % in 2022 [Электронный ресурс] // International Data Corporation. 2022. Feb., 15. URL: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS48881422> (дата обращения: 13.05.2022).

² Потанейко П. Развитие искусственного интеллекта в ЕАЭС: взгляд из Беларуси [Электронный ресурс] // Евразия Эксперт. 2018. 14 июня. URL: <https://eurasia.expert/razvitie-iskusstvennogo-intellekta-v-eaes-vzglyad-iz-belarusi/> (дата обращения: 15.06.2022).

Термин «искусственный интеллект» был введен в научный оборот на первом семинаре по ИИ в Дартмутском колледже (США) в 1956 году, что стало официальной точкой отсчета изучения ИИ как новой отрасли науки. Признанные в этой сфере ученые П. Норвиг и С. Рассел классифицируют существующие подходы к исследованию ИИ по четырем основным критериям: изучение ИИ в контексте достоверного воспроизведения способностей человека, то есть как системы: 1) думающей подобно людям (на основе когнитивного моделирования) или 2) действующей подобно людям (использование теста Тьюринга), и изучение ИИ в контексте рациональности / интеллектуальности, то есть как системы: 3) думающей рационально (на основе «законов мышления») или 4) действующей рационально (проектирование рациональных агентов) (Рассел и Норвиг, 2006, с. 35–40).

В научной литературе ИИ интерпретируется как: «раздел компьютерных наук, связанный с проектированием интеллектуальных компьютерных систем, то есть систем, демонстрирующих возможности, которые мы ассоциируем с интеллектом в поведении человека, – понимание языка, обучение, способность рассуждать, решать проблемы и т.д.» (Barr and Feigenbaum, 1981, p. 3); «свойство интеллектуальных систем выполнять функции (творческие), которые традиционно считаются прерогативой человека»³; «полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе биокибернетическая (bio-cybernetic), система (unit), не живая в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделенная / обладающая программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями мыслительных и когнитивных действий, обучения, саморегулирования, самостоятельного принятия решений и т.д.» (Морхат, 2018, с. 150–151).

Сегодня к перспективным методам ИИ относят следующие: методы представления знаний (системы правил и фреймов, семантические сети); методы приобретения знаний (прямые методы, методы извлечения знаний из данных (машинного обучения) и текстов); интеллектуальный анализ данных (логические, статистические и вычислительные методы); методы автоматизации рассуждений (выделение и моделирование дедуктивных, индуктивных, аргументационных, абдуктивных рассуждений, а также рассуждений на основе прецедентов и по аналогии); методы интеллектуального планирования поведения при классических допущениях; методы интеллектуального анализа неструктурированной информации (Соколов, 2019, с. 366–368). Внедрение специализированных цифровых методов сбора и обработки эмпирической информации характеризует становление и прикладное применение «цифровой политологии» как отрасли исследования политических феноменов, стимулированной процессами трансформации социального посредством цифровых технологий (Антанович, 2020, с. 83).

Оценивая состояние текущих исследований политологических аспектов развития ИИ в целом, можно согласиться с мнением доктора политических

³ Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raai.org/library/tolk/aivoc.html#L208> (дата обращения: 15.06.2022).

наук И. А. Быкова, что несмотря на наметившийся в последние годы тренд повышения интереса со стороны политологов к технологиям и методам ИИ, большинство публикаций по вопросам ИИ «имеют лишь косвенное отношение к центральным проблемам политической науки» и опубликованы «в журналах по техническим наукам, философии науки и техники, в журналах по цифровым коммуникациям и т.п.» (Быков, 2020, с. 30), и констатировать, что политологическому осмыслению ИИ как феномена политики и управления в условиях цифровой трансформации с учетом белорусских политико-правовых реалий уделяется явно недостаточное внимание. Настоящая статья, как первое в белорусской академической политологии целенаправленное исследование политологического ракурса ИИ, призвана отчасти восполнить этот пробел. Исходной теоретической предпосылкой выбора общей концепции исследования является тезис о том, что «ядром государственной политики выступает процесс принятия управленческих решений, а государственная политика является ядром государственного управления» (Решетников, 2003, с. 5).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Использование ИИ для анализа больших данных в политике и государственном управлении позволяет значительно упростить процесс принятия решений в условиях неопределенности, что тесно связано с концепцией Data-Driven Political Campaign (Dommett, 2019, с. 5–7) (применение больших данных, преимущественно в электоральных кампаниях, включающее стадии сбора и алгоритмического анализа массива информации для выстраивания психограмм избирателей, сегментирования аудитории и политического микротаргетинга, – например, скандальная практика влияния на результаты выборов британской аналитической компании Cambridge Analytica) и парадигмой Data-Driven Government (принятие управленческих решений институтами государственной власти с помощью интеллектуальных систем поддержки принятия решений на основе технологий и методов анализа больших данных – к примеру, с учетом российского опыта Казахстан в 2021 году анонсировал переход к эффективному государственному управлению, основанному на цифровых данных).

В контексте *предиктивной аналитики больших данных* интересен многолетний опыт представителей Пермской научной школы искусственного интеллекта⁴ по проектированию, обучению и тестированию нейросетевых математических моделей для выявления закономерностей и прогнозирования результатов президентских и парламентских выборов в России и разработки рекомендаций по улучшению рейтинга политических лидеров. В частности, пермскими учеными за полтора года до президентских выборов 2008 года была спрогнозирована победа Д. А. Медведева, когда его личность как политика была еще мало известна (Ясницкий, 2008, с. 150–154). В рамках возмож-

⁴ Пермское отделение Научного Совета Российской Академии Наук по методологии искусственного интеллекта: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permai.ru/> (дата обращения: 13.05.2022).

ности моделирования искусственной нейронной сети, имитирующей функционирование реальной политической системы, можно отметить попытку украинского исследователя Н. А. Полевого разработать нейроподобную имитационную модель, призванную преодолеть «общий изъян моделей политической системы Д. Истона, Г. Алмонда и К. Дойча – избыточное агрегирование этапов подготовки и реализации политических решений, учитывающее “макрополитические факторы”, но не дающее возможностей анализа “микровлияний” на эти решения, которые и вызывали наличие значительных отличий между теоретическими моделями политической системы и ее конкретно-историческими воплощениями» (Полевой, 2011, с. 200).

ИИ и машинное обучение, расширяя предиктивный потенциал технологии моделирования цифровых двойников (от англ. digital twin) – виртуальных аналогов любых физических объектов или процессов (например, 3D-карта Сингапура или трехмерная модель левых камер сердца пациента от Philips Heart Model), становятся ядром системы «интеллектуальных двойников» (Intelligent Twins) – новой открытой архитектуры для интеллектуальной трансформации государственных органов и городских служб (интеллектуальный двойник города), отраслей промышленности (интеллектуальный двойник промышленности) и предприятий (интеллектуальный двойник бизнеса), способной «воспринимать трехмерные объекты, взаимодействовать в любых областях, выносить точные решения и непрерывно эволюционировать воспринимать все измерения, совместно работать в любых сферах деятельности, выносить точные суждения и непрерывно эволюционировать, обеспечивая интеллектуальный опыт для людей, городов будущего и предприятий во всех сценариях»⁵.

В условиях конвергенции физической и искусственной реальности ИИ является одним из главных факторов развития концепции «олицетворенного» Интернета / Web 3.0 – *метавселенной* (от греч. meta – за пределами, вне; от англ. metaverse), которую в политологическом ракурсе можно представить как новый трехмерный виртуально-реальный интерфейс политической системы, децентрализованно управляемый множеством индивидуальных и коллективных цифровых политических акторов (цифровые персональные копии реальных людей / аватары, боты, виртуальные политические институты и др.) посредством формальных и неформальных форм цифровых политических практик (блокчейн-демократия, цифровая политическая изоляция, цифровая гражданственность, онлайн-митинги, цифровые GR-технологии и др.).

На современном этапе концепция метавселенной постепенно выходит за рамки цифровых развлечений и видеоигр, а развитие обслуживающих ее программных и аппаратных решений начинает трансформировать потребительские продукты, цифровую среду промышленности, бизнеса и креативных индустрий. Разработка и внедрение новых пользовательских нейрокомпьютерных интерфейсов (от англ. brain-computer interface (BCI) – нейрокомпью-

⁵ *Intelligent Twins*. Совместное создание интеллектуальных двойников и построение мира интеллектуальных технологий. Huawei, IDC, 2020. P. 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.huawei.ru/intelligent-twins/> (дата обращения: 13.05.2022).

терный интерфейс) может изменить культуру политических коммуникаций. На официальном уровне к данной дискуссионной проблематике впервые обратился в 2021 году Президент Российской Федерации В. В. Путин в ходе конференции по искусственному интеллекту и анализу данных, отметив, что «нужно использовать возможности метавселенных, чтобы люди могли общаться, вместе работать, учиться, реализовывать совместные творческие и деловые проекты, невзирая на какие бы то ни было – даже очень большие – расстояния»⁶. Премьер-министр Японии Фумио Кисида, выступая в Бюджетном комитете Палаты представителей 26 мая 2022 года, заявил: «Мы уверены, что внедрение новых цифровых сервисов, таких как метавселенная, приведет к экономическому росту Японии. Поскольку мы вступаем в эру Web 3, я твердо убежден, что мы должны решительно продвигать эту среду с политической точки зрения»⁷.

Главы таких крупных технологических компаний, как Meta (организация, запрещенная на территории Российской Федерации), Microsoft, Nvidia, Tencent, Baidu, презентовали свои проекты создания метавселенных; правительство Барбадоса подписало соглашение о покупке участка виртуальной земли в метавселенной Decentraland для открытия цифрового посольства; крупнейший банк Великобритании HSBC приобрел виртуальную недвижимость в метавселенной Sandbox в целях сотрудничества с поставщиками финансовых услуг и др. По мнению аналитиков Gartner, несмотря на то, что внедрение технологий метавселенной фрагментарно и находится пока в зачаточном состоянии, к 2026 году 30 % организаций в мире будут готовы предоставлять продукты и услуги в метавселенной, а 25 % населения будут проводить в ней не менее часа в день для работы, покупок, образования или развлечений⁸. Согласно отчету международного банка Citibank, к 2030 году объем рынка метавселенной может достигнуть от 8 до 13 трлн долл. с числом пользователей около 5 млрд и стать следующим поколением Интернета⁹. Однако, как показывают результаты исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения, 90 % россиян не знакомы с понятием «метавселенная», более четверти респондентов (27 %) заявили, что им было бы интересно побывать в метавселенной в качестве своей цифровой копии, а 37 % опрошенных уверены, что от создания метавселенных будет больше вреда, чем пользы¹⁰.

⁶ Конференция по искусственному интеллекту [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2021. 12 нояб. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67099> (дата обращения: 16.05.2022).

⁷ 岸田総理「Web3は日本の経済成長につながると確信」衆院予算委員会で環境整備の必要性に言及 [Электронный ресурс] // CoinPost. 2022. May, 26. URL: <https://coinpost.jp/?p=353466> (дата обращения: 01.06.2022).

⁸ Gartner predicts 25% of people will spend at least one hour per day in the metaverse by 2026 [Электронный ресурс] // Gartner. 2022. Feb., 7. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2022-02-07-gartner-predicts-25-percent-of-people-will-spend-at-least-one-hour-per-day-in-the-metaverse-by-2026> (дата обращения: 01.06.2022).

⁹ Metaverse and money: Decrypting the future [Электронный ресурс] // Citi GPS. 2022. March, 30. URL: https://icg.citi.com/icghome/what-we-think/citigps/insights/metaverse-and-money_20220330 (дата обращения: 01.06.2022).

¹⁰ В аватары я готов! Пусть меня научат... Что такое «метавселенная» россияне пока

Активное внедрение технологий ИИ, включая компьютерное зрение, распознавание и синтез речи, обработку естественного языка, интеллектуальную поддержку принятия решений, способствует развитию систем *цифрового профилирования физических и юридических лиц*. Такие системы применяются как для управления государственными данными посредством сбора, алгоритмической обработки, анализа и предоставления персональных, в том числе биометрических, сведений, образующих цифровой профиль, с согласия человека или организации по запросу органа власти через соответствующие электронные платформы (реализуемый в России пилотный проект по формированию Национальной системы управления данными (Виноградова и др., 2021) и др.), так и для *социального скоринга* (от англ. score – оценка) – алгоритмического оценивания и рейтингования индивидуальных и коллективных субъектов на основе социальных характеристик, полученных в результате мониторинга поведенческих офлайн- и онлайн-активностей, позволяющих прогнозировать их поведение (функционирующая в Китае Система социального кредита, законодательно закреплённая Гражданским кодексом в 2021 году).

Данные социологических опросов показывают, что около 80 % китайских граждан демонстрируют весьма высокий уровень доверия к апробированным в Китае управленческим инновациям в сфере социального рейтингования, а также к цифровым практикам сбора и обработки персональной информации, считая их частью повседневной жизни (Kostka, 2019, p. 1573). При этом большая доля россиян до сих пор не определилась со своим отношением к инициативам правительства по внедрению в государственное управление технологий формирования цифровых профилей и социального грейдинга, а также в значительной степени склонна не доверять государству и особенно частным коммерческим структурам в области управления персональными данными. Около трети российских респондентов считает целесообразным социальный скоринг государственных служащих и субъектов хозяйствования, но видит угрозу своим правам и интересам в случае массового социального ранжирования рядовых граждан (Рувинский и др., 2021, с. 74–76).

Сравнительно новыми ИИ-решениями в политическом и государственном секторах являются *интеллектуальные боты* (от англ. bot, сокращение от robot) – автоматизированные самообучающиеся алгоритмы, имитирующие поведение реальных политических акторов в новых социальных сетевых медиа для конструирования политической реальности (Коньков, 2019, с. 16–17) и оказания влияния на общественное мнение (бот-политик Michihito Matsuda, занявший третье место на выборах мэра в японской столице; виртуальный политик Sam для общения с электоратом в Новой Зеландии; доброкачественные и вредоносные типы бот-технологий в избирательных практиках США, Великобритании, Венесуэлы, Бразилии, Японии (Васильков и Легостаева, 2019, с. 124–126); искусственное управление общественным мнением (астротурфинг) и др.) или на платформах электронных государственных услуг для быстрой обработки запросов граждан, сбора необходимой инфор-

не знают, но каждый четвертый уже готов попробовать [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2022. 16 февр. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-avatory-j-gotov-pust-menja-nauchat> (дата обращения: 01.06.2022).

мации, виртуальной помощи в решении различных проблем и оптимизации работы государственных структур (интероперабельная сеть ИИ-приложений Bürokratt в Эстонии, виртуальный помощник Emma в США, медицинский онлайн-ассистент Olivia в Великобритании и др.).

По данным опроса научно-исследовательского института CGC, 51 % европейцев поддерживают сокращение числа парламентариев и передачу их депутатских мест алгоритмам ИИ¹¹. В своих предпочтениях они солидарны с российским большинством: согласно опросу исследовательского центра портала SuperJob по заказу интернет-издания «Газета.ru», идею замены депутатов Государственной Думы алгоритмами ИИ одобряют 53 % россиян, полагающих, что такая мера поможет обеспечить реальный учет интересов различных слоев населения и снизить коррупцию¹². Оставшиеся 47 % российских респондентов относятся к данной идее отрицательно в связи с опасениями «восстания машин», а также возможностью мошенничества и недостаточной транспарентностью механизмов принятия решений. При этом чем моложе опрошенные европейцы и россияне, тем больше среди них сторонников роботизации законодательных органов власти. Однако ряд аналитиков считают, что результаты данных опросов свидетельствуют скорее не об эффективности технологий ИИ, а в целом о сложившемся уровне политического доверия граждан к представителям власти. Российский лидер В. В. Путин, отвечая на вопрос «Может ли искусственный интеллект стать Президентом?», сказал: «Надеюсь, что нет... У всего искусственного, в том числе и у искусственного интеллекта, нет сердца, души, нет чувства сострадания и совести. Все эти компоненты чрезвычайно важны для людей, которых граждане наделяют особыми полномочиями в принятии и реализации решений, идущих на благо страны. ... Но, без всякого сомнения, искусственный интеллект может быть хорошим подспорьем, хорошим помощником, даже учителем любого человека, и главы государства в том числе. ... Роль и значение искусственного интеллекта в государственном управлении, безусловно, будет возрастать»¹³.

Новым универсальным и эффективным медиаинструментом политики постправды¹⁴ и «мягкой силы» (Федорченко, 2020а, с. 44) в условиях информационного противоборства становятся дипфейки (от англ. deep learn-

¹¹ Jonsson O., De Tena C. L. European Tech Insights 2021: Mapping European attitudes towards technological change and its governance [Электронный ресурс] // IE University, Center for the Governance of Change. 2021. Jan. URL: <https://www.ie.edu/cgc/research/european-tech-insights/> (дата обращения: 28.05.2022).

¹² Каждый второй россиянин считает, что депутатов Госдумы можно заменить искусственным интеллектом [Электронный ресурс] // Исслед. центр портала Superjob.ru. 2021. 15 июня. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112888/kazhdyj-vtoroj-rossiyanin-schitaet/?fbclid=IwAR13C6rJkNxiHlFAxSahUDHWyN5502n5PGzabBPVA6RkUqHel5UskM4enFw> (дата обращения: 01.06.2022).

¹³ Конференция по искусственному интеллекту [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Президента России. 2020. 4 дек. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64545> (дата обращения: 25.05.2022).

¹⁴ От постправды к «неопровержимой лжи». Интервью с профессором РАН К. В. Воронцовым [Электронный ресурс] // Научная Россия. 2022. 27 июня. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/ot-postpravdy-k-neoproverzimoj-lzi-professor-ran-konstantin-voroncov-ob-informacionnoj-bezopasnosti-i-novyh-vyzovah-epochi> (дата обращения: 28.06.2022).

ing – глубокое обучение и fake – подделка) –медиаконтент на основе ИИ, синтетически создаваемый посредством генерирования нейронными сетями по генеративно-состязательному принципу новых изображений, видеороликов, аудиофайлов из исходных наборов данных.

В Республике Беларусь проблема дипфейков стала активно включаться в политическую повестку дня с 2020 года. На совещании с руководством ведущих государственных СМИ глава государства А. Г. Лукашенко подчеркнул, что «дипфейки, так называемая постправда, когда аудиторией умело манипулируют, намеренно уводя от действительно важных проблем... сродни химическому оружию»¹⁵.

В политологическом ракурсе наиболее показательны следующие направления применения дипфейк-технологии:

- конструктивная практика привлечения электората и продвижения политического имиджа кандидата, в том числе среди молодежи (например, вирусное распространение дипфейкового мультязычного агитационного ролика индийского политика Маноджа Тивари в 2020 году и дипфейк-аватар кандидата в президенты Южной Кореи Юн Сок Ёля в 2022-м);

- дезинформация, манипулирование избирателями в политических кампаниях, провокация, дискредитация, шантаж и кибербуллинг политических оппонентов (фальшивый видеоролик 2018 года, где 45-й президент США Дональд Трамп обращается к гражданам Бельгии с призывом отказаться признать Парижское климатическое соглашение; дипфейк-видео 2019 года, обличающее спикера Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси в пьянстве; пародийное видео того же 2019 года с оскорбительными высказываниями бывшего премьер-министра Италии Маттео Ренци в адрес коллег-политиков и др.);

- делегитимация институтов власти и дестабилизация политической системы, деструктивное информационное воздействие и искажение глобального информационного поля, дискредитация государства (подозрения общественности в фальшивом характере видеообращения президента Габона Али Бонго к нации спровоцировали попытку государственного переворота в 2018 году; ложное видеозаявление главы российского государства В. В. Путина об итогах российско-украинских переговоров 2022 года).

По прогнозам аналитиков Gartner, объемы данных, сформированных генеративным искусственным интеллектом, будут только расти и к 2025 году могут достичь 10 % от общего объема всей производимой информации¹⁶. Причем алгоритмически сгенерированный дипфейк-контент становится все более реалистичным, поэтому серьезные опасения вызывает потенциал применения данной технологии для нанесения ущерба национальным интересам, подрыва информационного суверенитета и национальной безопасности. На территории

¹⁵ *Совещание с руководителями ведущих государственных СМИ [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь. 2020. 11 февр. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveschaniye-s-rukovoditeljami-veduschix-gosudarstvennykh-smi-23018> (дата обращения: 01.06.2022).*

¹⁶ *Gartner identifies the top strategic technology trends for 2022 [Электронный ресурс] // Gartner. 2021. Oct., 18. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2021-10-18-gartner-identifies-the-top-strategic-technology-trends-for-2022> (дата обращения: 03.06.2022).*

Республики Беларусь, по данным Следственного комитета, в 2022 году впервые возбуждено уголовное дело за покушение на мошенничество в крупном размере, совершенное злоумышленниками при помощи дипфейк-видеозаписи с пропавшим без вести человеком с целью выманивания денег у его родственников¹⁷.

Однако законодательное регулирование отношений в сфере распространения и использования дипфейк-технологий находится на этапе формирования. На сегодняшний день ответственность за противоправное распространение и использование дипфейков предусмотрена в Китае и на уровне штата Калифорния в США. В России проводится анализ возможностей ограничения неконтролируемого распространения дипфейков в контексте уже принятых нормативных правовых актов, направленных на борьбу с недостоверными данными, которые публикуются под видом общественно значимой достоверной информации (Иванов и Игнатовский, 2020, с. 383). В Беларуси вопрос о регулировании дипфейков в рамках текущего законодательства также пока не решен.

Со стороны государственного сектора увеличивается спрос на *беспилотные летательные аппараты и комплексы, оснащенные системами управления на основе ИИ* и применяемые как для поисково-спасательных работ, строительства, логистики, мониторинга и охраны природных объектов и городской инфраструктуры (Национальной академией наук Беларуси налажено серийное производство беспилотных авиакомплексов «Бусел» и «Буревестник»), так и для выполнения военных задач в контексте новой парадигмы ведения боевых действий и интеллектуализации вооружения (американская концепция «мозаичной войны» (Mosaic warfare), испытание наступательной тактики роя беспилотников в рамках программы OFFSET от DARPA (США) (Кутахов и Титов, 2021, с. 219)). Одним из ключевых высокотехнологичных секторов белорусской экономики остается оборонно-промышленный комплекс, с учетом российского опыта активно ведется работа по созданию отечественных ударных беспилотных комплексов и роботизированных средств огневого поражения¹⁸. Интенсивно развивается *рынок беспилотной сельскохозяйственной, карьерной, горнодобывающей техники и пассажирских перевозок* в условиях разворачивания беспилотных технологий на базе ИИ, 5G-сетей и периферийных вычислений (согласно данным консалтинговой компании Research and Markets, по итогам 2021 года мировой рынок беспилотных автомобилей оценен в 20,3 млн штук с доминированием автопроизводителей из США, Германии и Японии)¹⁹.

¹⁷ Мошенники прислали видео с пропавшим человеком и потребовали выкуп. Выяснилось, что это обман с помощью нейросетей [Электронный ресурс] // Минск-Новости. 2022. 10 марта. URL: <https://minsknews.by/propavshij-bez-vesti-spustya-gody-prislal-seme-video-s-trebovaniem-vykupa-novye-tehnologii-afery/> (дата обращения: 02.06.2022).

¹⁸ Совещание по вопросу государственного оборонного заказа Беларуси на 2022 год [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь. 2022. 10 мая. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosu-gosudarstvennogo-oboronnogo-zakaza-belarusi-na-2022-god> (дата обращения: 31.05.2022).

¹⁹ Autonomous vehicle market by autonomy level, powertrain type, components, and supporting technologies including 5G, AI, and edge computing 2022–2027 [Электронный ресурс] // Research and Markets. 2022. Feb. URL: <https://www.researchandmarkets.com/reports/5241675/autonomous-vehicle-market-by-autonomy-level> (дата обращения: 01.06.2022).

С каждым годом появляется все больше *ИИ-решений в сфере автоматизации политической журналистики*, которые не только облегчают выполнение ряда рутинных задач журналистского труда (мониторинг и анализ новостной повестки дня политики, определение инфоповодов, проверка фактов и поиск источников политической информации), но и берут на себя часть работ по непосредственному созданию политического контента (например, машинный алгоритм обработки естественного языка GPT-3 способен написать статью для The Guardian, автоматизированная система Heliograf используется Washington Post для освещения местных выборов). Трудно переоценить потенциал алгоритмов ИИ для политического спичрайтинга.

Технология ИИ вызывает множество споров в мировом сообществе, что актуализирует анализ ее сильных (Strengths) и слабых (Weaknesses) сторон с точки зрения возможностей (Opportunities) и угроз (Threats) внешней среды (SWOT-анализ). Проведем базовый SWOT-анализ ИИ-решений в контексте политической теории и практики государственного управления в Республике Беларусь с учетом мирового опыта (табл.).

Таблица / Table

Базовый SWOT-анализ ИИ-решений в контексте политической теории и практики государственного управления в Республике Беларусь с учетом мирового опыта / Basic SWOT analysis of AI solutions in the context of political theory and public administration practice in the Republic of Belarus with regard of the world experience

Сильные стороны / преимущества	Слабые стороны / недостатки
1. Аналитика больших данных в политике и государственном управлении, в том числе политическое прогнозирование. 2. Цифровое развитие государственно-го управления и проактивное предоставление государственных услуг. 3. Моделирование интеллектуальных двойников политических институтов и трехмерного виртуально-реального интерфейса политической системы Web 3.0. 4. Интеллектуализация республиканской системы мониторинга общественной безопасности, цифровое профилирование и социальный скринг физических и юридических лиц. 5. Роботизация и интеллектуализация вооружения и военной техники. 6. Автоматизация и интеллектуализация управленческой деятельности и политических практик.	1. Дефицит необходимых вычислительных мощностей, отечественного производства полупроводниковой продукции и готовых конечных ИИ-продуктов для белорусских потребителей. 2. Человеческий фактор и алгоритмическая предвзятость ИИ в контексте искажений политической действительности, дискриминации отдельных групп граждан и распространения языка ненависти в Интернете. 3. Проблема конфиденциальности информации, защиты персональных данных и интеллектуальной собственности. 4. Цифровой разрыв, недостаточный уровень развития цифровой и политической культуры, трансформация рынка труда. 5. Правовая и этическая неопределенность, проблема доверия к технологиям ИИ. 6. Недостаток высокорейтинговых научных публикаций, патентов и стандартов в области ИИ.

Сильные стороны / преимущества	Слабые стороны / недостатки
7. Продвижение политического имиджа кандидата и привлечение электората. 8. Формирование общественного мнения и государственная пропаганда.	7. Кадровый голод в ИИ-секторе. 8. Политика постправды, астротурфинг, провокация, дискредитация, шантаж и кибербуллинг политических оппонентов. 9. Делегитимация институтов власти и дестабилизация политической системы

Возможности внешней среды	Угрозы / риски со стороны внешней среды
1. Формирование позитивного имиджа высокотехнологичного государства на международной арене. 2. Улучшение позиций страны в мировых рейтингах развития цифровых технологий как индикатор инвестиционной привлекательности. 3. Международный информационный обмен и конструктивное региональное и международное научно-техническое сотрудничество в сфере ИИ и информационной безопасности. 4. Расширение присутствия государства на мировом IT-рынке и привлечение в экономику IT-специалистов и технологий мирового уровня. 5. Расширение доступа к мировым достижениям науки и технологий, внедрение автоматизированных систем управления интеллектуальной собственностью. 6. Популяризация цифровых технологий среди широких слоев населения и их дальнейшая интеграция в другие сферы политики и государственного управления.	1. Технологическая зависимость критически важных объектов информатизации от импорта иностранного программного обеспечения. 2. Утечка мозгов из IT-сектора. 3. Ограничение доступа к международным цифровым платформам и хранилищам данных, патентная блокада и другие санкционные риски. 4. Инструмент «мягкой силы» и деструктивного информационного воздействия в условиях информационного противоборства. 5. Дискредитация государства, подрыв информационного суверенитета и национальной безопасности. 6. Отсутствие связей и опыта для выхода на международный рынок высокоинтеллектуальной продукции, снижение интереса к белорусским ИИ-стартапам со стороны венчурных фондов. 7. Вызовы кибертерроризма, способные оказать влияние на процесс принятия решений государственными институтами и воспрепятствовать политической деятельности.

Источник: составлено автором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на более чем полувековую историю ИИ, данный научно-популярный концепт представителями естественнонаучных и гуманитарных специальностей трактуется неоднозначно. На фоне отсутствия универсальной, конвенционально признаваемой нормативной дефиниции ИИ критерий рациональности превалирует в большинстве актуальных определений ИИ.

В условиях цифровой трансформации формируется *политическая теория ИИ* как относительно автономная специфическая система политического знания, отражающая, объясняющая, оценивающая и прогнозирующая политические феномены в контексте аналитики больших политико-управленческих данных,

моделирования трехмерного виртуально-реального интерфейса политической системы Web 3.0 и интеллектуальных двойников политических институтов, автоматизации и интеллектуализации управленческой деятельности и политических практик, проактивного принятия политических решений и предоставления государственных услуг, цифрового профилирования и социального скоринга физических и юридических лиц, новых дипфейк-инструментов политики постправды и «мягкой силы» в условиях информационного противоборства и новой парадигмы «мозаичных» боевых действий. При этом в рамках данной теории любой политический феномен не может обладать однажды выработанной универсальной трактовкой, поскольку детерминирован и темпорально измеряется доминирующей исторической общественно-политической парадигмой, развивается в рамках ее понятийно-категориального аппарата.

В тренде междисциплинарного синтеза и государственного заказа на подготовку высококвалифицированных специалистов межпредметного характера для цифровой экономики политологическим сообществом высшей школы в рамках политической теории ИИ разрабатываются *новые программы и дисциплины по специальности «Политология» в сфере ИИ*: для студентов отделения политологии юридического факультета Белорусского государственного университета читается учебная дисциплина «Политика в сфере цифровой трансформации»²⁰; в России в Высшей школе экономики в рамках магистерской программы «Прикладная политология» преподается учебный курс «От больших данных к принятию политических решений», на факультете политологии МГУ осуществляется прием на программу подготовки магистров «Искусственный интеллект и цифровые технологии в современной политике»; в немецкой Школе управления Hertie для магистров государственной политики разработан курс “Governance and politics of artificial intelligence” и др.

Как показал проведенный автором базовый SWOT-анализ, применение технологий ИИ в политике и управлении, с одной стороны, предопределено множеством существенных преимуществ и широких возможностей при полной государственной поддержке перспективных цифровых технологий в условиях конструктивного сотрудничества по линии «государство – частный сектор», региональной и международной кооперации, а с другой – имеет целый ряд слабых сторон, сопряжено с серьезными внешними рисками и угрозами, которые следует учитывать при принятии стратегических решений о внедрении ИИ в белорусскую политическую систему в условиях неопределенности современной геополитической ситуации и санкционных ограничений. При этом сильные стороны и возможности ИИ могут легко трансформироваться в его слабые стороны и риски. Республике Беларусь необходимо сформировать собственную позицию по вопросам организационно-управленческого, нормативно-правового и информационно-аналитического обеспечения развития предиктивного ИИ, машинного обучения и других технологий Web 3.0, от которых уже сегодня зависит глобальный технологический ландшафт и фактически место нашей страны на цифровой карте мира.

²⁰ Ильина Е. М. Политика в сфере цифровой трансформации: учеб. прогр. учреждения высш. образования по учеб. дисциплине для специальности: 1-23 01 06 Политология. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2020. 36 с.

Список источников

Антанович Н. А. Основные направления становления и прикладного применения «цифровой политологии» // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1: Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2020. № 1. С. 77–85.

Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / Отв. ред. Л. В. Сморгун. М.: РОССПЭН, 2021. 310 с.

Бельский В., Маркевич Д., Сатолина М. Концептуальные направления правового обеспечения внедрения искусственного интеллекта // Наука и инновации. 2019. № 11. С. 58–63.

Быков И. А. Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 23–33. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>.

Василькова В. В., Легостаева Н. И. Социальные боты в политической коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 121–133. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133>.

Виноградова Е. В., Полякова Т. А., Минбалева А. В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 5–19. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).5-19](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19).

Володенков С. В. Политика в цифровом формате в исследованиях российских и зарубежных ученых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 3. С. 339–350. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350>.

Даллакян К. А. Техносоциальное неравенство в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26, № 1. С. 82–96. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-82-96>.

Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7, № 4. С. 379–386. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-4-379-386>.

Ильина Е. М. Политологическое измерение цифровой трансформации: от теоретической концептуализации к учебной дисциплине // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1: Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2020. № 2. С. 87–93.

Кай-Фу Ли. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок / Пер. с англ. Н. Константиновой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 240 с.

Карпов О. Э., Храмов А. Е. Информационные технологии, вычислительные системы и искусственный интеллект в медицине. М.: ДПК Пресс, 2022. 480 с.

Коньков А. Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 6. С. 6–28. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-6-1>.

Кутахов В. П., Титов А. Е. Крупномасштабные авиационные системы с беспилотными летательными аппаратами – новая парадигма боевых дей-

ствий // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2021. № 19. С. 212–221. <https://doi.org/10.24412/2500-4352-2021-19-212-221>.

Маркофф Д. Homo Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания / Пер. с англ. В. Ионова, С. Махарадзе. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 406 с.

Морхат П. М. Право и искусственный интеллект. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 543 с.

Пашкевич В. М. Автоматизация проектирования и испытаний редуцирующих механизмов на основе использования функциональных семантических сетей // Вестник Белорусско-Российского университета. 2017. № 4. С. 51–59.

Полевой Н. А. Применение искусственных нейронных сетей в исследовании политических систем // Казанская Наука. 2011. № 3. С. 200–203.

Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход / Пер. с англ. К. А. Птицына. 2-е изд. М.: Вильямс, 2006. 1408 с.

Решетников С. В. Теория процесса принятия управленческих решений. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. 152 с.

Рувинский Р. З., Рувинская Е. А., Комарова Т. Д. Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. 2021. № 12. С. 56–76. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.12.36824>.

Соколов И. А. Теория и практика применения методов искусственного интеллекта // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 4. С. 365–370. <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894365-370>.

Федорченко С. Н. Значение искусственного интеллекта для политического режима России: проблемы легитимности, информационной безопасности и «мягкой силы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020а. № 1. С. 41–53. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-41-53>.

Федорченко С. Н. Искусственный интеллект в сфере политики, медиапространства и государственного управления: размышления над тематическим портфелем // Журнал политических исследований. 2020b. Т. 4, № 2. С. 3–9. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-3-9>.

Ясницкий Л. Н. О возможностях применения методов искусственного интеллекта в политологии // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2008. № 2. С. 147–155.

Davenport T. The AI advantage: How to put the artificial intelligence revolution to work. Cambridge, MA: MIT Press, 2018. 248 p.

Domingos P. The master algorithm: How the quest for the ultimate learning machine will remake our world. New York: Basic Books, 2015. 352 p.

Dommett K. Data-driven political campaigns in practice: Understanding and regulating diverse data-driven campaigns [Электронный ресурс] // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8, № 4. P. 1–18. <https://doi.org/10.14763/2019.4.1432>. URL: <https://policyreview.info/articles/analysis/data-driven-political-campaigns-practice-understanding-and-regulating-diverse-data> (дата обращения: 27.06.2022).

Ganascia J.-G. Artificial intelligence: Between myth and reality [Электронный ресурс] // The UNESCO Courier. 2018. № 3. P. 7–9. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265238> (дата обращения: 27.06.2022).

Handbook of artificial intelligence / Ed. by A. Barr, E. A. Feigenbaum. In 3 vol. Vol. 1. Los Altos, CA: William Kaufman, Inc., 1981. 409 p.

Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // *New Media & Society*. 2019. Vol. 21, № 7. P. 1565–1593. <https://doi.org/10.1177/1461444819826402>.

O'Neil C. Weapons of math destruction: How Big Data increases inequality and threatens democracy. New York: Crown Publishing Group, 2016. 259 p.

Информация об авторе

Е. М. Ильина – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, 220030, Беларусь, г. Минск, пр-т Независимости, 4

SPIN-код (РИНЦ): 4712-3130

AuthorID (РИНЦ): 963457

Web of Science ResearcherID: CAI-4574-2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.06.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 08.08.2022.

References

Antanovich, N. A. (2020), "The main directions of the formation and application of digital political science", *Vestnik of Brest University. Series 1: Philosophy, politology, sociology*, no. 1, pp. 77–85.

Smorgunov, L. V. (ed.) (2021), *Autsorsing politicheskikh suzhenii: problemy kommunikatsii na tsifrovyykh platformakh* [Outsourcing of political thinking: Problems of communication on digital platforms], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Belsky, V., Markevich, D. and Satolina, M. (2019), "Conceptual areas of legal support for the implementation of artificial intelligence", *The Science and Innovations*, no. 11, pp. 58–63.

Bykov, I. A. (2020), "Artificial intelligence as a source of political thinking", *Journal of Political Research*, vol. 4, no. 2, pp. 23–33, <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>.

Vasilkova, V. V. and Legostaeva, N. I. (2019), "Social bots in political communication", *RUDN Journal of Sociology*, vol. 19, no. 1, pp. 121–133, <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133>.

Vinogradova, E. V., Polyakova, T. A. and Minbaleev, A. V. (2021), "Digital profile: The concept, regulatory mechanisms and enforcement problems", *Pravoprimerenie*, vol. 5, no. 4, pp. 5–19, [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).5-19](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19).

Volodenkov, S. V. (2022), "Theorizing digital politics in Russian and foreign studies", *RUDN Journal of Political Science*, vol. 24, no. 3, pp. 339–350, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350>.

Dallakian, K. A. (2020), "Technosocial inequalities in the digital age", *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 26, no. 1, pp. 82–96, <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-82-96>.

Ivanov, V. G. and Ignatovskiy, Ya. R. (2020), "Deepfakes: Prospects for political use and threats to the individual and national security", *RUDN Journal of Public Administration*, vol. 7, no. 4, pp. 379–386, <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-4-379-386>.

Il'ina, E. M. (2020), "Political science dimension of digital transformation: From theoretical conceptualization to the academic discipline", *Vestnik of Brest University. Series 1: Philosophy, politology, sociology*, no. 2, pp. 87–93.

Kai-Fu Lee (2019), *Sverkhderzhavy iskusstvennogo intellekta. Kitai, Kremnievaya dolina I novyi mirovoi poryadok* [AI superpowers: China, Silicon Valley, and the new world order], translated by Konstantinova N., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.

Karpov, O. E. and Khramov, A. E. (2022) *Informatsionnye tekhnologii, vychislitel'nye sistemy i iskusstvennyi intellekt v meditsine* [Information technologies, computing systems and artificial intelligence in medicine], DPK Press, Moscow, Russia.

Konkov, A. E. (2019), "Digitalization in political relations: Planes for perception and mechanisms for transformation", *Outlines of global transformations: Politics, economics, law*, vol. 12, no. 6, pp. 6–28, <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-6-1>.

Kutakhov, V. P. and Titov, A. E. (2021), "Large-scale aviation systems with unmanned aerial vehicles – A new paradigm of combat operations", *Vozdushno-kosmicheskie sily. Teoriya I praktika*, no. 19, pp. 212–221, <https://doi.org/10.24412/2500-4352-2021-19-212-221>.

Markoff, J. *Homo Roboticus? Lyudi i mashiny v poiskakh vzaimoponimaniya* [Machines of loving grace: The quest for common ground between humans and robots], translated by Ionov, V. and Maharadze, S., Al'pina non-fikshn, Moscow, Russia.

Morkhat, P. M. (2018), *Pravo i iskusstvennyi intellekt* [Law and artificial intelligence], YuNITI-DANA, Moscow, Russia.

Pashkevich, V. M. (2017), "Automation of design and testing of reducing mechanisms based on the use of functional semantic networks", *Vestnik Belorussko-Rossiiskogo universiteta*, no. 4, pp. 51–59.

Polevoy, N. A. (2011), "Use of artificial neuron networks in political processes research", *Kazan Science*, no. 3, pp. 200–203.

Rassel, S. and Norvig, P. (2006), *Iskusstvennyi intellekt. Sovremennyyi podkhod* [Artificial intelligence. A modern approach], translated by Ptitsyn, K. A., Williams, Moscow, Russia.

Reshetnikov, S. V. (2003), *Teoriya protsessa prinyatiya upravlencheskikh reshenii* [Theory of the managerial decision-making process], Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.

Rouvinsky, R. Z., Rouvinskaya, E. A. and Komarova, T. D. (2021), "Public perception of the practices of digital profiling and social score: The situation in Russia and China", *Sociodinamika*, no. 12, pp. 56–76, <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.12.36824>.

Sokolov, I. A. (2019), "Theory and practice of application of artificial intelligence methods", *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 89, no. 4, pp. 365–370, <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894365-370>.

Fedorchenko, S. N. (2020a), "The importance of artificial intelligence for the political regime of Russia: Problems of legitimacy, information security and soft power", *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, no. 1, pp. 41–53, <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-41-53>.

Fedorchenko, S. N. (2020b), "Artificial intelligence in politics, media and public administration: Reflections on the thematic portfolio", *Journal of Political Research*, vol. 4, no. 2, pp. 3–9, <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-3-9>.

Yasnitsky, L. N. (2008), "On the possibilities of using artificial intelligence methods in political science", *Bulletin of Perm University. Political Science*, no. 2, pp. 147–155.

Davenport, T. (2018), *The AI advantage: How to put the artificial intelligence revolution to work*, MIT Press, Cambridge, MA, US.

Domingos, P. (2015), *The master algorithm: How the quest for the ultimate learning machine will remake our world*, Basic Books, NYC, NY, US.

Dommett, K. (2019), "Data-driven political campaigns in practice: Understanding and regulating diverse data-driven campaigns" [Online], *Internet Policy Review*, vol. 8, no. 4, pp. 1–18, <https://doi.org/10.14763/2019.4.1432>, available at: <https://policyreview.info/articles/analysis/data-driven-political-campaigns-practice-understanding-and-regulating-diverse-data> (Accessed June 27, 2022).

Ganascia, J.-G. (2018), "Artificial intelligence: Between myth and reality", *The UNESCO Courier*, no. 3, pp. 7–9 [Online], available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265238> (Accessed June 27, 2022).

Barr, A. and Feigenbaum, E. A. (eds.) (1981), *Handbook of artificial intelligence*, in 3 vol., vol. 1, William Kaufman, Inc., Los Altos, CA, US.

Kostka, G. (2019), "China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval", *New Media & Society*, vol. 21, no. 7, pp. 1565–1593, <https://doi.org/10.1177/1461444819826402>.

O'Neil, C. (2016), *Weapons of math destruction: How Big Data increases inequality and threatens democracy*, Crown Publishing Group, NYC, NY, US.

Information about the author

E. M. Ilyina – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Law, Belarusian State University, 4 Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus

SPIN-code (RSCI): 4712-3130

AuthorID (RSCI): 963457

Web of Science ResearcherID: CAI-4574-2022

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 09.06.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 08.08.2022.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 422–453.

Ars Administrandi. 2022. Vol. 14, no. 3, pp. 422–453.

Научная статья

УДК 324

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-422-453>

КТО ВИНОВАТ? ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ТИТУЛЬНЫХ ЭТНОСОВ В РЕСПУБЛИКАХ РОССИИ

Станислав Николаевич Шкель¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия, stas-polit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0950-7436>

Аннотация. Введение: электоральное поведение избирателей во многих российских республиках отличается более высокой поддержкой инкубентов. Однако в последнее время в некоторых из них наблюдается снижение электоральной поддержки российского президента со стороны представителей титульных этносов. **Цель:** ответить на вопрос: почему в одних этнических республиках представители титульных этнических групп снижают электоральную поддержку российского президента, в то время как в других республиках этого не происходит? **Методы:** метод фокус-групп. **Результаты:** анализ данных, собранных в Башкортостане, Татарстане, Чувашии и Коми, выявил основные факторы, которые обуславливают изменение электорального поведения представителей титульных этносов. Результаты исследования позволяют утверждать, что снижение электоральной поддержки российского президента среди представителей титульных этносов происходит только в том случае, если виновниками ущемления своих этнокультурных прав они видят оба уровня власти – федеральный и региональный. Это, в свою очередь, определяется двумя факторами: фрагментированной структурой региональных элит и выбором главой региона стратегии лояльности в ответ на давление со стороны центра. **Выводы:** последние реформы в сфере этноязыковой политики России не остались без последствий и оказали влияние на электоральные процессы в этнических республиках. В некоторых из них титульные этносы существенно снизили электоральную поддержку российской власти и перестали быть значимым звеном в механике политических машин; в других электоральное поведение остается стабильным. Это позволяет сделать вывод, что структура текущего электорального большинства российского президента претерпевает изменения. И хотя происходящие процессы не являются

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

тектоническими и носят скорее локальный характер, игнорирование их может привести к тому, что исследователи и эксперты в будущем могут не заметить наступления более фундаментальных перемен.

Ключевые слова: выборы, этнические республики, электоральное поведение, электоральные процессы, региональная политика, Россия

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00444 А «Централизация, этнический фактор и электоральные процессы в регионах России».

Для цитирования: Шкель С. Н. Кто виноват? Централизация и электоральное поведение титульных этносов в республиках России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 422–453. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-422-453>.

Original article

WHO IS TO BLAME? CENTRALIZATION AND TITULAR ETHNIC GROUPS' ELECTORAL BEHAVIOR IN THE RUSSIAN REPUBLICS

Stanislav N. Shkel¹

¹ National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia, stas-polit@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0950-7436>

Abstract. Introduction: the electoral behavior of voters in many Russian republics is characterized by higher support for incumbents. However, recently some of them have witnessed a decrease in electoral support for the Russian president from representatives of the titular ethnic groups. **Objectives:** to find the answer to the following research question: why do representatives of the titular ethnic groups reduce electoral support for the Russian president in some ethnic republics, while this does not happen in other republics? **Methods:** the study uses qualitative data collected by focus groups in four Russian republics: Bashkortostan, Tatarstan, Chuvashia, and Komi. **Results:** the analysis of the data made it possible to identify the main factors that determine the change in the electoral behavior of titular ethnic groups' representatives. The results of the study suggest that a decrease in the electoral support for the Russian president among the titular ethnic groups occurs only if they consider both levels of government – federal and regional – to blame for the infringement of their ethno-cultural rights. This, in turn, stems from two factors: (1) the fragmented structure of regional elites and (2) the choice of a loyalty strategy by the head of the region in response to pressure from the center. **Conclusions:** the latest reforms in ethno-linguistic policy in Russia did not remain unnoticed and influenced the electoral processes in a number of ethnic republics. In some of them, the titular ethnic groups significantly reduced the electoral support of the Russian government and ceased to be a significant link in the mechanics of political machines. In others, their electoral behavior remains stable. This allows us to conclude that the structure of the current the Russian president electoral majority is undergoing changes. Moreover, although these changes are not tectonic and are rather local in nature, ignoring them may lead to the fact that researchers and experts in the future may not notice the onset of more fundamental changes.

Keywords: elections, ethnic republics, electoral behavior, electoral processes, regional politics, Russia

Acknowledgements: the research was supported within the grant provided by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-011-00444 A “Centralization, ethnic factor and electoral processes in the regions of Russia”.

For citation: Shkel, S. N. (2022), “Who is to blame? Centralization and titular ethnic groups’ electoral behavior in the Russian republics”, *Ars Administrandi*, vol. 14, no. 3, pp. 422–453, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-422-453>.

ВВЕДЕНИЕ

Выборы в современной России претерпевают изменения, многие из которых свидетельствуют об автократизации электоральных процессов и сокращении уровня их состязательности. Тем не менее это не говорит о том, что выборы перестали иметь значение. Напротив, ужесточение контроля за избирательными процедурами со стороны власти лишь подтверждает, что выборы остаются важнейшим и наиболее легитимным механизмом наделения политиков властными полномочиями. Между тем в России меняются не только избирательное законодательство и «правила игры», но и социальный базис электоральной поддержки власти. С этой точки зрения избиратели в этнических республиках России всегда играли особую роль, являясь стабильными опорами электоральной поддержки власти как федерального, так и регионального уровней (Myagkov et al., 2010; Goodnow et al., 2012; Goodnow et al., 2014; Bader and Van Ham, 2015; Panov and Ross, 2016; White and Saikkonen, 2017; Panov and Ross, 2019; Minaeva and Panov, 2020). Однако в последнее время исследователи фиксируют признаки снижения политической лояльности избирателей в этнических республиках. Так, например, согласно исследованию А. Уайт, рост численности этнических меньшинств, зафиксированный всеобщей переписью населения 2010 года, не привел к росту электоральной явки, а, напротив, коррелирует с ее сокращением на парламентских выборах 2011 и 2016 годов. Учитывая, что в авторитарном контексте российские власти заинтересованы в высокой явке для легитимации выборов, снижение этого показателя можно трактовать как свидетельство усиления протестного электорального поведения этнических меньшинств (White, 2022). Еще более явное сокращение электоральной лояльности со стороны представителей нерусских этносов обнаружилось после эскалации языковой проблемы летом 2017 года, когда по инициативе российского президента Владимира Путина было принято решение об отмене обязательного изучения родных языков этнических меньшинств в российских республиках. В результате по итогам президентских выборов в 2018 году в Башкортостане и Якутии обозначилось сокращение электоральной поддержки инкумбента со стороны титульных этносов. Вместе с тем в других республиках этого не произошло (Shkel, 2019). Главной целью данной статьи является объяснение причин вариации в электоральном поведении титульных этносов в разных республиках. Почему в одних случаях наблюдается изменение электорального поведения титульных этносов и снижение ими поддержки российского президента, тогда как в других этнические меньшинства продолжают сохранять стабильность в своих политических предпочтениях?

Я утверждаю, что указанная смена электоральных предпочтений происходит только тогда, когда представители титульных этносов видят виновниками ущемления своих этнокультурных прав оба уровня власти – федеральный и региональный. Это, в свою очередь, определяется двумя факторами: фрагментированной структурой региональных элит и выбором главой региона стратегии лояльности в ответ на давление со стороны центра. Первый фактор обуславливает наличие конкуренции между элитными фракциями, что объективно ведет к росту влияния независимых национальных организаций. Второй фактор имеет важное последствие в виде политизации требований национальных организаций, их радикализации и перехода к протестным действиям. Их прямая критика как федеральных, так и региональных политических игроков приводит к росту протестного голосования представителей титульных этносов. Этого не происходит, если по тем или иным причинам этнические меньшинства возлагают вину только на один из уровней власти: федеральный или региональный. На основе анализа данных шести фокус-групп, проведенных в четырех этнических республиках России, я тестирую свою теорию и нахожу ей эмпирические подтверждения.

Централизация и эволюция электорального поведения титульных этносов в России

Исследователи электоральных процессов в России неоднократно отмечали специфику голосования в этнических республиках, которая проявляется в сравнительно высокой электоральной поддержке региональных и федеральных представителей власти. Отвечая на вопрос о причинах этого феномена, ученые указывали на наследие «парада суверенитетов» 1990-х годов. Согласно данному объяснению, в отличие от большинства «типичных» российских регионов, республики в 1990-х годах получили политическую, экономическую и этнокультурную автономию (Gelman, 2010; Reisinger and Moraski, 2017). Это имело важные электоральные последствия. Чтобы сохранять эту преференцию, республики должны демонстрировать лояльность по отношению к центру. Следовательно, у субнациональных элит в республиках есть дополнительный стимул для достижения высоких электоральных результатов для федеральных акторов в виде «партии власти» и президента (Hale, 1999; Simpser, 2013).

Более того, автономия республик создает не только дополнительные стимулы лояльности у региональных элит, но и особые возможности по контролю за электоральным поведением избирателей с помощью административного ресурса. Эти возможности можно разделить на три типа: экономические, социальные и этнокультурные.

Экономическое основание контроля за избирателями связано с сохранением сравнительно высокого уровня этатизма региональной экономики в республиках. В то время как центр и вслед за ним многие российские регионы в 1990-х годах реализовали рыночные реформы по модели «шоковой терапии», большинство этнических республик, пользуясь своей автономией, предпочли градуалистскую модель экономических трансформаций. Приватизация в такой модели имела ограниченные масштабы, ключевые крупные предприятия остались в государственной собственности и под контролем региональных элит, что позволило сохранить зависимость их директората и работников от регионального поли-

тического руководства. Власти стали использовать эти предприятия и государственные учреждения как каналы для распределения ресурсов в виде надбавок и премий к зарплате для «бюджетников» в качестве стимулов электоральной мобилизации. Кроме того, они могли применять стратегию устрашения в виде угроз увольнения, что также является действенным способом контроля за избирателями (Frye et al., 2014; Frye et al., 2019).

Социальное основание контроля за избирателями связано со сравнительно низким уровнем урбанизации, характерным для многих этнических республик. Сельские жители, как правило, более бедны и зависимы от местной администрации (Auyero, 2001; Stokes, 2005; Nichter, 2008). Сохранение колхозов и совхозов в результате экономической политики градуализма лишь упростило региональным и локальным властям задачу по воздействию на электоральное поведение избирателей с помощью административного ресурса (Matsuzato, 2001; Hale et al., 2003).

Наконец, *этнокультурное* основание влияния на электоральное поведение избирателей связано с феноменом «институционализированной этничности». Как подчеркивает Г. Хейл, политическим ресурсом в данном случае выступает не этничность нерусских народов сама по себе, а именно «институционализированная этничность» (Hale et al., 2003, p. 234). Это означает, что язык и культура отдельной этнической группы (титульного этноса) в пределах республики получают особый статус и протекторат со стороны региональной власти. Автономия республик позволила региональным элитам повысить формальный статус языка и культуры титульных этносов. Культура «республикообразующего» этноса получила особую поддержку на государственном уровне, став важнейшей частью не только региональной идентичности, но и институционального политического устройства республик. Представители титульного этноса стали обладателями особых преференций, упрощающих им получение образования, работы или построение карьеры в сфере государственной службы. Следовательно, региональные власти в этнических республиках в результате «суверенизации» 1990-х годов получили еще один дополнительный рычаг воздействия на электорат – наличие «клубных благ» (Kitschelt and Wilkinson, 2007, p. 11), которые могут распределяться среди членов «этнического ядра» в обмен на их политическую лояльность (Chandra, 2004).

Указанные три фактора, облегчившие региональной власти в республиках контроль за электоральным поведением избирателей, стали важнейшими механизмами формирования политических организаций, которые в научной литературе получили наименование «политических машин». Под этим термином понимается система патронажно-клиентелистского типа, призванная обеспечить обмен голосов избирателей на приватные, преимущественно материальные блага: деньги, подарки, льготы, надбавки к зарплатам, рабочие места и пр. (Scott, 1969; Hale, 1999; Stokes, 2005; Golosov, 2013).

Однако сохраняет ли вышеприведенное объяснение актуальность сегодня, после того как процесс централизации, запущенный российским президентом в начале 2000-х годов, привел к демонтажу большинства элементов политической и экономической автономии российских регионов? Можно ли говорить, что этнический фактор по-прежнему играет значимую роль в электоральных процессах современной России?

Существующие по данному вопросу исследования позволяют усомниться в сохранении лояльности титульных этносов в некоторых из российских регионов. Например, мною обнаружено, что титульные этносы в Башкортостане и Якутии существенно сократили поддержку российского президента на выборах 2018 года в сравнении с выборами 2012 года (Shkel, 2019). Но насколько устойчивы эти изменения? Являются ли они долговременным трендом или только случайностью, обусловленной языковой реформой 2017–2018 годов?

Анализ итогов общероссийского голосования по поправкам к Конституции Российской Федерации, состоявшегося летом 2020 года, отчасти позволяет ответить на этот вопрос. Поправки вносились по инициативе президента и во многом отвечали его политическим интересам. Поэтому поддержку предложенных поправок можно рассматривать как меру лояльности избирателей лично к Владимиру Путину. Вместе с тем в республиках, в отличие от «типичных» российских регионов, некоторые конституционные поправки имели для титульных этносов особое значение. В частности, та из них, которая касалась языкового вопроса. В статье 68 Конституции Российской Федерации русский язык определяется не просто как государственный, но как «язык государствообразующего народа»¹. Это выделение русского народа как особого было довольно критично воспринято региональными элитами и лидерами национальных организаций в ряде республик. Поэтому уровень поддержки конституционных поправок со стороны представителей титульных этносов можно рассматривать как очередную проверку роли этнического фактора в современных электоральных процессах России.

Как указывалось выше, до языковой реформы 2017 года титульные этносы во многих республиках значимо больше поддерживали российского президента на выборах, чем в среднем по России. Для того чтобы измерить, сохранилась ли эта взаимосвязь, я построил несколько регрессионных моделей, используя данные локального уровня пяти этнических республик: Башкортостана, Татарстана, Чувашии, Коми и Якутии. Именно в этих республиках языковая реформа имела наибольший общественный резонанс (Shkel, 2019). Результаты анализа представлены в таблице 1. Зависимой переменной является доля избирателей в муниципалитете, поддержавших новый проект Конституции Российской Федерации по результатам голосования летом 2020 года; главная независимая переменная, призванная проверить роль этнического фактора, – доля титульных этносов в муниципалитете по данным Всероссийской переписи населения 2010 года (переменная «Этнос»). Основываясь на положениях теории политических машин, я включил в регрессионные модели ряд контрольных переменных, отражающих социальные и экономические параметры локальных сообществ. Общая численность населения муниципалитета (переменная «Население») проверяет положение о размере поселения как факторе, упрощающем электоральный контроль за избирателями со стороны местных властей. Доля сельских жителей (переменная «Село») проверяет теорию о том, что сельские жители, в силу своей бедности и зависимости от власти, более склонны демонстрировать политическую лояльность.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 07.07.2022)..

Степень автономии муниципалитета от региональной власти я измерил, определив долю собственных доходов муниципального бюджета без трансфертов с регионального и федерального бюджетов (переменная «Бюджет»). Наконец, средняя заработная плата жителей муниципалитета (переменная «Доход») была включена в регрессионные модели для тестирования теории о бедности как главной причине вовлечения избирателей в машинную политику. Для всех вышеперечисленных переменных я использовал данные муниципальной статистики за 2019 год, размещенные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации².

Таблица 1 / Table 1

Результаты регрессионного анализа / Regression analysis results

Переменные	Зависимая переменная: доля населения в муниципалитете, поддержавшего поправки в Конституцию Российской Федерации в 2020 году					
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6
Этнос	0,005 (0,031)	-0,106*** (0,024)	-0,084* (0,035)	-0,134*** (0,025)	-0,125*** (0,026)	-0,103*** (3,083)
Население						-0,000 (0,000)
Село			0,085** (0,028)	0,057** (0,019)	0,070** (0,021)	0,067** (0,022)
Бюджет			-0,138* (0,060)		0,065 (0,047)	0,077 (0,051)
Доход		-0,005*** (0,000)		-0,005*** (0,000)	-0,005*** (0,000)	-0,005*** (0,000)
Константа	81,052*** (1,838)	1,086*** (2,417)	83,645*** (3,473)	1,052*** (2,640)	1,029*** (3,056)	1,031*** (3,083)
Наблюдения	196	196	196	196	196	196
R-квадрат	0,000	0,506	0,118	0,528	0,531	0,532
Исправленный R-квадрат	0,004	0,501	0,103	0,521	0,520	0,519

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Источник: составлено автором.

Как видно из представленных данных, в простой первой модели переменная «Этнос» не является статистически значимой. Во всех остальных моделях при добавлении контрольных переменных эта переменная становится статистически значимой с отрицательным коэффициентом. О чем это говорит? О том, что в целом при увеличении доли титульного этноса в муниципалитете поддержка конституционных поправок скорее снижается, чем повышается. Иными словами, результаты регрессионного анализа демонстрируют исчез-

² Муниципальная статистика [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Федер. службы гос. статистики Рос. Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/munstat> (дата обращения: 22.03.2022).

новение былой политической лояльности титульных этносов. Таким образом, тренд на снижение электоральной поддержки российского президента со стороны титульных этносов республик Поволжья, впервые зафиксированный исследователями в 2018 году, сохраняется и носит долгосрочный характер.

Вместе с тем анализ данных в рамках отдельных случаев позволяет зафиксировать региональную специфику (см. табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Доля титульных этносов и уровень поддержки конституционных поправок по результатам Всероссийского голосования 2020 года / The share of titular ethnic groups and the level of support for constitutional amendments based on the results of the All-Russia vote in 2020

Регион	R	β	Визуализация
Республика Татарстан	0,45	0,1040***	
Республика Коми	0,52	0,11131*	
Республика Башкортостан	0,11	0,02259	
Республика Саха (Якутия)	-0,17	-0,04324	
Чувашская Республика	0,15	0.03736	

Источник: составлено автором.

Так, в Татарстане и Коми доля титульных этносов в муниципалитете имеет положительную и статистически значимую взаимосвязь с уровнем поддержки конституционных поправок. Это говорит о том, что, как и прежде, в этих республиках титульные этносы демонстрируют повышенную лояльность и в этом смысле их электоральное поведение никак не изменилось. В остальных случаях статистически значимой корреляции между этими переменными не наблюдается. Башкортостан и Якутия в данном случае представляют особый интерес: в них, в отличие от Чувашии, до президентских выборов 2018 года титульные этносы демонстрировали повышенную поддержку российского президента (Shkel, 2019). Чувашия всегда относилась к тому ряду республик, где титульные этносы голосовали в соответствии со средним общероссийским показателем. Это означает, что тренд на повышение уровня протестного голосования со стороны титульных этносов в Башкортостане и Якутии, обнаруженный в 2018 году, сохраняется.

Таким образом, статистические данные 2020 года подтверждают отмеченную впервые на данных 2018 года смену электорального поведения титульных этносов в Башкортостане и Якутии при сохранении стабильности в электоральном поведении титульных этносов в Татарстане, Чувашии и Коми. Если причиной смены электорального поведения в Башкортостане и Якутии является языковой кризис 2017–2018 годов и другие проблемы в этнокультурной сфере, то почему в других республиках сходный эффект не наблюдается? Иначе говоря, почему один и тот же вызов в виде давления Кремля по-разному влияет на электоральное поведение титульных этносов в различных регионах?

Ответить на этот вопрос с помощью количественного анализа невозможно. Поэтому в рамках данного исследовательского проекта были собраны качественные данные с помощью фокус-групп, проведенных в четырех этнических республиках. Однако еще до полевых работ я сформулировал основные теоретические ожидания, которые пытался проверить с помощью фокусированных интервью с избирателями из числа титульных этносов. Далее я представляю эти теоретические ожидания в виде аналитической рамки исследования.

Этнический фактор и электоральное поведение в условиях авторитаризма: аналитическая рамка

Мой подход в объяснении вариации электорального поведения титульных этносов базируется на синтезе реляционной теории этничности Г. Хейла (Hale, 2008), теории «трагического блеска авторитаризма» (Diaz-Cayeros et al., 2003) и теории «фальсификации предпочтений» Т. Курана (Kuran, 1995). Следуя концепции Хейла, я исхожу из того, что сама по себе этничность не является достаточным условием для возникновения или обострения этнокультурных проблем. Для этого требуются определенные усилия политических элит, которые часто используют этническую идентичность как важный ресурс массовой мобилизации и политической поддержки. Хейл разделяет такие понятия, как «этничность» и «этническая политика». Согласно его представлению, в основе этничности лежат психологические установки индивидов, стремящихся преодолеть неопределенность социального мира, тогда как в основе

этнической политики лежат интересы политических элит, стремящихся использовать этничность как ресурс в достижении своих политических целей (Hale, 2008, p. 50). Поэтому конкретное проявление этнического фактора во многом зависит от стратегий политических элит и того, как они артикулируют и фреймируют этнокультурные проблемы. Следовательно, для изучения этнического фактора в электоральных процессах необходимо фокусироваться на основных политических акторах и их стратегиях.

Не секрет, что выборы в условиях авторитаризма выполняют иные функции, чем в демократиях (Gandhi and Lust-Okar, 2009). Но даже в условиях ограниченной конкуренции выборы в электоральных автократиях являются ареной политической борьбы между властью и оппозицией (Schedler, 2006; Levitsky and Way, 2010). В полиэтнических сообществах в качестве оппозиции часто выступают национальные организации, защищающие этнокультурные права этнических групп. Они могут конкурировать с центральной и региональной властями в процессе интерпретации этнокультурных проблем, создавая альтернативные фреймы. Таким образом, на субнациональном уровне можно выделить трех главных игроков, которые так или иначе могут использовать этнический фактор в качестве политического ресурса: политическую элиту национального уровня, субнациональную элиту и оппозицию.

Сам по себе этот набор акторов не отличается от совокупности игроков, которые вовлечены в электоральные процессы в условиях демократии. Однако важным отличием авторитарных выборов является особая логика взаимодействия этих политических игроков. Специфика в том, что в авторитарных выборах победитель не определяется демократическим большинством и электоральный исход в значительной степени предрешен. Например, в российских авторитарных условиях даже при наличии формальной процедуры прямых выборов губернаторов электоральный исход во многом контролируется Кремлем. Все кандидаты на пост главы региона должны получить неформальное одобрение и допуск к участию в выборах со стороны федерального центра. Поэтому, в отличие от демократии и подлинного федерализма, политическая выживаемость региональных глав в современной России в большей мере зависит не от электоральной поддержки населения региона, а от кремлевских кураторов региональной политики. Это приводит к тому, что отношения между федеральными и региональными элитами приобретают ярко выраженный патронажно-клиентелистский характер. Этот феномен является довольно распространенным признаком авторитарных выборов и описан учеными на примере самых разных стран (Bratton and Van de Walle, 1997; Lust-Okar, 2006; Magaloni, 2006; Hale, 2008). Суть его в том, что отношения между национальными и субнациональными элитами строятся не столько на основе идеологической или партийной близости, сколько на принципах взаимовыгодного обмена экономическими и политическими ресурсами. Политическое выживание региональных элит в такой системе зависит от воли доминирующего актора (президента), который взамен ожидает от них электоральной поддержки на национальных выборах (Reuter and Robertson, 2012). Следовательно, важным условием сохранения губернаторами своей власти является их высокий уровень лояльности к первому лицу государства, а ключевой демонстра-

цией и подтверждением этой лояльности – мера электоральной поддержки президента со стороны региона. Необходимо подчеркнуть, что клиентелизм, будучи важной характеристикой отношений между центральной властью и главами регионов, распространяется и на оппозиционных акторов, которые в ходе политической борьбы прагматично апеллируют не только и не столько к населению, сколько к федеральному центру, используя стратегию дискредитации главы региона и позиционируя себя как более лояльных по отношению к центру, чем текущие региональные элиты.

Это, однако, не означает, что политические установки электората совсем не имеют значения. Но воля народа в авторитарном контексте используется не для определения победителя по результатам выборов, а как ресурс региональных элит в торге с центральным правительством за распределение ренты. В России долгое время логика политических отношений между центром и регионами основывалась на принципе «лояльность взамен на невмешательство», что создавало стимулы у региональных элит поддерживать российского президента на выборах. Централизация, запущенная В. Путиным в 2000-х годах, стала нарушением этого неформального договора. Поэтому кажется разумным предположить, что в условиях постепенного наступления центра на автономию регионов стимулы у региональных элит для электоральной поддержки российского президента должны сокращаться. Однако в авторитарном контексте такое предположение не всегда является верным. Более того, в условиях авторитаризма наступление центра на права регионов может даже повысить уровень лояльности региональных элит. Теория «трагического блеска авторитаризма», разработанная учеными на данных авторитарной Мексики середины XX века, помогает объяснить этот парадокс (Diaz-Cayeros et al., 2003).

Исходный тезис этой теории состоит в том, что, в отличие от демократий, в авторитарных режимах кризисные явления не обязательно приводят к сокращению электоральной поддержки инкубентов и смене элит посредством выборов (Golosov, 2016). Происходит это в силу экономической и политической зависимости регионов от центра. Экономические проблемы ведут к росту конкуренции между регионами за бюджетные трансферты. Поскольку в авторитарных режимах распределение бюджетных средств часто диктуется политической, а не экономической логикой (Magaloni, 2006), региональные власти в условиях кризиса получают дополнительные стимулы для демонстрации политической лояльности, что требует дополнительной мобилизации избирателей и использования электоральных манипуляций. Поэтому даже в условиях падения уровня жизни большинства населения центральная власть в автократиях может сохранять высокую электоральную поддержку.

Хотя теория «трагического блеска авторитаризма» фокусируется на эффектах экономических кризисов, она вполне применима для описания логики электоральных процессов в условиях этноязыковых проблем. Для региональных элит в этнических республиках этнокультурные преференции и автономия являются важными ресурсами, обеспечивающими им гарантии политического выживания. Поэтому наступление центра на автономию регионов и демонтаж их этнокультурных предпочтений воспринима-

ются элитами в этнических республиках как вызов, требующий ответа. Протест или лояльность – это две основные опции региональных элит, которые они могут использовать в качестве стратегии в ответ на давление Кремля. Однако стратегия протеста эффективна только при предварительной консолидации регионов. А это требует решения проблемы коллективного действия (Olson, 1971), что крайне сложно реализовать в условиях доминирования центра. Большое число регионов и их слабая координация друг с другом облегчают центру использование стратегии «разделяй и властвуй», ограничивая региональную автономию селективно и купируя сопротивление отдельных регионов. Неоднородность регионов приводит к тому, что центр может демонтировать автономию более слабых регионов раньше и в значительно большей степени, чем сильных. Например, в России в некоторых этнических республиках Кремль начал практиковать назначение на пост губернаторов политиков, которые не имеют связей с этим регионом (аутсайдеров или так называемых «варягов»). Эта демонстрация силы на примере слабых регионов создает стимулы для сильных регионов к проявлению еще большей лояльности, чтобы избежать подобного негативного сценария. Таким образом, до тех пор, пока цена лишения доступа к экономической ренте слишком велика, главы регионов рационально воздерживаются от прямого демарша против центра (Bueno De Mesquita et al., 2003). Следуя основному тезису теории «трагического блеска авторитаризма», можно предположить, что даже в условиях кризиса в виде обострения этноязыковой проблемы для региональных элит более рациональной стратегией является сохранение лояльности в отношении российского президента. Поэтому до тех пор, пока Кремль контролирует основные экономические активы и цена протеста для регионов высока, региональные элиты будут предпочитать стратегию «фальсификации предпочтений» (Kuran, 1995, р. 5-9), продолжая призывать региональный электорат поддерживать российского президента.

Вместе с тем сохранение лояльности в отношении российского президента вовсе не исключает возможность протеста региональных элит против отдельных решений Кремля, в том числе в сфере языковой политики. Как известно, в 2017–2018 годах региональные элиты в ряде республик, например в Татарстане и Коми, выступили с резкой критикой языковой реформы и попытались заблокировать ее реализацию. В то же время в других республиках элиты предпочли беспрекословно подчиниться (Shkel, 2019, р. 93-101). Эта вариация в реакции регионов на единый вызов со стороны центра есть результат неоднородности российских регионов и дифференциации подходов, которые использовал Кремль по отношению к ним в период централизации. В данном случае важно понимать, что хотя смена вектора в этнокультурной политике федерального центра впервые ярко проявила себя летом 2017 года, но тенденции централизации в России начались существенно раньше и затрагивали этнические республики неодинаково и в разные промежутки времени. Поэтому к точке вызова 2017 года республики подошли с довольно разными внутренними политическими и социальными условиями. Так, для большинства из 21 этнической республики языковой вопрос, в силу разных причин, к этому времени уже не был актуальным. Например,

во многих из них обязательное изучение родных (нерусских) языков никогда не существовало или было отменено ранее 2017 года (Shkel, 2019, p. 89–91). Однако даже те республики, для которых этот вопрос оказался крайне актуальным, существенно отличались друг от друга по ряду важных параметров.

С точки зрения влияния на электоральное поведение титульных этносов наиболее важными представляются два параметра: 1) структура региональных элит (монолитная или фрагментированная) и 2) стратегия региональных элит в ответ на давление Кремля (протест или лояльность). Именно комбинация этих двух факторов обуславливает реакцию и мобилизационные возможности оппозиционных акторов, действие которых в итоге может привести к росту протестного голосования избирателей из числа титульных этносов. На рисунке ниже представлены основные четыре исхода, которые можно теоретически ожидать в зависимости от конstellляции указанных факторов. Далее я опишу логику причинно-следственных связей между этими факторами и исходами.

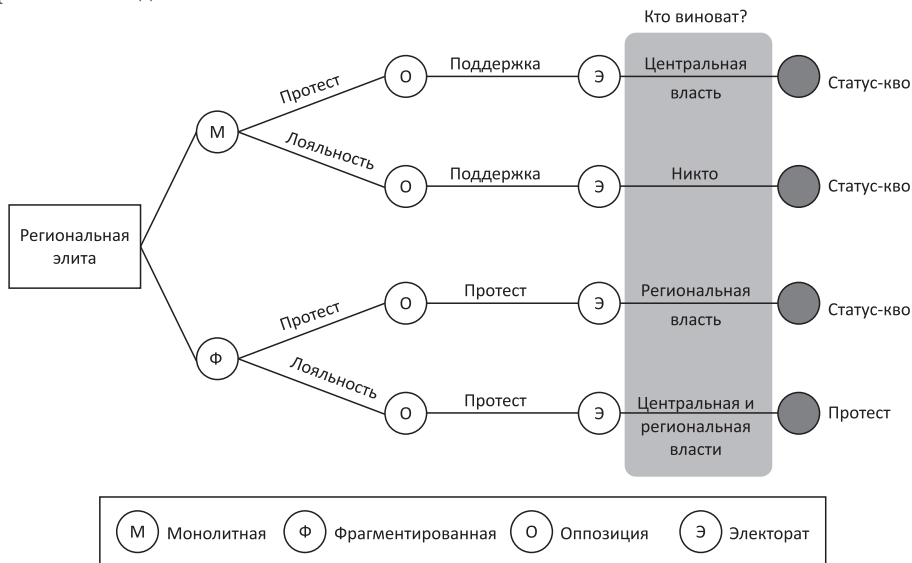

Рис. Структура и стратегии региональных элит и оппозиции как факторы влияния на атрибуцию ответственности и электоральное поведение титульных этносов в российских республиках / Fig. The structure and strategies of regional elites and the opposition as factors influencing the attribution of responsibility and electoral behavior of the titular ethnic groups in the Russian republics

Источник: составлено автором.

1. Структура региональных элит является важным фактором потому, что именно от нее зависит эффективность фреймирования этнокультурных проблем, которое осуществляют властвующие элиты в регионе. При монолитной структуре все элитные фракции консолидированы в единую патронажную сеть во главе с руководителем региона. Потенциально оппозиционные акторы, в том числе лидеры национальных организаций, чья позиция

по этнокультурным вопросам для титульных этносов является наиболее важной, кооптированы и находятся под контролем региональных властей. В такой ситуации они склонны поддерживать любую стратегию главы региона и проявлять лояльность. Поэтому фреймирование этнокультурных вопросов в ситуации монолитной структуры элит не вызывает какого-либо противодействия и проблем для главы региона.

Кардинально иную ситуацию можно ожидать в случае фрагментированной структуры региональных элит. При невозможности кооптировать в единую патронажную сеть всех политических акторов наиболее оппозиционные из них могут создавать в публичном пространстве альтернативные трактовки этнокультурных проблем, политизировать или радикализировать их. В результате национальные организации могут перехватить у региональных властей инициативу в сфере фреймирования этноязыковой проблемы и использовать ее как главный инструмент критики инкубентов в ходе избирательной кампании. Однако для конечного итога в виде роста протестного голосования титульных этносов фактор фрагментации элит является необходимым, но недостаточным условием. Протестное голосование зависит также от стратегий региональных элит и оппозиции.

2. *Стратегия региональных элит и оппозиции.* В ответ на давление центра региональные элиты могут использовать одну из двух стратегий: протест или лояльность. Этот выбор обусловлен целой совокупностью факторов, анализ которых выходит за рамки основной цели настоящей статьи. Здесь важно подчеркнуть, что выбор стратегии региональных элит определяет реакцию со стороны оппозиции. И эта реакция диаметрально противоположна в условиях монолитной и фрагментированной элиты: в первом случае кооптированная оппозиция поддерживает любую из стратегий региональных элит, во втором, напротив, любой выбор региональной элиты подвергается критике. Конкретным политическим последствием этой комбинации факторов является фреймирование региональными элитами и контрэлитами этнической проблемы, что, в свою очередь, влияет на то, как простые избиратели воспринимают эту проблему и кого видят ее главным виновником. Важность фреймирования этноязыковой ситуации для электорального поведения титульных этносов заключается в том, что именно от этого зависит направленность атрибуции ответственности. Вопрос «Кто виноват?» в данном случае становится ключевым: именно ответ на него влияет на электоральное поведение титульных этносов.

В зависимости от структуры и стратегий элит электорат может атрибутировать ответственность за проблемы в этноязыковой сфере на федеральную и/или региональную власти. Как видно на рисунке, с точки зрения атрибуции ответственности теоретически можно выделить четыре сценария с разными исходами. Рассмотрим каждый из сценариев подробнее.

1. *Монолитная элита и стратегия протеста.* Если региональные элиты протестуют против политики Кремля в этноязыковой сфере в условиях монолитной элитной структуры, то кооптированная оппозиция поддерживает этот протест. В результате проблемная ситуация в регионе фреймируется таким образом, что виновником проблемы выступает федеральная власть,

в то время как глава региона позиционирует себя как главный защитник этнокультурных прав титульных этносов. Поддержка данного фрейма со стороны оппозиции способствует эффективности данной стратегии и приводит к росту поддержки региональной власти со стороны этнических меньшинств.

Может показаться, что консолидация вокруг главы региона против федерального центра на основе «негативного консенсуса» должна привести к сокращению электоральной поддержки российского президента. Однако это не всегда так и зависит от позиции региональной власти. Как правило, заявляя протест в отношении языковой реформы, региональные элиты вынуждены поддерживать российского президента на выборах, чтобы не столкнуться с более высокими издержками экономического характера. В ситуации экономического доминирования центра региональные элиты вынуждены лавировать и использовать стратегию «фальсификации предпочтений». Это означает, что, критикуя федеральную власть в области языковой политики, они транслируют возможность решить эту проблему через такие институциональные каналы взаимодействия с центром, как парламент или доминирующая партия, что требует сохранения сильных представительских позиций региона в названных институтах и продолжения демонстрации электоральной лояльности в отношении партии власти и российского президента. Поэтому публичный протест региональных элит против этноязыковой политики Кремля может сочетаться с призывами электоральной поддержки президента. Поскольку эскалация этноязыковой проблемы и стратегия протеста привели к росту доверия титульного этноса к региональной власти, эти призывы находят поддержку. Следуя им и понимая риски ухудшить ситуацию в связи с дальнейшим давлением Кремля, титульные этносы будут использовать стратегию «фальсификации предпочтений» и голосовать за российского президента, даже несмотря на несогласие с ним в вопросе языковой реформы. Поэтому в качестве исхода в таком случае можно ожидать скорее сохранения стабильно высоких электоральных результатов главы государства, чем изменения в электоральном поведении титульных этносов.

2. *Монолитная элита и стратегия лояльности.* При наличии монолитной региональной элиты и стратегии лояльности ситуация фреймируется вне какой-либо проблемной артикуляции. Поскольку в таких условиях национальные организации и оппозиционные акторы кооптированы, то с их стороны нет альтернативных фреймов. Можно ожидать, что и электорату этноязыковая ситуация не будет представляться как проблемная, а вопрос «Кто виноват?» – как значимый в текущей политической повестке. При отсутствии проблемы и виновных электоральное поведение титульных этносов должно сохранять стабильность.

3. *Фрагментированная элита и стратегия протеста.* При наличии фрагментированной региональной элиты и стратегии протеста попытку переложить вину на федеральную власть будет сложнее. Критика со стороны оппозиции повышает вероятность того, что главе региона не удастся позиционировать себя как основного защитника этнокультурных интересов титульного этноса. Напротив, оппозиция может формировать альтернативные фреймы, возлагая вину за проблемы на главу региона. В такой ситуации

протест последнего против центра может интерпретироваться оппозицией как неумение наладить отношения с Кремлем. В результате титульные этносы могут видеть основным виновником их проблем не российского президента, а главу региона. Это в особенности вероятно, когда регионом руководит аутсайдер («варяг»), который изначально не имеет доверия у населения республики. Электоральным последствием подобной конstellляции факторов скорее всего будет сохранение высокой поддержки президента при низкой поддержке главы региона.

4. *Фрагментированная элита и стратегия лояльности.* Наконец, в случае фрагментированной региональной элиты и стратегии лояльности можно ожидать существенную смену электорального поведения титульных этносов и сокращение поддержки российского президента. Данный исход обусловлен тем, что лояльность главы региона означает для оппозиции предательство этнокультурных интересов титульного этноса. При невозможности подавить или кооптировать оппозиционных игроков их альтернативные фреймы и критика властей всех уровней приводят к тому, что титульные этносы начинают атрибутировать ответственность обоим уровням власти. В случае такой комбинации факторов можно ожидать сокращения электоральной поддержки президента со стороны титульных этносов.

Обобщая влияние структуры и стратегий региональных элит на атрибуцию ответственности у титульных этносов, можно сформулировать следующие гипотезы:

Гипотеза I. Монолитная структура региональных элит и использование ими стратегии протеста ведет к атрибуции ответственности в отношении федеральных властей при росте поддержки региональной власти.

Гипотеза II. Монолитная структура региональных элит и использование ими стратегии лояльности ведет к отсутствию артикуляции этноязыковой проблемы как таковой.

Гипотеза III. Фрагментированная структура региональных элит и использование ими стратегии протеста ведет к атрибуции ответственности в отношении региональных властей при сохранении лояльности к федеральной власти.

Гипотеза IV. Фрагментированная структура региональных элит и использование ими стратегии лояльности ведет к атрибуции ответственности в отношении обеих ветвей власти – федеральной и региональной.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическое тестирование сформулированных гипотез и теоретических ожиданий требует точного измерения четырех факторов: 1) структуры региональной элиты (монолитная или фрагментированная); 2) стратегии региональной элиты в ответ на централизацию (протест или лояльность); 3) стратегии региональной оппозиции (поддержка или критика); 4) направленности атрибуции ответственности за этнокультурные проблемы со стороны титульных этносов. Если первые три фактора достаточно явны и их несложно определить с помощью метода анализа случаев, то измерение атрибуции ответственности требует использования опросных методов. В моей теоретической

модели фактор атрибуции ответственности можно рассматривать как ключевую промежуточную переменную, которая в конечном итоге определяет электоральное поведение этнических меньшинств, и потому измерение названной переменной являлось одной из ключевых задач эмпирической части настоящего исследования.

Для решения этой задачи были собраны качественные данные с помощью фокус-групп, проведенных в период с сентября 2020 года по апрель 2021-го в четырех этнических республиках: Башкортостане, Татарстане, Чувашии и Коми. Всего было проведено шесть фокус-групп, основная информация о которых представлена в таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

Основная информация по фокус-группам / Basic information on focus groups

Республика	Населенный пункт	Дата	Количество участников	Этническая принадлежность участников
Башкортостан	Кюргазинский р-н, с. Якшимбетово	26.10.2020	15	Башкиры
Башкортостан	Чекмагушевский р-н, с. Чекмагуш	06.09.2020	15	Татары
Коми	Усть-Куломский р-н, с. Дон	27.04.2021	12	Коми
Татарстан	Альметьевский р-н, с. Надырово	12.09.2020	12	Татары
Татарстан	Актанышский р-н, с. Актаныш	27.10.2020	15	Татары
Чувашия	Чебоксарский р-н, с. Сархорн	23.04.2021	15	Чуваши

Для отбора случаев использовались следующие критерии. Во-первых, я включил в выборку только те этнические республики, в которых языковая реформа 2017 года получила широкий общественный резонанс. Во-вторых, мне было важно включить в выборку республики с разной констелляцией факторов, представленных в моей аналитической рамке, чтобы покрыть все возможные вариации и проверить сформулированные гипотезы. Башкортостан – это республика с фрагментированной региональной элитой и стратегией лояльности. Татарстан – это случай с монолитной элитой и стратегией протеста. Чувашия представляет случай с монолитной элитной структурой и стратегией лояльности. Наконец, Республика Коми – это случай с фрагментированной региональной элитой и стратегией протеста. Таким образом, выборка случаев по этим двум критериям покрывает все вариации и позволяет анализировать республики в сравнительной перспективе.

Поскольку приоритетный интерес исследования связан с мотивами политического выбора именно титульных этносов, фокус-группы проводились в сельской местности с моноэтническим населением. В ходе дискуссии я преследовал две основные задачи. Во-первых, определить степень важности

этнического фактора для респондентов при определении их политического выбора при голосовании. Ключевыми моментами в ходе обсуждения с участниками фокус-групп в данном случае выступали следующие: 1) степень важности для респондентов национальности главы региона; 2) степень важности для избирателей языковой реформы 2017 года и ее влияние на их электоральный выбор. Я исходил из предположения, что в случае важности этнического фактора языковая реформа даже спустя почти три года сохранится в памяти представителей титульных этносов как проблемное событие, вызывающее довольно болезненную эмоциональную реакцию. Во-вторых, оценить направленность атрибуции ответственности респондентов за этноязыковые проблемы в регионе. Согласно моим предположениям, комбинация факторов в Татарстане должна приводить к атрибуции ответственности федеральной, а не региональной власти. В Коми, напротив, электорат из числа титульного этноса должен возлагать вину за проблемы в этноязыковой сфере на региональную, а не федеральную власть. Комбинация факторов в Чувашии – это случай отсутствия виноватых. Наконец, Башкортостан – это случай двойной атрибуции ответственности: и федеральной, и региональной власти, что должно приводить к протестному голосованию.

Далее в статье представлены основные результаты анализа и интерпретация полученных данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Татарстан: монолитная элита и стратегия протеста

Татарстан является одним из самых стабильных оплотов электоральной поддержки российской власти. На протяжении последних выборов планка голосования в республике за инкубентов не опускалась ниже 80 % голосов. При этом, как вытекает из многочисленных исследований, в структуре электорального сверхбольшинства сами татары играют существенную роль. Почти во всех выборах постсоветского периода наблюдается значимая статистическая взаимосвязь между долей татар в муниципалитетах и уровнем электоральной поддержки представителей власти.

Как отмечают многие исследователи, высокий уровень электоральной лояльности, которую неизменно демонстрирует Татарстан, во многом есть результат эффективного контроля региональных элит за электоральными процессами (Matsuzato, 2001). Это, в свою очередь, достигается благодаря высокой консолидации региональных элит, которая сохраняется со времен правления первого республиканского президента Минтимера Шаймиева (Sharafutdinova, 2013). К середине 1990-х годов он установил в Татарстане один из самых жестких в России режимов субнационального авторитаризма. В 2010 году произошла первая и пока единственная ротация главы республики. Новый президент Татарстана Рустам Минниханов является членом регионального клана, близкого к М. Шаймиеву. Наследование власти прошло с соблюдением интересов первого президента и основных региональных элит, что не нарушило их монолитности (Garifullina et al., 2020).

На языковой кризис 2017 года региональные элиты Татарстана ответили протестом, вступив в публичную дискуссию с Кремлем и критикуя языковую реформу (Shkel, 2019). Однако это никак не сказалось на электоральной поддержке В. Путина на президентских выборах весной 2018 года, как и на итогах всероссийского голосования по конституционным поправкам 2020-го. В обоих случаях татары оказали более высокую поддержку российскому президенту, чем в среднем по стране.

Таким образом, Татарстан является случаем с монолитной структурой региональных элит и стратегией протеста в ответ на языковую реформу Кремля. Согласно гипотезе I, подобная комбинация факторов ведет к такому фреймированию этноязыковых проблем, при котором титульные этносы видят виновником проблем федеральную, а не региональную власть. Тем не менее авторитарный контекст и доминирование центра толкают региональные власти к использованию стратегии «фальсификации предпочтений». В результате президент сохраняет высокую электоральную поддержку. С помощью дискуссии в рамках фокус-групп я попытался проверить эти теоретические ожидания.

Влияние языковой реформы. Опросы показали, что даже спустя три года татарское население помнит об эпизоде лета 2017 года и обострении языкового вопроса в России. Абсолютно для всех респондентов это решение является неприемлемым, и текущую ситуацию они оценивают как проблемную. Многие респонденты отметили, что именно после этого события они еще в большей степени убедились, что главой Татарстана должен быть только представитель титульной национальности: *«Мы поддерживаем Минниханова и стали ближе к нему»; «Этот конфликт показал, что руководителем должен быть только татарин. Ведь хотели убрать в школах язык до минимума. Но Минниханову удалось смягчить это, и хотя бы несколько часов оставили. Он, конечно, не смог защитить язык полностью, но он смог выправить ситуацию. Если б во главе был не татарин, то этого не получилось сделать».*

Атрибуция ответственности. Из приведенных реплик отчетливо видно, что именно президент Татарстана воспринимается в качестве главного защитника интересов татарского народа и именно на него рядовые татары возлагают свои надежды в деле смягчения прессинга со стороны Москвы. Участники фокус-групп ясно дали понять, что они поддерживают политику региональных властей, которую оценивают в целом как разумную в сложившихся условиях.

На вопрос о том, почему критика инициатив В. Путина по поводу языковой реформы никак не сказывается на его электоральном рейтинге в Татарстане, респонденты отвечали, что во многом это следствие авторитета Р. Минниханова, к чьим сигналам большинство населения республики склонно прислушиваться: *«Татарстан ведет тонкую политику. Если бы Минниханов выступал слишком резко, то его бы убрали и поставили лояльного и нам хуже будет. Мы же видим, что творится в соседних республиках. Мы видим Удмуртию. Для нас это пример. Лучше, как у нас»; «Почему народ не протестует? Это лидерство Минниханова и его политика. Люди понимают, что пока лучше промолчать».*

Обобщая данные фокус-групп, проведенных в Татарстане, можно сделать вывод, что гипотеза I нашла свое подтверждение. В целом татары воспринимают сложившуюся в отношении родных языков ситуацию очень критично

и адресуют претензии за это скорее к федеральной власти, чем к региональным элитам. Стабильная электоральная поддержка федеральной власти на уровне официальной статистики не отражает реальных политических предпочтений татар, а есть проекция консолидации татар вокруг политики главы республики и региональных элит, которые воспринимаются как последние форпосты защиты от давления Кремля. В этом смысле Татарстан, следуя сигналам регионального лидера, голосует в формате «фальсификаций предпочтений» (Kuran, 1995, p. 5–9).

Башкортостан: фрагментированная элита и стратегия лояльности

Долгое время Башкортостан был зеркальным отражением соседнего Татарстана, выступая важным бастионом электоральной поддержки федеральных властей. Подобно М. Шаймиеву, первый президент Башкортостана Муртаза Рахимов установил в регионе жесткий режим личной власти и пресекал любые проявления внутриэлитных конфликтов. Первая ротация власти в Башкортостане случилась почти одновременно с Татарстаном в 2010 году. Однако, в отличие от М. Шаймиева, М. Рахимов не смог передать власть своему наследнику. Кремль решился назначить на пост главы республики Рустэма Хамитова, который не имел тесных связей с местными элитами и был сразу воспринят ими как аутсайдер («варяг») (Sharafutdinova, 2015). Правление Р. Хамитова ознаменовалось масштабной ротацией региональных элит, что привело к их фрагментации (Shkel, 2021).

В отличие от Татарстана, в Башкортостане региональные власти на языковую реформу 2017 года ответили лояльностью, чем вызвали возмущение национальных организаций и интеллигенции, которые в этот период вышли из-под контроля властей и начали создавать альтернативные интерпретации этнокультурных проблем в публичном пространстве. Неудивительно, что именно в этот период электоральные показатели федеральных игроков в республике начали стремительно снижаться (Shkel, 2021). Впервые статистически значимая взаимосвязь между долей башкир в муниципалитетах и уровнем поддержки инкубента исчезла по результатам выборов российского президента в 2018 году, когда башкиры существенно сократили поддержку В. Путина по сравнению с предыдущими выборами. Последнее общероссийское голосование по поправкам к Конституции Российской Федерации 2020 года снова показало отсутствие положительной взаимосвязи между долей башкир в муниципалитетах и уровнем электоральной поддержки (см. табл. 2).

Таким образом, в отличие от Татарстана, с 2010 года Башкортостан является случаем с фрагментированной региональной элитой. Более того, в условиях языкового кризиса 2017–2018 годов глава республики использовал стратегию лояльности. Согласно гипотезе IV, данная констелляция факторов должна вести к тому, что титульные этносы будут атрибутировать ответственность обоим ветвям власти, что, в свою очередь, приведет к сокращению электоральной поддержки российского президента. Официальная статистика частично подтверждает это, фиксируя сокращение электоральной поддержки президента со стороны башкир. Тем не менее без опроса избирателей из числа башкир причины смены их электоральных предпочтений остаются недостаточно

ясными. С помощью участников фокус-групп в Башкортостане я пытался прояснить этот вопрос и проверить свои теоретические предположения.

Влияние языковой реформы. Как и в Татарстане, все респонденты отметили важность языковой реформы и высказали резкую критику в адрес федеральных властей по поводу этого решения. Многие участники отчетливо помнят высказывание В. Путина в Йошкар-Оле на заседании Совета по межнациональным отношениям летом 2017 года³ и убеждены, что эта инициатива существенно подорвала доверие к российскому президенту со стороны многих нерусских народов: *«Двадцать миллионов мусульман России отвернулись от Путина после того, как он это сказал в Йошкар-Оле»; «Да, конечно, на нас очень сильно повлияло это решение. И теперь мы не будем за него голосовать. Народ наш терпеливый, но всему есть предел. После такого высказывания Путин потерял нашу поддержку».*

Атрибуция ответственности. Вместе с тем, в отличие от Татарстана, башкиры не рассматривают региональную власть в качестве единственного защитника их интересов и называют альтернативных политических игроков, претендующих на эту роль. Наиболее известным среди таковых является независимая общественная организация «Башкорт», признанная Верховным судом Башкортостана экстремистской в апреле 2020 года⁴. Многие участники фокус-группы не согласны с этим судебным решением и продолжают симпатизировать этой организации: *«Мы слышали об организации “Башкорт”. Власти зря ее запрещают. Они не экстремисты. Они защищают башкир и показывают, как государство должно относиться к башкирам»; «“Башкорт” воспитывает молодежь духовно сильными и учат культуру уважать».* Многие респонденты отмечают, что позиция лидеров этой организации им ближе, чем позиция региональных властей. Это касается как языкового вопроса, так и более недавних событий, связанных с протестом против промышленной разработки священной для башкир горы Куштау. Участники фокус-групп прямо признают заслуги этой организации в победе протестующих в этом противостоянии: *«Если бы не “Башкорт”, то Куштау бы не защитили».*

Таким образом, анализ полученных данных по итогам проведения фокус-групп в Башкортостане позволяет говорить о правомерности гипотезы IV, согласно которой стратегия лояльности в условиях фрагментации региональных элит ведет к двойной атрибуции ответственности и представители титульного этноса начинают видеть виновниками своих проблем оба уровня власти. Это, в свою очередь, влияет на динамику электорального поведения

³ Выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле 20 июля 2017 года, В. Путин, в частности, сказал: «Языки народов России – это тоже неотъемлемая часть самобытной культуры народов России. Изучать эти языки – гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации». См: *Заседание совета по межнациональным отношениям* [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Президента России. 2017. 20 июля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55109> (дата обращения: 12.06.2022).

⁴ *Баширов Б.* «Башкорт» признали экстремистским согласно традициям [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2020. 22 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4355087> (дата обращения: 22.05.2022).

избирателей. В Татарстане после отставки М. Шаймиева региональная элита осталась монолитной, а основные национальные организации – встроенными (кооптированными) во властную иерархию. Поэтому глава республики оказался фактически единственным актором, фреймирующим языковую проблему, и смог аккумулировать политическую поддержку титульных этносов. В Башкортостане ротация первого президента республики произошла по другому сценарию и вызвала фрагментацию элит (Sharafutdinova, 2015; Garifullina et al., 2020). Побочным результатом элитной фрагментации стал рост популярности автономных политических акторов в виде общественных организаций, чьи лидеры выступили с резкой критикой языковой реформы и федеральных властей. В условиях низкого авторитета среди башкир главы региона Р. Хамитова его призывы поддержать президента России в 2018 году не нашли отклика, в то время как альтернативные призывы к протестному голосованию возымели действие.

Чувашия: монолитная элита и стратегия лояльности

В Чувашии ротация главы региона тоже произошла в 2010 году. До этого времени с 1994 года регионом управлял этнический чуваш Николай Федоров, который уделял развитию чувашской культуры большое внимание и имел серьезную поддержку со стороны представителей титульного этноса. В 2010 году он покинул пост президента республики и продолжил карьеру в федеральных органах власти. Новым главой Чувашии стал его протеже, министр сельского хозяйства Михаил Игнатьев. Таким образом, ротация в республике прошла скорее по сценарию Татарстана, а не Башкортостана. Н. Федоров передал власть представителю региональных элит и не допустил прихода в республику «варяга». И хотя позже, уже будучи министром российского правительства, Н. Федоров допускал публичную критику своего наследника за провалы в социально-экономической сфере, в целом это не привело к открытому конфликту и элитному расколу. Региональная элита сохранила монолитность.

Ответ региональных властей в Чувашии на вызов в виде языковой реформы 2017 года можно оценить как лояльный. Подобно Башкортостану, региональные ведомства приняли изменения, которые перевели преподавание чувашского языка в форму факультатива по выбору родителей. Ранее существовавший экзамен по государственному языку был отменен. Однако, в отличие от Башкортостана, протесты в ответ на это последовали только от отдельных активистов национальных движений, тогда как региональная элита и основные национальные организации предпочли хранить молчание. На съезде наиболее влиятельной в республике национальной организации «Чувашский национальный конгресс», который состоялся фактически во время языкового кризиса осенью 2017 года, не было принято никаких резолюций или обращений по вопросу сохранения системы преподавания чувашского языка. Региональный глава, выступая на этом конгрессе, обошел резонансную тему и высказался о чувашском языке весьма абстрактно⁵.

⁵ Белов А. Юбилейный съезд ЧНК прошел с аншлагом и без дискуссий [Электронный ресурс] // Правда ПФО. 2017. 30 окт. URL: <http://pravdapfo.ru/articles/87155-yubileynyy-sezd-chnk-proshel-s> (дата обращения: 25.05.2022).

Таким образом, Чувашия представляет собой случай с монолитной элитой и стратегией лояльности. Согласно гипотезе II, это должно вести к минимальной артикуляции этнических проблем как со стороны власти, так и со стороны оппозиции, отсутствию атрибуции ответственности в сознании чувашских избирателей и, как результат, нейтрализации этнического фактора в электоральных процессах. С помощью проведения фокус-группы в Чувашии я пытался проверить эту гипотезу.

Влияние языковой реформы. В отличие от татар и башкир, чувашаи выразили общее удовлетворение состоянием родной культуры и ее развитием в республике. Доминирующим мнением было следующее: *«Сама культура чувашей, конечно, не пропадает. Все развивается. Все хорошо. Посмотрите, сколько у нас театров, художники, даже космонавт у нас есть, несколько каналов и радио открылись на чувашском языке. Мы развиваемся».*

В фокус-группе многие выразили удовлетворение тем, что теперь, в отличие от советских времен, главами республики являются исключительно чувашаи и общая репрезентация чувашей во власти стала довольно значительной: *«Все наши президенты – чувашаи, они понимают свой народ. Это важно».*

Вероятно, численное превосходство чувашей в составе населения республики, отсутствие «варягов» во власти, как и в целом существенное внимание властей к развитию национальной культуры, определяют общее спокойствие титульного этноса по поводу национальных вопросов. Независимых влиятельных национальных организаций в Чувашии нет. Респонденты не смогли назвать ни одной из них, кроме Чувашского национального конгресса, который давно кооптирован во властную вертикаль. Участники фокус-группы отметили, что не помнят никакого обострения проблемы в 2017–2018 годах и не могут сказать, что это как-то повлияло на их отношение к федеральной власти и российскому президенту: *«У нас такой острой проблемы не было. Резкого ничего не было. Большинство ничего не заметили»; «Народ даже не обратил на это внимания. Как голосовали, так и голосуем».*

Таким образом, хотя многие респонденты в беседе высказали несогласие с решением об отмене обязательного изучения родных языков, в целом эта проблема не воспринимается чувашаами как острая и явно затронувшая их республику. Фреймирование проблемы региональными властями в 2017–2018 годах произошло так, что население не заметило этого решения и не склонно артикулировать его в форме претензий к федеральной власти. Монолитность региональной элиты не создает основ для роста автономии национальных организаций, которые в настоящее время не играют самостоятельной политической роли.

Атрибуция ответственности. Все вышеперечисленные причины привели к тому, что чувашаи не склонны рассматривать этноязыковую проблему как значимую и не имеют претензий по этому поводу ни к федеральной власти, ни к региональной. Можно заключить, что кейс Чувашии в целом подтвердил гипотезу II о том, что монолитная структура региональных элит и стратегия лояльности приводят к нейтрализации этноязыковой проблемы. Как следствие, представители титульного этноса воздерживаются от обвине-

ний кого-либо и сохраняют стабильность своего электорального поведения. Их политические воззрения формируются скорее на основе экономических интересов, в то время как этнический фактор имеет второстепенное значение.

Республика Коми: фрагментированная элита и стратегия протеста

Как и во всех трех вышеописанных случаях, вплоть до 2010 года власть в Республике Коми контролировал представитель титульного этноса Владимир Торлопов. Как главы Татарстана и Чувашии, он смог передать власть своему преемнику Вячеславу Гайзеру, который до этого долгое время занимал пост министра финансов в республиканском правительстве. В. Гайзер не был этническим коми, но был выходцем из республики и имел тесные связи с региональной элитой. Поэтому смена власти в республике прошла спокойно и не вызвала никакой внутриэлитной конкуренции. Однако в 2015 году последовала неожиданная ротация власти, когда В. Гайзер был обвинен федеральными следственными органами в коррупции и арестован. Вместе с ним уголовному преследованию подверглись еще четырнадцать высокопоставленных региональных чиновников. В результате значительная часть региональной элиты оказалась «обезглавленной», а на пост главы республики Кремль назначил Сергея Гапликова, который не имел никаких связей с регионом и являлся «варягом». Эти события привели к тому, что к языковому кризису 2017 года и президентским выборам 2018-го региональная элита подошла в состоянии фрагментации.

После высказывания Владимира Путина летом 2017 года республиканское министерство образования срочно принялось исполнять его поручение. 26 октября министр образования Республики Коми Наталья Михальченкова подписала приказ об отмене обязательного изучения коми языка. Это вызвало большой резонанс в регионе и негативную реакцию со стороны национальных движений, которые потребовали отмены приказа и увольнения министра. Глава Республики Коми хранил молчание до ноября, после чего отменил резонансный приказ и поручил его доработать⁶. Тем самым глава недвусмысленно солидаризировался с протестующими и высказался в пользу сохранения преференций титульной этнической группы. В итоге к выборам 2018 года статус коми языка как обязательного для изучения был сохранен. Опрошенные мною эксперты в республике считают, что подобное решение главы региона объясняется его переоценкой силы влияния региональных национальных организаций. Будучи «варягом» и плохо понимая региональные политические реалии, С. Гапликов «испугался» обострения этноязыкового конфликта и решил пойти на уступки, чтобы не допустить массовой мобилизации титульного этноса. Как бы то ни было, можно заключить, что, несмотря на первоначальную непоследовательность, региональная элита выбрала стратегию протеста, а не лояльности.

Таким образом, Республики Коми – это случай фрагментированной элиты и стратегии протеста. Согласно гипотезе III, данная констелляция факторов должна вести к атрибуции ответственности региональной, а не федеральной

⁶ Глава Коми приостановил действие приказа об отмене обязательного изучения коми языка [Электронный ресурс] // ТАСС. 2017. 14 нояб. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4728149> (дата обращения: 25.05.2022).

власти. Поэтому, даже несмотря на поддержку главой региона прав этнических меньшинств, представители последних сохраняют высокую поддержку российского президента.

Данные официальной электоральной статистики косвенно подтверждают это предположение. Так, в отличие от всех других исследуемых случаев, уровень поддержки федеральных властей после событий 2017 года со стороны титульного этноса в Коми даже вырос: именно на выборах российского президента 2018 года и общероссийском голосовании 2020 года связь между долей титульного этноса в муниципалитете и уровнем поддержки инкумбента в Коми становится положительной и статистически значимой (см. табл. 2). Данные, собранные в ходе проведения фокус-группы, позволяют объяснить эту динамику электорального поведения следующим образом.

Влияние языковой реформы. В целом респонденты очень критично оценили состояние национальной культуры в республике, отметив не только сокращение школ с изучением коми языка, но и сокращение часов его изучения в школьных образовательных программах. Однако, как и в Чувашии, участники фокус-группы не рассматривают этот факт как последствие языковой реформы 2017 года. Все респонденты сообщили, что обострения языкового вопроса в то время не помнят и вообще не слышали о речи В. Путина в Йошкар-Оле по этому поводу: *«Мы особо не слышали, что Путин про языки говорил. Вот что Жириновский назвал нас “комьяками” и рейтинг ЛДПР упал, это мы знаем. А про Путина прошло мимо нас».*

Атрибуция ответственности. Хотя респонденты в целом недовольны развитием родного языка, они не склонны обвинять в этом федеральные власти и происходящее в этнокультурной сфере не повлияло на их политический выбор. Ответственность за текущие проблемы они связывают с региональной властью или объективными факторами в виде развития Интернета: *«Виноваты региональные власти и министерство культуры, которые снизили планку часов изучения коми языка»; «Виноваты гаджеты и Интернет, потому что дети смотрят все на русском и детям это интереснее».*

Однако в целом проблема национальной культуры не является для респондентов приоритетной по сравнению с остротой экономических вопросов. Участники фокус-группы в Коми, в отличие от других республик, были не столь категоричны в отношении национальности главы региона. Хотя они высказывали свое неудовлетворение тем, что в последнее время в Коми управляют «варяги», в целом национальность главы для них не имеет первостепенного значения. Важно, чтобы он был из региона и решал экономические проблемы. То есть «свой» для коми – необязательно представитель титульного этноса, но выходец из региона, знающий его изнутри: *«Это, конечно, плохо, что сейчас глава республики не коми. Но вообще он может быть и русским, но должен быть из Коми»; «Главное, чтобы был местный, но национальность не имеет значения. Знание языка важно, это плюс для губернатора, но не ключевой».*

Таким образом, национальные вопросы и языковая проблема почти никак не влияют на электоральное поведение титульных этносов в Коми. Этнокультурная консолидация коми и влияние национальных организаций настолько

слабы, что федеральный центр уже давно использует практику назначения «варягов» на пост главы республики, не сталкиваясь с каким-либо сопротивлением региональных элит. В условиях острых экономических проблем молодежь из числа коми предпочитает уехать из республики или переехать в города, что объективно ведет к ее культурной ассимиляции. Оставшиеся представители титульного этноса смотрят на развитие родного языка довольно пессимистично, не видя способов решения проблемы.

Можно заключить, что кейс Коми подтверждает гипотезу III о том, что фрагментированная структура региональных элит и использование ими стратегии протеста ведет к атрибуции ответственности региональных властей при сохранении лояльности к федеральной власти.

Атрибуция ответственности и электоральное поведение титульных этносов: сравнительная перспектива

Сравнительный анализ четырех исследуемых этнических республик позволяет выделить между ними ряд различий. Прежде всего, обнаружена дифференциация в оценках и общей удовлетворенности состоянием и развитием национального языка и культуры среди титульных этносов в разных республиках. Если в Татарстане, Башкортостане и Коми титульные этносы крайне недовольны текущим положением дел в этой области, то чувашаи скорее удовлетворены. Любопытно, что уровень недовольства не имеет прямой взаимосвязи с электоральным поведением. Так, крайне недовольные татары и коми продолжают поддерживать федеральную власть, в то время как башкиры демонстрируют рост протестного голосования. Чувашаи, которые выглядят как наиболее удовлетворенные развитием их этнической культуры, не выделяются повышенной электоральной лояльностью.

Более четкая закономерность прослеживается, если мы включим в поле сравнительного анализа переменную в виде объекта атрибуции ответственности. Как видно из данных фокус-групп, представители титульных этносов в разных республиках склонны обвинять разные уровни власти – федеральный или региональный – за негативные последствия реформ в области национальной политики. В таблице 4 отражено распределение исследуемых случаев по данному параметру во взаимосвязи с переменной в виде электоральной волатильности.

Таблица 4 / Table 4

Атрибуция политической ответственности и электоральная волатильность / Political blame attribution and electoral volatility

Региональная власть	Центральная власть	
	Виновные	Невиновные
Виновные	Волатильность (Башкортостан)	Позитивная стабильность (Коми)
Невиновные	Негативная стабильность (Татарстан)	Позитивная стабильность (Чувашия)

Источник: составлено автором.

Легко заметить, что электоральная волатильность наблюдается лишь в том случае, когда титульные этносы не только не удовлетворены текущим состоянием родного языка и культуры, но и склонны возлагать ответственность за это одновременно и на федеральную, и на региональную власть. В такой ситуации низкого уровня легитимности обоих уровней власти титульные этносы склонны поддерживать альтернативных политических акторов в виде оппозиционных национальных организаций и переходят к стратегии протестного голосования. Характерным эмпирическим примером описанной ситуации является Башкортостан.

В случае атрибуции ответственности только одному из уровней власти наблюдается электоральная стабильность. Вместе с тем проведенные фокус-группы позволяют разграничить ситуацию электоральной стабильности на два типа: негативную и позитивную. В случае атрибуции ответственности федеральной власти при сохранении лояльного отношения к региональной (случай Татарстана) наблюдается негативная электоральная стабильность. Это означает, что при формальном сохранении электоральной поддержки федеральных политических игроков титульные этносы именно в них видят причину своих проблем и голосуют за них скорее из прагматических соображений, используя стратегию «фальсификации предпочтений». Республика Коми является примером позитивной стабильности, когда титульные этносы склонны больше обвинять в своих проблемах региональную, а не федеральную власть. В результате последняя стабильно получает электоральную поддержку и даже может увеличивать ее, несмотря на ухудшение ситуации для титульных этносов. Наконец, позитивная стабильность может быть результатом общей удовлетворенности титульного этноса, представители которого вообще не видят каких-либо проблем в национальной сфере и никого не обвиняют (случай Чувашии).

Как показал анализ данных фокус-групп, в восприятии обычных избирателей важность языкового вопроса и проблемы национального развития во многом зависят от информационного контекста. Этот контекст, в свою очередь, во многом есть результат деятельности основных политических акторов. Поэтому конкретная конфигурация этих акторов выступает значимым фактором, определяющим восприятие этих проблем и их влияние на политическое поведение электората. Монолитная структура региональных элит означает кооптацию во властную коалицию всех значимых политических игроков, что позволяет не только контролировать информационную повестку, но и формировать имидж главы региона как основного защитника титульных этносов от давления федерального центра. В такой ситуации альтернативные политические игроки в виде независимых национальных организаций не имеют влияния на электорат и не могут оказать дестабилизирующего влияния на работу политических машин. Когда же по каким-либо причинам структура элит становится фрагментированной, уровень формальной и неформальной конкуренции повышается, а это, в свою очередь, расширяет пространство свободы для деятельности независимых национальных организаций, которые в условиях обострения языкового вопроса начинают подрывать монополию региональной власти по фреймированию национальных проблем. В результате таким организациям удается повлиять на электоральное поведение титульных этносов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Централизация в современной России сокращает уровень политической конкуренции и ведет к предсказуемости выборов, результаты которых демонстрируют все более уверенные победы инкубентов. Однако это не означает, что основание одерживаемых побед остается незыблемым. Более пристальный анализ данных показывает, что структура текущего электорального большинства российского президента претерпевает изменения. И хотя эти изменения не являются тектоническими и носят скорее локальный характер, игнорирование их может привести к тому, что исследователи и эксперты в будущем могут не заметить наступления более фундаментальных перемен.

В настоящей работе показано, что последние реформы в сфере этноязыковой политики России не остались без последствий и повлияли на электоральные процессы в ряде этнических республик. В некоторых из них титульные этносы существенно снизили электоральную поддержку российской власти и перестали быть значимым звеном в механике политических машин; в других электоральное поведение титульных этносов остается стабильным.

Проведенный анализ данных позволил объяснить вариацию электорального поведения этнических меньшинств в республиках России. Структура элит (монолитная или фрагментированная) и их стратегия (протест или лояльность) в ответ на проводимую Кремлем политику централизации являются теми важнейшими факторами, которые обуславливают восприятие и атрибуцию политической ответственности по поводу этноязыковых проблем со стороны представителей титульных этносов. Как показано в этом исследовании, снижение электоральной поддержки российского президента происходит только тогда, когда нерусские этносы в республиках видят виновниками этих проблем оба уровня власти – федеральный и региональный.

Важно отметить, что даже в тех случаях, когда на уровне официальной электоральной статистики наблюдается высокая поддержка власти, это необязательно говорит об отсутствии проблем и удовлетворенности граждан текущим положением дел. Как следует из анализа данных, различная комбинация агентских и структурных факторов приводит к разным ответам региональных акторов на вызовы централизации. При наличии фрагментированных элит языковая реформа 2017 года обернулась ростом протестной активности титульных этносов в Башкортостане. Однако стабильные электоральные результаты в Татарстане и Чувашии свидетельствуют не об отсутствии проблемы, а об иной стратегии, выбранной региональными элитами в ответ на схожий вызов. Это означает, что языковая проблема не только не снята с повестки в этих республиках, но в будущем возможна ее дальнейшая эскалация. Наряду с республиками Северного Кавказа, эти регионы Поволжья продолжают сохранять потенциал сопротивления федеральному центру, что может открыто проявиться в случае общей дестабилизации и ослабления центральной власти в России. Пожалуй, лишь Республика Коми в этом смысле является исключением. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что совокупность факторов и состояние титульного этноса в этой республике находятся в таком состоянии, что ожидать здесь национального возрождения не приходится и основная битва за сохранение коми языка, вероятно, уже проиграна.

В завершение отмечу, что сам факт новых инициатив российской власти в сфере языковой политики говорит о внутренней трансформации политического режима и исчерпании тех ресурсов, которые президент прежде использовал для своей легитимности. Если ранее экономическая эффективность и рост доходов большинства населения являлись главными факторами популярности и электоральных побед Владимира Путина, то в условиях экономической стагнации, сохраняющейся с 2008 года, российский режим вынужден прибегать к новым механизмам своей легитимации, предлагая избирателям не столько материальные, сколько символические блага. Поскольку русские составляют в стране доминирующее большинство, повышение статуса русского языка и культурных прав русских становится прагматичной и довольно эффективной стратегией президента для сохранения электоральной поддержки населения. Поэтому языковую реформу 2017–2018 годов, так же как и конституционные поправки 2020 года, повышающие формальный статус русского языка, можно рассматривать как элементы общей стратегии российского президента, все активнее и шире применяющего идеологию русского национализма. В этом смысле события внешнеполитического (украинский кризис) и внутриполитического (языковая реформа 2017 года и конституционные поправки 2020-го) характера имеют общую логику, суть которой сводится к стремлению В. Путина создавать для русского большинства позитивные предложения ради сохранения своей электоральной поддержки. Если события на Украине российский режим интерпретирует как борьбу за безопасность русских, проживающих на юге и востоке Украины, то языковая реформа в этнических республиках оказывает схожий компенсирующий эффект для русских, проживающих внутри России, и особенно для тех из них, которые живут в пределах этнических республик. До сих пор указанную стратегию Кремля с точки зрения электоральных результатов можно признать довольно эффективной. Однако текущие успехи российской власти создают новые точки напряженности внутри этнических республик. И хотя пока они носят латентный характер, было бы ошибкой отрицать их существование и недооценивать их потенциальные риски.

Список источников / References

- Auyero, J. (2001), *Poor people's politics: Peronist survival networks and the legacy of Evita*, Duke University Press, Durham, UK.
- Bader, M. and Van Ham, C. (2015), "What explains regional variation in election fraud? Evidence from Russia: A research note", *Post-Soviet Affairs*, vol. 31, no. 6, pp. 514–528, <https://doi.org/10.1080/1060586X.2014.969023>.
- Bratton, M. and Van de Walle, N. (1997), *Democratic experiments in Africa: Regime transitions in a comparative perspective*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174657>.
- Bueno De Mesquita, B., Smith, A., Siverson, R. M. et al. (2003), *The logic of political survival*, The MIT Press, Cambridge, MA, US.
- Chandra, K. (2004), *Why ethnic parties succeed: Patronage and ethnic head counts in India*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, <https://doi.org/10.1017/9781108573481>.

Diaz-Cayeros, A., Magaloni, B. and Weingast, B. (2003), "Tragic brilliance: Equilibrium party hegemony in Mexico" [Online], available at: <https://ssrn.com/abstract=1153510> (Accessed July 25, 2022).

Frye, T., Reuter, O. J. and Szakonyi, D. (2014), "Political machines at work: Voter mobilization and electoral subversion in the workplace", *World Politics*, vol. 66, no. 2, pp. 195–228, <https://doi.org/10.1353/wp.2014.0012>.

Frye, T., Reuter, O. J. and Szakonyi, D. (2019), "Vote brokers, clientelist appeals, and voter turnout: Evidence from Russia and Venezuela", *World Politics*, vol. 71, no. 4, pp. 710–746, <https://doi.org/10.1017/S0043887119000078>.

Gandhi, J. and Lust-Okar, E. (2009), "Elections under authoritarianism", *Annual Review of Political Science*, vol. 12, no. 1, pp. 403–422, <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.060106.095434>.

Garifullina, G., Kazantcev, K. and Yakovlev, A. (2020), "United we stand: The effects of subnational elite structure on succession in two Russian regions", *Post-Soviet Affairs*, vol. 36, no. 5–6, pp. 475–494, <https://doi.org/10.1080/1060586X.2020.1785244>.

Gelman, V. (2010), "The dynamics of subnational authoritarianism (Russia in comparative perspective)", *Russian Politics and Law*, vol. 48, no. 2, pp. 7–26, <https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940480201>.

Golosov, G. V. (2013), "Machine politics: The concept and its implications for post-soviet studies", *Demokratizatsiya: Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no. 4, pp. 459–480.

Golosov, G. V. (2016), "Voter volatility in electoral authoritarian regimes: Testing the "tragic brilliance" thesis", *Comparative Sociology*, vol. 15, no. 5, pp. 535–559, <https://doi.org/10.1163/15691330-12341399>.

Goodnow, R., Moser, R. and Smith, T. (2012), "The effects of ethnic on the electoral success in Russia", *Comparative Political Studies*, vol. 45, no. 2, pp. 167–194.

Goodnow, R., Moser, R. and Smith, T. (2014), "Ethnicity and electoral manipulation in Russia", *Electoral Studies*, vol. 36, pp. 15–27, <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2014.05.005>.

Hale, H. (2008), *The foundations of ethnic politics: Separatism of states and nations in Eurasia and the world*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Hale, H. E. (1999), "Machine politics and institutionalized electorates: A comparative analysis of six Duma elections in Bashkortostan", *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 15, no. 4, pp. 70–110.

Hale, H., Breslauer, G., Hough, J. et al. (2003), "Explaining machine politics in Russia's regions: Economy, ethnicity, and legacy", *Post-Soviet Affairs*, vol. 19, no. 3, pp. 228–263, <http://doi.org/10.2747/1060-586X.19.3.228>.

Kitschelt, H. and Wilkinson, S. (2007), "A research agenda for the study of citizen-politician linkages and democratic accountability", in Kitschelt, H. and Wilkinson, S. (eds.), *Patrons, clients, and policies*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 322–343, <http://doi.org/10.1017/CBO9780511585869.014>.

Kuran, T. (1995), *Private truths, public lies: The social consequences of preference falsification*, Harvard University Press, Cambridge, UK.

Levitsy, S. and Way, L. (2010), *Competitive authoritarianism. Hybrid regimes after the Cold War*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511781353>.

Lust-Okar, E. (2006), "Elections under authoritarianism: Preliminary lessons from Jordan", *Democratization*, vol. 13, no. 3, pp. 456–471, <https://doi.org/10.1080/13510340600579359>.

Magaloni, B. (2006), *Voting for autocracy. Hegemonic party survival and its demise in Mexico*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511510274>.

Matsuzato, K. (2001), "From ethno-bonapartism to centralized caciquismo: Characteristics and origins of the Tatarstan political regime, 1900–2000", *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 17, no. 4, pp. 43–77, <https://doi.org/10.1080/714003590>.

Minaeva, E. and Panov, P. (2020), "Localization of ethnic groups in the regions as a factor in cross-regional variations in voting for united Russia", *Russian Politics*, vol. 5, no. 2, pp. 131–153, <http://doi.org/10.30965/24518921-00502001>.

Myagkov, M., Ordeshook, P. and Shakin, D. (2010), *The forensics of election fraud. Russia and Ukraine*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511626807>.

Nichter, S. (2008), "Vote buying or turnout buying? Machine politics and the secret ballot", *American Political Science Review*, vol. 102, no. 1, pp. 19–31, <https://doi.org/10.1017/S0003055408080106>.

Olson, M. (1971), *The logic of collective action: Public goods and the theory of groups*, Harvard University Press, London, UK.

Panov, P. and Ross, C. (2016), "Explanatory factors for electoral turnout in the Russian Federation: The regional dimension", *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 24, no. 3, pp. 351–370.

Panov, P. and Ross, C. (2019), "Volatility in electoral support for united Russia: Cross-regional variations in Putin's electoral authoritarian regime", *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no. 2, pp. 268–289, <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1563050>.

Reisinger, W. and Moraski, B. (2017), *The regional roots of Russia's political regime*, University of Michigan Press, Ann Arbor, MI, US.

Reuter, J. and Robertson, G. (2012), "Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments", *The Journal of Politics*, vol. 74, no. 2, pp. 1023–1037, <https://doi.org/10.1017/s0022381612000631>.

Schedler, A. (ed.) (2006), *Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition*, Lynne Rienner, Boulder, CO, US.

Scott, J. (1969), "Corruption, machine politics, and political change", *American Political Science Review*, vol. 63, no. 4, pp. 1142–1158, <https://doi.org/10.2307/1955076>.

Sharafutdinova, G. (2013), "Getting the "dough" and saving the machine: Lessons from Tatarstan", *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no. 4, pp. 507–529.

Sharafutdinova, G. (2015), "Elite management in electoral authoritarian regimes: A view from Bashkortostan and Tatarstan", *Central Asia Affairs*, vol. 2, no. 2, pp. 117–139, <http://doi.org/10.1163/22142290-00202001>.

Shkel, S. (2019), "Bastions of tradition: Ethnic factor and machine politics in the Russian regions", *Russian Politics*, vol. 4, no. 1, pp. 76–111, <http://doi.org/10.1163/2451-8921-00401004>.

Shkel, S. (2021), "Why political machines fail: Evidence from Bashkortostan", *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 29, no. 1, pp. 31–62.

Simpser, A. (2013), *Why governments and parties manipulate elections: Theory, practice, and implications*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, <https://doi.org/10.1017/cbo9781139343824>.

Stokes, S. (2005), "Perverse accountability: A formal model of machine politics with evidence from Argentina", *American Political Science Review*, vol. 99, no. 3, pp. 315–325, <http://doi.org/10.1017/S0003055405051683>.

White, A. (2022), "A chink in the autocrat's armour: Demographic change and voter turnout in Putin's Russia", *Ethnopolitics*, vol. 21, no. 4, pp. 381–400, <http://doi.org/10.1080/17449057.2021.1901187>.

White, A. and Saikkonen, I. (2017), "More than a name? Variation in electoral mobilisation of titular and non-titular ethnic minorities in Russian national elections", *Ethnopolitics*, vol. 16, no. 5, pp. 450–470.

Информация об авторе

С. Н. Шкель – доктор политических наук, профессор департамента политологии и международных отношений Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения (филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), 190068, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123

SPIN-код (РИНЦ): 4875-1208

AuthorID (РИНЦ): 482517

Web of Science ResearcherID: G-8498-2018

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 30.07.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 15.08.2022.

Information about the author

S. N. Shkel – Doctor of Political Sciences, Professor of Political Science and International Relations Department, St. Petersburg School of Social Sciences and Oriental Studies (St. Petersburg branch of the HSE University), 123 Griboyedov Canal emb., St. Petersburg, 190068, Russia

SPIN-code (RSCI): 4875-1208

AuthorID (RSCI): 482517

Web of Science ResearcherID: G-8498-2018

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 30.07.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 15.08.2022.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 454–481.

Ars Administrandi. 2022. Vol. 14, no. 3, pp. 454–481.

Научная статья

УДК 332.8

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-454-481>

ПРОЦЕССНАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ИНСТИТУТАМИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Владимир Игоревич Бывшев¹, Ирина Анатольевна Пантелеева², Иван Владимирович
Писарев³✉, Данил Игоревич Усков⁴

^{1,2} Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

^{1,2,3,4} Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности,
Красноярск, Россия

¹ VByvshev@sfu-kras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5903-1379>

² panteleevaia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3292-0728>

³ ivanvladpi@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0419-0388>

⁴ Uskovdani190@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2628-4825>

Аннотация. Введение: современный этап развития России характеризуется ростом влияния науки, инноваций и технологий. При правильной реализации потенциала в этой сфере можно создать условия для технологического прорыва и достижения уровня развитых стран. Исходя из необходимости повышения инновационной активности в экономике России в статье анализируются подходы к понятию региональных институтов инновационного развития, рассматриваются проблемы их функционирования. **Цель:** сформировать процессную модель государственного управления региональными институтами инновационного развития. **Методы:** в русле системного подхода использованы общенаучные методы, а также формально-логический, структурно-функциональный, формально-юридический и сравнительно-правовой анализ. **Результаты:** проведен теоретический анализ практик управления региональными институтами инновационного развития, на основе которого представлена процессная модель государственного управления последними. Модель учитывает координацию региональных институтов инновационного развития с федеральными и региональными приоритетами развития науки и инноваций, а также бизнес-сообществом. Координационное взаимодействие должен осуществлять орган государственной власти субъекта, уполномоченный в сфере науки и инноваций. **Выводы:** применение разработанной модели в регионе может способствовать его социально-экономическому развитию, расширению инновационной составляющей экономики и усилению уже имеющихся в регионе направлений в сфере науки и инноваций.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, регион, инновации, наука, инновационное развитие субъектов Российской Федерации, меры поддержки

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-00011 «Разработка научных основ формирования региональной научно-технической и инновационной политики».

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для цитирования: Бывшев В. И., Пантелеева И. А., Писарев И. В., Усков Д. И. Процессная модель государственного управления региональными институтами инновационного развития // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 454–481. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-454-481>.

Original article

THE PROCESS MODEL OF PUBLIC ADMINISTRATION OF REGIONAL INNOVATIVE DEVELOPMENT INSTITUTIONS

Vladimir I. Byvshev¹, Irina A. Panteleeva², Ivan V. Pisarev³✉, Danil I. Uskov⁴

^{1,2} Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

^{1,2,3,4} Krasnoyarsk regional fund for support of scientific and scientific-technical activities, Krasnoyarsk, Russia

¹ VByvshev@sfu-kras.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5903-1379>

² panteleevaia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3292-0728>

³ ivanvladpi@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-0419-0388>

⁴ Uskovdanil90@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2628-4825>

Abstract. Introduction: the current stage of Russia's development is characterized by the growing influence of science, innovation and technology. With the proper realization of the potential in this field, it is possible to create conditions for reducing the technological gap between Russia and developed countries. Based on the need to increase innovation activity in the Russian economy, the article analyzes approaches to the concept of regional innovative development institutions, discusses the problems of their functioning. **Objectives:** to present the process model of public administration of regional innovative development institutions. **Methods:** in line with the systematic approach, general scientific methods were used, as well as formal-logical, structural-functional, formal-legal, and comparative legal analysis. **Results:** a theoretical analysis of the public administration practices existing in Russian regions has been carried out, the process model of public administration of regional innovative development institutions has been presented. The model considers the coordination scheme between the regional innovation development institutions and federal and local government authorities, as well as the business community. Coordination interaction should be carried out by the regional government authority having respective powers in the field of science and innovation. **Conclusions:** the application of the developed model in a region can contribute to its socio-economic development, expand the innovative component of the economy, while promoting the existing regional strengths in innovations and science.

Keywords: socio-economic development, region, innovations, science, innovative development of subjects of the Russian Federation, support measures

Acknowledgements: the research was supported by the grant program of the Russian Science Foundation, project no. 22-78-00011 "Development of the scientific basis for the formation of regional scientific, technical and innovation policy".

For citation: Byvshev, V. I., Panteleeva, I. A., Pisarev, I. V. and Uskov, D. I. (2022), "The process model of public administration of regional innovative development institutions", *Ars Administrandi*, vol. 14, no. 3, pp. 454–481, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-454-481>.

ВВЕДЕНИЕ

2021 год в России прошел под эгидой науки и технологий, дав начало тематическому десятилетию. Итоги года были подведены на совместном заседании Государственного Совета и Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, на котором было отмечено, что «развитие России, наших регионов возможно только вместе с наукой». Необходимо «поощрять субъекты Федерации, которые усиливают свой научно-технологический потенциал. Логика здесь предельно понятная, простая: дополнительную поддержку должны получать те территории, где создаются прорывные разработки, запускаются знаковые исследовательские, инновационные, образовательные проекты»¹.

В перечне поручений по итогам указанного заседания² и заседания Совета по науке и образованию³, а также в указе Президента Российской Федерации «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий»⁴ особая роль отведена вопросам развития сферы науки и инноваций в регионах России, без должного внимания к которым и с учетом новой геополитической обстановки, пандемии коронавируса, объективных экономических вызовов (переход к VI технологическому укладу, создание продукции с высокой добавленной стоимостью и уход от сырьевой ориентации экономики) невозможно говорить о стратегическом развитии страны. Речь идет о повышении роли регионов в научно-технологическом развитии, принятии региональных государственных программ в этой области, формировании государственных информационных систем в субъектах Российской Федерации, направленных на предоставление услуг в сфере науки, включении региональных институтов инновационного развития в федеральный перечень российских организаций, гранты которых не подлежат налогообложению, созданию в регионах «научного спецназа». Поручения Президента Российской Федерации сигнализируют о необходимости усиления стратегического и политического планирования в сфере науки и инноваций на региональном уровне. Однако на сегодняшний день далеко не в каждом даже социально и экономически развитом регионе есть орган исполнительной власти, отвечающий за развитие сферы науки и инноваций, в виду чего возникают определенные сложности, и эффективное функционирование региональных институтов инновационного развития не представляется возможным.

¹ Стенограмма заседания Государственного Совета и Совета по науке и образованию [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Президента России. 2021. 24 дек. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67448> (дата обращения: 10.06.2022).

² Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам совместного заседания Госсовета и Совета по науке и образованию от 10.02.2022 № Пр-290 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/67752> (дата обращения: 10.06.2022).

³ Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета по науке и образованию от 18.03.2022 № Пр-510 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/68029> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 25.04.2022 № 231. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771> (дата обращения: 10.06.2022).

В связи с вышеизложенным формирование процессной модели управления региональными институтами инновационного развития, учитывающей особенности социально-экономического развития регионов, их отраслевую специализацию, приоритеты научно-технологического развития страны в целом, системность мер государственной поддержки, представляется весьма актуальным и, на наш взгляд, является возможным решением для стратегического развития сферы науки и инноваций в России. Указанная цель ставит задачи по выявлению предпосылок формирования модели, рассмотрению различных подходов к понятию региональных институтов инновационного развития, анализу работы действующих институтов инновационного развития на федеральном и региональном уровне.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Реализация действующей научно-технической и инновационной политики в субъектах Российской Федерации чаще носит спонтанный, а не целенаправленный характер. Как федеральное, так и региональное законодательство в этой области представляет собой набор законов и подзаконных актов, слабо коррелирующих между собой (Джамалудинова и др., 2021; Лаврикова и Третьякова, 2021; Любимов, 2016; Машегов и др., 2020; Руйга и др., 2022; Шпакова, 2022; Христофоров, 2017). Наблюдается рассогласованность целей, задач, приоритетов, показателей и критериев оценки научного, научно-технического, инновационного и социально-экономического развития и, как следствие, в параметрах эффективности функционирования региональных органов государственной власти в части реализации научно-технической и инновационной политики отсутствует взаимосвязь, что, в свою очередь, приводит к нарушению устойчивости региональных социально-экономических систем и бессистемности в работе региональных институтов инновационного развития (Аузан и др., 2019; Фомин и Смирнов, 2022; Цветкова, 2020; Шацкая, 2021; Янина, 2020). В докладе Российской академии наук совершенно справедливо высказывается предложение разработать единую государственной научно-технической политику, «целью которой должно стать развитие научно-технологического комплекса, ориентированного на вхождение России в число стран – глобальных экономических лидеров, и призванного обеспечить высокие темпы социально-экономического развития, рост качества жизни, конкурентоспособность, суверенитет и национальную безопасность России»⁵.

В большинстве регионов стратегические документы научно-технического и инновационного развития, которые определяют в том числе и направления деятельности региональных институтов инновационного развития, завершили или завершают свое действие, а в некоторых таковые не были приняты. Проводимая реформа институтов инновационного развития на федеральном уровне инициирует перестройку и адаптацию к новым условиям имеющихся

⁵ Доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными. М.: Рос. акад. наук, 2022. С. 76 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=bd7f8c22-b8e7-41f6-b7f7-eeddc151a1cb> (дата обращения: 10.08.2022).

региональных институтов инновационного развития, что вместе с вышеизложенными факторами обуславливает необходимость обновления стратегических документов в субъектах Российской Федерации в соответствии с «большими вызовами», современными приоритетами и трендами (Еферин и Куценко, 2021, с. 79, 94–97). Таким образом, для формирования стратегических документов в области научно-технического и инновационного развития и разработки соответствующей политики в регионе необходим научный фундамент, обеспечивающий функционирование региональных систем государственного управления сферой науки и инноваций и институтами инновационного развития.

Данное исследование базируется на системном подходе, в рамках которого использованы структурно-функциональный, формально-юридический и сравнительно-правовой анализ. Теоретической базой исследования послужили работы в области региональной инновационной политики, развития инновационной деятельности в регионах, инфраструктуры поддержки науки и инноваций на федеральном и региональном уровнях, а также нормативно-правовые и программные документы в области поддержки и развития региональной инновационной политики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для формирования процессной модели государственного управления региональными институтами инновационного развития рассмотрим определение института инновационного развития, зафиксированное в федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике», – «коммерческая или некоммерческая организация (ее правопреемник), созданная (в том числе путем реорганизации) и (или) осуществляющая деятельность на основании федерального закона, указа или распоряжения Президента Российской Федерации, акта Правительства Российской Федерации, закона или иного нормативного правового акта субъекта Российской Федерации, являющаяся получателем средств государственной поддержки в допускаемой законодательством Российской Федерации форме, самостоятельно осуществляющая инновационную деятельность и (или) являющаяся субъектом инновационной деятельности, которому Российской Федерацией или субъектами Российской Федерации предоставляются средства на оказание поддержки юридическим и физическим лицам, осуществляющим инновационную деятельность»⁶. Таким образом, понятия региональных и федеральных институтов инновационного развития содержательно совпадают.

Главная задача институтов инновационного развития заключается в преодолении провалов рынка за счет активизации различных экономических процессов и привлечения инвестиций, развития инноваций, освоения новых территорий хозяйствования, решения инфраструктурных задач и в целом повышения социально-экономического благополучия на федеральном

⁶ О науке и государственной научно-технической политике [Электронный ресурс]: Федер. закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ. Ст. 2. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9028333> (дата обращения: 08.06.2022).

и региональном уровнях (Гохберг и Кузнецова, 2012; Дежина, 2021; Доржиева и Ильина, 2020; Духон и др., 2018; Appio et al., 2021; Haefner et al., 2021; Strielkowski et al., 2022; Смородинская и др., 2019; Фархутдинова, 2020).

Для получения всестороннего представления об изучаемых институтах приведем пример не только законодательных, но и научных определений понятия. По мнению Е. Е. Харламовой и С. П. Сазонова, институт инновационного развития – это нефинансовая или финансовая организация, задачами которой являются сосредоточение и распределение трудовых, финансовых, интеллектуальных и других видов ресурсов с целью активизации экономики, инновационной деятельности, развития инфраструктуры (Харламова и Сазонов, 2018, с. 16). Еще одно определение прямо указывает на особую роль и специфическое положение институтов – они занимают нишу в экономике между государственным и частным сектором, прямыми бюджетными субсидиями и субвенциями и частными инвестициями. Институты инновационного развития выступают в качестве катализаторов частных инвестиций в приоритетных секторах и отраслях экономики и создают условия для формирования инфраструктуры, обеспечивающий доступ предприятиям, функционирующим в приоритетных сферах экономики, к необходимым финансовым и информационным ресурсам⁷.

На наш взгляд, более лаконичное и всеобъемлющее понятие институтов развития предлагает В. В. Бондаренко, который определяет их как «экономический субъект, сосредотачивающий финансовые ресурсы и направляющий их на развитие прогрессивных отраслей экономики, инновационной активности, реализацию социальных и инфраструктурных проектов. Институты развития следует рассматривать как инструменты прямого государственного воздействия по стимулированию развития конкретной отрасли или региона» (Бондаренко и др., 2018, с. 84). К. С. Тюрчев со ссылкой на зарубежные исследования пишет, что на успешность реализации инновационной политики в регионе сильное влияние оказывают профессиональные компетенции руководителей региональных правительств (Тюрчев, 2021, с. 192–193).

Перечень федеральных институтов инновационного развития с указанием федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих координацию их деятельности, утверждается Правительством Российской Федерации⁸ и состоит из 11 организаций (рис. 1), причем далеко не каждая из них имеет прямое отношение к сфере инноваций и научно-технологического развития. Кроме того, существуют организации, которые полностью соответствуют определению института инновационного развития и при этом отсутствуют в перечне, например, Российский научный фонд, Российский центр научной информации и некоторые другие, в связи с чем нельзя назвать указанный перечень исчерпывающим.

⁷ *Инвестиции в инновационный сектор экономики* [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва экон. развития Рос. Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/investicii_v_innovacionnyy_sektor_ekonomiki/ (дата обращения: 08.06.2022)..

⁸ *Об утверждении перечня федеральных институтов инновационного развития* [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 05.02.2021 № 241-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573548055> (дата обращения: 07.06.2022).

Рис. 1. Федеральные институты инновационного развития /
Fig. 1. Federal innovative development institutions

Источник: составлено авторами на основе распоряжения Правительства Российской Федерации⁹.

В соответствии с федеральным законом перечни региональных институтов инновационного развития с указанием региональных органов исполнительной власти, осуществляющих координацию их деятельности, утверждаются высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Для анализа и сопоставления региональных институтов с федеральными рассмотрим примеры формирования таких институтов как в инновационно и научно развитых регионах, так и в регионах, не являющихся лидерами в данной сфере¹⁰.

Республика Татарстан

Выбор Татарстана обусловлен тем, что это один из трех регионов-лидеров в сфере науки и инноваций в России, помимо городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга. Республика имеет развитую систему институтов инновационного развития, состоящую из шести организаций¹¹ (рис. 2). В отношении каждого института инновационного развития закреплён координирующий профильный региональный орган исполнительной власти

⁹ Там же.

¹⁰ В соответствии с рейтингом инновационного развития субъектов Российской Федерации. См: *Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации*. Вып. 7 / Под науч. ред. Л. М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С 25.

¹¹ О перечне региональных институтов инновационного развития с указанием органов исполнительной государственной власти Республики Татарстан, осуществляющих координацию их деятельности [Электронный ресурс]: Распоряжение Каб. Министров Респ. Татарстан от 27.11.2020 № 2573-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/577900386> (дата обращения: 11.06.2022).

Рис. 2. Институты инновационного развития Республики Татарстан /
Fig. 2. Innovative development institutions in the Republic of Tatarstan

Источник: составлено авторами на основе распоряжения Кабинета Министров Республики Татарстан¹².

(Министерство экономики Республики Татарстан, Министерство цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи Республики Татарстан). Ключевым стратегическим документом в сфере науки и инноваций является Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года, которая содержит разделы, посвященные науке и инновациям¹³. Финансирование институтов инновационного развития производится в соответствии с региональной государственной программой «Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Татарстан на 2014–2024 годы»¹⁴. Приоритетные направления республики в сфере науки и инноваций определены и утверждены в 2017 году¹⁵ и имеют высокий уровень соответствия приоритетам, обозначенным Стратегией научно-

¹² О перечне региональных институтов инновационного развития с указанием органов исполнительной государственной власти Республики Татарстан ...

¹³ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года [Электронный ресурс]: Закон Респ. Татарстан от 17.06.2015 № 40-ЗРТ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/428570021> (дата обращения: 11.06.2022).

¹⁴ Об утверждении Государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика Республики Татарстан на 2014–2024 годы» [Электронный ресурс]: Постановление Каб. Министров Респ. Татарстан от 31.10.2013 № 823. URL: <https://docs.cntd.ru/document/463305855> (дата обращения: 11.06.2022).

¹⁵ Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Республике Татарстан [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Каб. Министров Респ. Татарстан от 14.11.2017 № 2957-р. URL: https://pravo.tatarstan.ru/npa_kabmin/rasp/?npa_id=179332 (дата обращения: 11.06.2022).

технологического развития Российской Федерации,¹⁶ с учетом региональной специфики. В Татарстане действуют налоговые льготы на прибыль, имущество и иные налоговые отчисления для юридических лиц – резидентов особой экономической зоны технико-внедренческого типа «Иннополис», что позволяет формировать благоприятный климат для развития инновационных компаний в регионе (Рожков и Зайнуллина, 2016).

Меры поддержки, оказываемые институтами инновационного развития Республики Татарстан, сопоставимы с теми, которые оказывают федеральные институты, но меньше по объемам и направлены на организации, осуществляющие деятельность на территории региона (табл. 1).

Несмотря на положительные стороны структуры управления и законодательного обеспечения институтов инновационного развития Республики Татарстан, способствующие лидерским позициям региона в инновационных рейтингах, а также высокому уровню статистических показателей сферы науки и инноваций относительно других российских регионов, имеются и ряд недостатков.

В законе 2010 года «Об инновационной деятельности в Республике Татарстан»¹⁷ предусмотрено принятие региональной Стратегии инновационного развития. Последняя такая стратегия завершила свое действия в 2015 году, а норма закона, требующая ее разработку, отменена только в 2019 году. На наш взгляд, это свидетельствует о несвоевременной актуализации законодательных актов и их чрезмерной перегруженности. Аналогична ситуация и с разработкой государственной программы республики в области научно-технологического развития: в соответствии с поручением Президента Российской Федерации¹⁸ она должна быть утверждена к 1 июля 2022 года, но на сегодняшний день находится в стадии проекта.

В перечень институтов инновационного развития региона включены два технопарка, однако еще четырнадцать промышленных парков, расположенных на территории Республики Татарстан, в перечень не вошли¹⁹. Представленные в перечне фонды довольно серьезно дублируют функционал друг друга, несмотря на то, что их деятельность курирует один и тот же исполнительный орган государственной власти – Министерство экономики Республики Татарстан. Да и сами органы власти проводят разную политику в отношении развития инновационной деятельности в регионе, что может препятствовать созданию единой экосистемы инноваций республики и способствовать конкуренции между институтами инновационного развития.

¹⁶ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 01.12.2016 № 642. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384257> (дата обращения: 10.06.2022).

¹⁷ Об инновационной деятельности в Республике Татарстан [Электронный ресурс]: Закон Респ. Татарстан от 02.08.2010 № 63-ЗРТ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917039314> (дата обращения: 11.06.2022).

¹⁸ Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета по науке и образованию ...

¹⁹ Промышленные парки [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Агентства инвестиц. развития Респ. Татарстан. URL: <https://tida.tatarstan.ru/promishlennnie-parki.htm> (дата обращения: 11.06.2022).

Таблица 1 / Table 1

Сопоставление мер поддержки федеральных институтов развития и институтов развития Республики Татарстан / Comparison of support measures provided by federal development institutions and development institutions of the Republic of Tatarstan

Институт инновационного развития Республики Татарстан	Федеральный институт инновационного развития	Оказываемые меры поддержки
Некоммерческая организация «Инвестиционно-венчурный фонд Республики Татарстан»	Российская венчурная компания, Росинфокоминвест	Прямые венчурные инвестиции
Некоммерческая кредитная организация «Фонд поддержки предпринимательства Республики Татарстан»	Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства	Финансовая поддержка малого и среднего предпринимательства
Некоммерческая организация «Гарантийный фонд Республики Татарстан»	Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства	Гарантийные поручительства
Закрытое акционерное общество «Инновационно-производственный технопарк «Идея»»	Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Сколково)	Услуги технопарков
Государственное автономное учреждение «Технопарк в сфере высоких технологий «ИТ-парк»»	Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Сколково)	Услуги технопарков
Государственное унитарное предприятие Республики Татарстан «Татарстанский центр научно-технической информации»	Роснано ФГБУ «Российский центр научной информации» (не включен в федеральный перечень, однако является институтом инновационного развития по функционалу)	Коммерциализация научно-технических и инновационных разработок Формирование базы данных о научно-технических и инновационных разработках региона

Источник: составлено авторами на основании официальной информации институтов инновационного развития Республики Татарстан.

Красноярский край

Выбор Красноярского края обусловлен несколькими обстоятельствами: в рейтинге инновационного развития²⁰ располагается во второй группе лидирующих регионов; в последние годы демонстрирует положительную динамику развития в сфере науки и инноваций; находится на большом расстоя-

²⁰ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации ... С. 25.

нии от российской столицы. В регионе система институтов инновационного развития состоит из трех организаций (рис. 3), статус которых утвержден распоряжением Правительства Красноярского края²¹. Этим же актом закреплён координирующий орган исполнительной власти – Агентство развития малого и среднего предпринимательства Красноярского края.

Ключевым стратегическим документом является Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года²², содержащая раздел «Инновационная политика». Отдельный нормативный правовой акт в сфере науки и инноваций в регионе не принят. Финансирование институтов инновационного развития ведется в соответствии с государственной программой Красноярского края «Развитие малого и среднего предпринимательства и инновационной деятельности»²³, которая акцентирует внимание на развитии малого и среднего предпринимательства, а не на инновационной деятельности. Приоритетные направления в сфере науки и инноваций утверждены в 2009 году²⁴. Налоговые льготы в Красноярском крае для инновационных компаний установлены для резидентов территории опережающего социально-экономического развития «Железногорск».

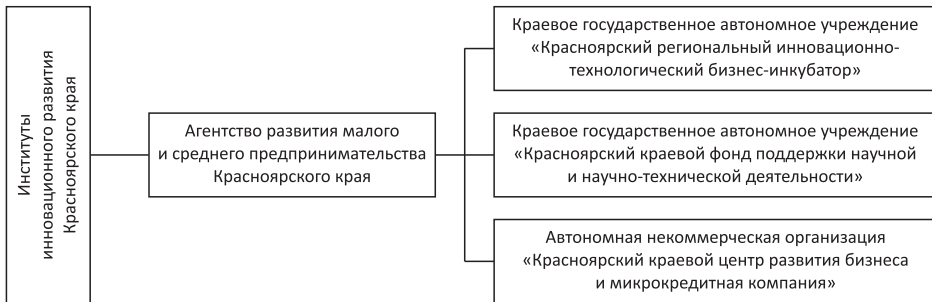

Рис. 3. Институты инновационного развития Красноярского края /

Fig. 3. Innovative development institutions of the Krasnoyarsk region

Источник: составлено авторами на основе распоряжения Правительства Красноярского края²⁵.

²¹ Об утверждении перечня институтов инновационного развития Красноярского края [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Краснояр. края от 15.07.2021 № 452-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574817184> (дата обращения: 12.06.2022).

²² Об утверждении стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Краснояр. края от 30.10.2018 № 647-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550243058> (дата обращения: 12.06.2022).

²³ Об утверждении государственной программы Красноярского края «Развитие малого и среднего предпринимательства и инновационной деятельности» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Краснояр. края от 30.09.2013 № 505-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/422436903> (дата обращения: 12.06.2022).

²⁴ Об утверждении приоритетных направлений государственной поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности в Красноярском крае [Электронный ресурс]: Постановление Законодат. Собр. Краснояр. края от 07.07.2009 № 8-3635П. URL: <https://about.sfu-kras.ru/docs/10166/pdf/32793> (дата обращения: 12.06.2022).

²⁵ Об утверждении перечня институтов инновационного развития Красноярского края ...

Меры поддержки, оказываемые институтами инновационного развития Красноярского края, как и в Республике Татарстан, сопоставимы с теми, которые оказывают федеральные институты, но, аналогично Республике Татарстан, они меньше по объемам и направлены на организации, осуществляющие деятельность в регионе (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Сопоставление мер поддержки федеральных институтов развития и институтов развития Красноярского края / Comparison of support measures provided by federal development institutions and development institutions of the Krasnoyarsk region

Институт инновационного развития Красноярского края	Федеральный институт инновационного развития	Оказываемые меры поддержки
Краевое государственное автономное учреждение «Красноярский региональный инновационно-технологический бизнес-инкубатор»	Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Сколково)	Услуги технопарков и бизнес-инкубаторов
Автономная некоммерческая организация «Красноярский краевой центр развития бизнеса и микрокредитная компания»	Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства	Финансовая поддержка малого и среднего предпринимательства Гарантийные поручительства
Краевое государственное автономное учреждение «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности»	Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Сколково) Российский научный фонд (не включен в федеральный перечень, однако является институтом инновационного развития по функционалу)	Грантовое финансирование организаций науки и высшего образования, а также инновационных субъектов малого и среднего предпринимательства

Источник: составлено авторами на основании официальной информации институтов инновационного развития Красноярского края.

Система институтов инновационного развития Красноярского края имеет некоторые отличия от системы Республики Татарстан. В крае всего три института инновационного развития (в Татарстане – 6), однако они отражают практически все направления инновационной деятельности, имеющиеся в регионе. Кроме того, функции гарантийной организации и фонда поддержки малого и среднего предпринимательства выполняет одна организация

(АНО «Красноярский краевой центр развития бизнеса и микрокредитная компания»), что выглядит более логично, чем в Республике Татарстан, где указанные функции разделены между двумя организациями (НК «Гарантийный фонд Республики Татарстан» и НКО «Фонд поддержки предпринимательства Республики Татарстан»). Координацию всех институтов инновационного развития в крае выполняет один орган исполнительной власти, что позволяет проводить последовательную, не противоречивую политику. Тем не менее в крае имеются и свои сложности в сфере научно-технической и инновационной политики.

Так, приоритетные направления научной, научно-технической и инновационной деятельности в Красноярском крае учитывают региональную специфику, но не соотносятся с федеральными приоритетами, Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации и иными федеральными стратегическими документами в сфере науки и инноваций (после актуализации в 2014 году). Кроме того, для проведения совместных с федеральными институтами развития конкурсов²⁶ используются совершенно другие приоритетные направления, нежели утвержденные законодательно.

Как и в Республике Татарстан, не все институты инновационного развития Красноярского края вошли в утвержденный перечень, например в него не включен промышленный парк «Железногорск», соответствующий определению института инновационного развития. В регионе также отсутствует специализированная государственная программа в области научно-технологического развития.

Регионы Сибирского федерального округа, не являющиеся лидерами инновационного развития

Рассмотрим системы управления региональными институтами инновационного развития в регионах, не относящихся к лидерам в сфере науки и инноваций²⁷ (табл. 3). Для исследования взяты регионы, не являющиеся лидерами в сфере науки и инноваций и расположенные на территории Сибирского федерального округа.

Все указанные в таблице 3 субъекты Российской Федерации имеют региональные институты инновационного развития, однако ни в одном из них статус таких институтов не утвержден высшим исполнительным органом государственной власти, а также не определен координирующий их региональный исполнительный орган. Во всех регионах отсутствует специализированная государственная программа в области научно-технологического развития. Приоритетные направления научной и инновационной деятельности не учитывают Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации, так как утверждались до ее принятия. Меры поддержки, оказываемые региональными институтами инновационного развития, аналогичны мерам, предоставляемым на федеральном уровне.

²⁶ Конкурсы [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Рос. науч. фонда. URL: <https://rscf.ru/contests/> (дата обращения: 31.05.2022).

²⁷ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации ... С. 25–26.

Таблица 3 / Table 3

**Сведения о региональных институтах инновационного развития в субъектах Российской Федерации, не являющихся лидерами инновационного развития /
Information about regional innovative development institutions of the subjects of the Russian Federation that are not leaders in innovative development**

№ п/п	Регион	Количество региональных институтов инновационного развития	Нормативный правовой акт, утверждающий статус координатора институтов инновационного развития региона	Специализированная государственная программа в области научно-технологического развития региона	Актуализация региональных приоритетов научной и инновационной деятельности в соответствии со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации	Предоставление мер поддержки, отсутствующих на федеральном уровне
1	Алтайский край	5 организаций	отсутствует	отсутствует	нет	нет
2	Иркутская область	5 организаций	отсутствует	отсутствует	нет	нет
3	Кемеровская область	4 организации	отсутствует	отсутствует	нет	нет
4	Республика Хакасия	2 организации	отсутствует	отсутствует	нет	нет
5	Омская область	5 организаций	отсутствует	отсутствует	нет	нет

Источник: составлено авторами на основании официальных правовых порталов представленных регионов.

Обобщая проведенный анализ, отметим, что региональные институты инновационного развития – это экономические субъекты, обеспечивающие функционирование инструментов воздействия региональных властей на стимулирование, развитие и поддержку сферы науки и инноваций на всех этапах инновационного цикла на территории региона в целях его устойчивого социально-экономического роста. Такие институты создаются по инициативе и за счет региональных бюджетов и, следовательно, должны преследовать цели по формированию высококонкурентной инновационной экономики как самих регионов, так и Российской Федерации в целом, становясь полноценной частью системы государственной научно-технической и инновационной политики.

Основной задачей институтов инновационного развития является финансирование сферы науки и инноваций и привлечение в нее инвестиций из различных источников. Одним из показателей эффективности деятельности указанных институтов можно рассматривать показатель затрат на исследования и разработки в % к ВРП. В таблице 4 приведен расчет данного показателя в рассмотренных регионах.

**Затраты на исследования и разработки, % от ВВП/ВРП /
Research and development costs, % of GDP/GRP**

№ п/п	Страна / регион ²⁸	Затраты на исследования и разработки, %
1	Российская Федерация	1,17
2	Республика Татарстан	0,94
3	Красноярский край	0,99
4	Алтайский край	0,32
5	Иркутская область	0,40
6	Кемеровская область	0,14
7	Республика Хакасия	0,04
8	Омская область	0,74
9	США	2,74
10	Китай	2,12
11	Япония	3,14
12	Германия	2,94
13	Южная Корея	4,24

Источник: составлено автором на основании данных Росстата и Высшей школы экономики.

Так, финансирование исследований и разработок даже в инновационно развитых регионах не достигает 1 % от ВРП, что ниже, чем по России в целом, и значительно ниже показателей стран – лидеров по объему внутренних затрат на исследования и разработки. Такая статистика может свидетельствовать не только о недостаточной эффективности работы региональных институтов инновационного развития, но и о большей заинтересованности в сфере науки и инноваций на федеральном уровне, нежели в субъектах Российской Федерации.

Проведенный анализ, а также выводы экспертов подтверждают, что на сегодняшний день система управления институтами инновационного развития как на региональном, так и на федеральном уровнях не оптимальна и нуждается в корректировке с применением передовых научных и управленческих подходов (Ергунова и др., 2017; Бондаренко и др., 2018; Шацкая, 2022; Жиликова и Ларин, 2010; Земцов, 2020; Земцов и др., 2019; Земцов и др., 2020). Подтверждением этому служит проводимая реформа федеральных институтов инновационного развития, которая, однако, за полтора года реализации не дала ожидаемых результатов (Бухвальд, 2021, с. 23–25). Среди ключевых проблем, имеющих в структуре государственного управления институтами инновационного развития, ученые и специалисты (Земцов и др., 2021; Сухарев, 2021; Степанов, 2021; Иванов и Бухвальд, 2018; Ван, 2021; Куценко и др.,

²⁸ Данные по России представлены на 2020 год, по странам мира, лидирующим по объему внутренних затрат на исследования и разработки, на 2016 год.

2018; Калюгина и др., 2021; Рогозина и Пунанцев, 2020; Симачев и Кузык, 2017) отмечают следующие:

- чрезмерная забюрократизированность внутренних процедур;
- ориентация на формальный (отчетный) результат, а не реальный эффект для инновационного развития;
- междоусобная конкуренция среди институтов инновационного развития;
- недостаточная заинтересованность в привлечении сторонних инвестиций;
- рассогласованность целей, задач, региональных и федеральных приоритетов;
- слабое понимание специфики работы региональных институтов инновационного развития у региональных органов государственной власти;
- правовые коллизии в региональном законодательстве, регулирующем научно-инновационную сферу.

На основе проведенного теоретического обзора научной литературы и анализа региональных практик в целях минимизации отмеченных выше проблем и стандартизации системы управления региональными институтами инновационного развития авторами была разработана процессная модель государственного управления региональными институтами инновационного развития (рис. 4).

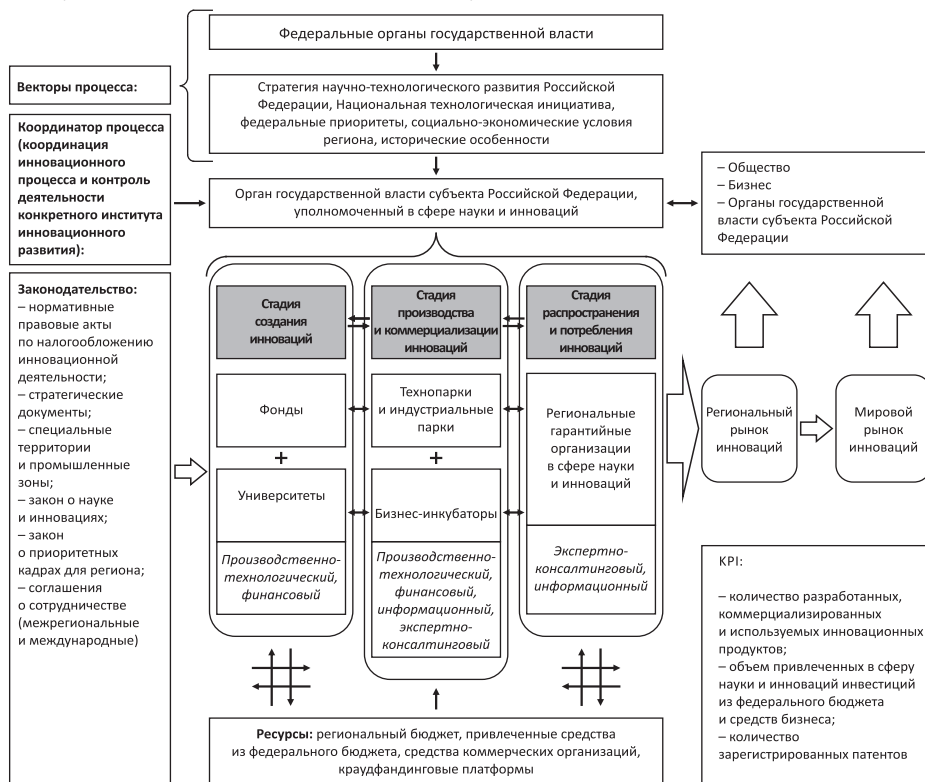

Рис. 4. Процессная модель государственного управления региональными институтами инновационного развития / Fig. 4. The process model of public administration of regional innovative development institutions

Источник: составлено авторами.

Модель представлена как управляемый процесс, имеющий вход, выход, ресурсы и ограничения.

Входом процесса является законодательство региона, направленное на инициирование и стимулирование научно-инновационного развития, в том числе за счет организации специальных налоговых режимов, декларирования приоритета научных кадров для региона, а также формирования стратегических целей и задач в области науки и инноваций в стратегии развития региона (Кузнецова и Шмакова, 2022; Mingaleva et al., 2022).

Ресурсным сопровождением процесса является его обеспечение со стороны регионального бюджета, привлечение средств федерального бюджета, включая грантовые и кредитные средства федеральных институтов инновационного развития, а также инфраструктурные и целевые кредиты, предоставляемые региональным бюджетам на определенные приоритеты и задачи. Кроме того, в качестве ресурсного обеспечения могут выступать средства частных организаций, направленные на финансирование науки и инноваций в интересах как регионального развития, так и самих компаний.

Векторами хода процесса выступают федеральные приоритеты, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, Национальная технологическая инициатива, социально-экономические условия региона, а также исторические, географические, природно-рекреационные особенности территории, на основании которых сложилась структура ВРП и направления научного знания в нем. В общем понимании можно зафиксировать последние как научный профиль региона.

Сам процесс в модели представлен как система взаимодействия институтов инновационного развития и субъектов инновационной деятельности. Система имеет связь на всех стадиях инновационного цикла и обеспечивает эффект синергии, под которым понимается взаимодействие, а не разрозненное функционирование отдельных элементов и между стадиями, и между субъектами и институтами инновационного развития:

- стадии создания инноваций;
- стадии производства и коммерциализации инноваций;
- стадии распространения и потребления инноваций.

Система имеет как прямую связь между стадиями инновационного цикла и внутри стадий, так и обратную. При этом на каждой стадии функционируют несколько институтов инновационного развития, оказывающих меры поддержки субъекту инновационной деятельности. Связь внутри стадии подразумевает взаимодействие между институтом инновационного развития и субъектом инновационной деятельности при предоставлении мер поддержки, а также при последующем мониторинге эффективности оказанных мер поддержки. Связь между стадиями инновационного цикла предполагает передачу и продвижение субъекта инновационной деятельности от одного института инновационного развития к другому с целью осуществления развития такого субъекта. Связи предусматривают возвращение субъекта инновационной деятельности на предыдущие стадии инновационного цикла в случае необходимости доработки или развития его проектов и разработок.

Координатором процесса в представленной модели является единый уполномоченный орган исполнительной власти региона в сфере науки и инноваций. Его целями и задачами как координатора процесса является осуществление отладки взаимодействия между стадиями и институтами инновационного развития. Этот же орган осуществляет контроль за деятельностью конкретного института инновационного развития как элемента модели. При этом для эффективной работы процессной модели государственного управления региональными институтами инновационного развития исполнительный орган государственной власти региона в большей мере должен осуществлять координацию процесса, чем его контроль.

Выходом процесса является мировой рынок инноваций. У сферы науки и инноваций не должно быть границ. Региональные институты инновационного развития должны быть направлены на созидание, создание, производство и распространение инновационного или научного продукта мирового уровня, однако движение к такому продукту может происходить только на основе философии кайдзен, когда изменения протекают планомерно и непрерывно направлены на удовлетворенность потребителей инновационного процесса, как внутренних, так и внешних.

В результате функционирования разработанной модели должна сформироваться связь от законодательной базы в сфере науки и инноваций, соответствующей основному критерию целеполагания любого процесса – критерию эффективности, до выхода научного и инновационного продукта на рынок региона с последующим его масштабированием на мировой рынок.

Модель учитывает схему координации региональных институтов инновационного развития с федеральными и региональными органами государственной власти, а также бизнес-сообществом. Осуществлять такое координационное взаимодействие должен орган государственной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный в сфере науки и инноваций.

Применение разработанной модели в регионе может способствовать его социально-экономическому развитию, расширению инновационной составляющей экономики, при этом модель может усилить уже имеющиеся в регионе направления в сфере науки и инноваций, а также позволит наметить траектории развития тех направлений, которые могут стать перспективными в ближайшее время как в мировом масштабе, так и с учетом специфики региона (апробации представленной модели).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ближайшее время власти российских регионов должны будут отчитаться о проделанной работе в рамках поручений Президента Российской Федерации по итогам Года науки и технологий. В нынешних реалиях необходимо, чтобы представленные результаты и планы были не формально отчетными, а эффективными и реализуемыми.

Исследование показало, что на сегодняшний день в субъектах Российской Федерации нет единого подхода к управлению как сферой науки и инноваций в целом, так и региональными институтами инновационного развития

в частности. В зависимости от региона сферу науки и инноваций курируют разные органы исполнительной власти: отвечающие за экономику, курирующие малый и средний бизнес, заведующие образованием или же цифровым развитием. Аналогичная ситуация складывается и с региональными институтами инновационного развития – в некоторых регионах их координируют сразу два органа власти. Более того, в большинстве субъектов отсутствует законодательный акт высшего органа исполнительной власти об определении институтов инновационного развития и закреплении за ними координирующего органа. Региональные приоритеты в сфере науки и инноваций не гармонизированы со Стратегией научно-технического развития Российской Федерации.

Решением зафиксированных сложностей может стать приведенная в исследовании процессная модель государственного управления региональными институтами инновационного развития. Использование этой модели позволит сформировать на региональном уровне стандартизированное законодательство в области институтов инновационного развития, определить их форматы и унифицировать меры государственной поддержки, предоставляемые ими, а также избежать правовых коллизий и конкуренции между этими институтами, привлечь дополнительные инвестиции в сферу науки и инноваций со стороны бизнес-сообщества и федеральных институтов инновационного развития.

Уровень экономического развития Российской Федерации относительно мировых экономик зависит и от состояния отечественной науки. При верном определении векторов развития сферы науки и инноваций в стране и активном следовании выбранному курсу с использованием накопленного опыта сфера науки и инноваций будет представлять действенный инструмент, способствующий развитию инновационной экономики регионов и страны в целом. Тогда России удастся реализовать условия для достижения уровня технологического развития развитых стран, а также достигнуть поставленных Президентом Российской Федерации задач по достижению технологического суверенитета страны.

Список источников

Аузан А. А., Комиссаров А. Г., Бахтигараева А. И. Социокультурные ограничения коммерциализации инноваций в России // Экономическая политика. 2019. Т. 14, № 4. С. 76–95. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-4-76-95>.

Бондаренко В. В., Чакаев Р. Р., Лескина О. Н. и др. Роль региональных институтов развития в повышении инновационного потенциала субъектов Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16, № 1. С. 83–100. <https://doi.org/10.24891/re.16.1.83>.

Бухвальд Е. М. Институты развития и национальная безопасность Российской Федерации // Развитие и безопасность. 2021. № 1. С. 16–28. https://doi.org/10.46960/2713-2633_2021_1_16.

Ван Ю. Инновационное развитие китайских регионов: опыт и рекомендации для России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12, № 2. С. 145–159. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.2.145-159>.

Гохберг Л. М., Кузнецова Т. Е. Инновации как основа экономического роста и укрепления позиций России в глобальной экономике // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2012. Т. 7, № 2. С. 101–117.

Дежина И. Г. «Выбор победителей» в современной научной политике России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 3. С. 53–74.

Джамалудинова М. Ю., Магомедова З. Ш., Магомедова М. М. Государственное управление и национальные проблемы субъектов Российской Федерации // Индустриальная экономика. 2021. № 5–1. С. 29–32. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_5_1_29.

Доржиева В. В., Ильина С. А. Институты развития как инструменты поддержки малого и среднего предпринимательства // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 4. С. 58–72. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10042>.

Духон А. Б., Зиньковский К. В., Образцова О. И. и др. Влияние программ предпринимательского образования на развитие малого бизнеса в России: опыт эмпирического анализа в региональном контексте // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 139–172. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-2-139-172>.

Ергунова О. Т., Плахин А. Е., Фоминых К. А. Институты регионального развития и их роль в модернизации экономики субъектов РФ // Вопросы инновационной экономики. 2017. Т. 7, № 4. С. 323–338. <https://doi.org/10.18334/vines.7.4.38567>.

Еферин Я. Ю., Куценко Е. С. Адаптация концепции умной специализации для развития регионов России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 3. С. 75–110.

Жулякова Е. В., Ларин С. Н. Инструментарий обоснования приоритетных направлений научных исследований // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С. 340–344.

Земцов С. П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2. С. 168–180. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-9>.

Земцов С. П., Баринаева В. А., Семенова Р. И. Государственная поддержка высоких технологий и инноваций в России // Инновации. 2019. № 3. С. 33–44.

Земцов С. П., Чепуренко А. Ю., Баринаева В. А. и др. Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года // Вопросы экономики. 2020. № 10. С. 44–67. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-10-44-67>.

Земцов С., Чепуренко А., Михайлов А. Вызовы пандемии для технологических стартапов в регионах России // Форсайт. 2021. Т. 15, № 4. С. 61–77. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.4.61.77>.

Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Региональные институты развития в системе стратегического планирования // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 1. С. 61–77. <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10004>.

Калюгина С. Н., Мухорьянова О. А., Кальная А. Ю. Укорененные институты развития региональных инновационных систем как фактор повышения инвестиционной привлекательности территории // Экономика и предпринимательство. 2021. № 11. С. 533–536. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.11.136.104>.

Кузнецова Ю. А., Шамакова М. В. Портрет малых инновационных предприятий России: регионально-отраслевой срез // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 2. С. 285–305. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-2-285-305>.

Куценко Е., Исланкина Е. А., Киндрась А. Можно ли быть умным в одиночестве? Исследование инновационных стратегий российских регионов в контексте умной специализации // *Форсайт*. 2018. Т. 12, № 1. С. 25–45. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.1.25.45>.

Лаврикова Н. И., Третьякова Л. А. Концепция формирования инновационного потенциала в условиях регионального развития экономических систем // *Экономические и гуманитарные науки*. 2021. № 4. С. 3–11. <https://doi.org/10.33979/2073-7424-2021-351-4-3-11>.

Любимов И. Л. Может ли ресурсное проклятие стать благом для российской экономики? // *Российское предпринимательство*. 2016. Т. 17, № 10. С. 1265–1274. <https://doi.org/10.18334/rp.17.10.35292>.

Машегов П. Н., Зайцев А. Г., Ампилов И. С. Развитие институтов управления инновационной деятельностью региональных социально-экономических систем // *Стратегическое управление развитием социально-экономических систем: теория, практика: сб. тр. конф.* / Под ред. И. Е. Рисина, Ю. И. Трещевского. Воронеж: Воронеж. гос. педагог. ун-т, 2020. С. 44–49.

Рогозина Л. Д., Пунанцев А. А. Ситуационный подход к анализу и оценке организационных структур управления образованием // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2020. № 2. С. 168–192.

Рожков В. Л., Зайнуллина Д. Р. Критический анализ перспектив инновационного развития строительной отрасли Республики Татарстан // *Российское предпринимательство*. 2016. Т. 17, № 21. С. 2911–2922. <https://doi.org/10.18334/rp.17.21.36934>.

Руйга И. Р., Ковзунова Е. С., Корпачева Л. Н. Оценка эффективности реализации инновационной политики в регионах Российской Федерации на основе использования метода кластеризации // *Региональная экономика: теория и практика*. 2022. Т. 20, № 2. С. 259–288. <https://doi.org/10.24891/re.20.2.259>.

Симачев Ю. В., Кузык М. Г. Влияние государственных институтов развития на инновационное поведение фирм: качественные эффекты // *Вопросы экономики*. 2017. № 2. С. 109–135. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-109-135>.

Смородинская Н. В., Катуков Д. Д., Малыгин В. Е. Шумпетерианская теория роста в контексте перехода экономических систем к инновационному развитию // *Журнал институциональных исследований*. 2019. Т. 11, № 2. С. 60–78. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.2.060-078>.

Степанов Н. С. Институты развития как фактор повышения качества институциональной среды // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021. № 4. С. 95–108. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_95_108.

Сухарев О. С. Оценка институтов регионального развития и эффективности исполнительной власти субъектов Российской Федерации // *Федерализм*. 2021. Т. 26, № 2. С. 43–64. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-2-43-64>.

Тюрчев К. С. Управление инновационными системами: от национального до локального уровня // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 4. С. 185–206. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-4-185-206>.

Фархутдинова А. У. Институты развития в условиях кризисной экономики // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9, № 3. С. 381–384. <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0903-0091>.

Фомин М. В., Смирнов О. О. Устойчивость пространственного развития регионов Сибири и Дальнего Востока России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 124–147. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-124-147>.

Харламова Е. Е., Сазонов С. П. Финансовые инновации. Волгоград: ВолгоГТУ, 2018. 62 с.

Христофоров А. А. Оптимизация институциональных механизмов развития территорий опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке // Экономика и предпринимательство. 2017. № 10–2. С. 279–282.

Цветкова О. В. Институты регионального развития в России // Россия: тенденции и перспективы развития: сб. тр. конф. / Под ред. В. И. Герасимова. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 170–174.

Шацкая Е. Ю. Анализ отечественных институтов инновационного развития в контексте мировых трендов // Экономика и предпринимательство. 2021. № 9. С. 986–989. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.134.9.189>.

Шацкая Е. Ю. Анализ отечественных институтов инновационного развития // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 1. С. 15–24. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114186>.

Шпакова А. А. Распространение смарт-контрактов с позиций теории диффузии инноваций // Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 1. С. 82–105. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-1-82-105>.

Янина Е. Д. Развитие инноваций в России. Меры государственной поддержки и институты развития // Столыпинский вестник. 2020. № 2. С. 11.

Appio F. P., Frattini F., Petruzzelli A. M. et al. Digital transformation and innovation management: A synthesis of existing research and an agenda for future studies // Journal of Product Innovation Management. 2021. Vol. 38, № 1. P. 4–20. <https://doi.org/10.1111/JPIM.12562>.

Haefner N., Wincent J., Parida V. et al. Artificial intelligence and innovation management: A review, framework, and research agenda // Technological Forecasting and Social Change. 2021. Vol. 162. Art. № 120392. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120392>.

Mingaleva Z., Shironina E., Lobova E. et al. Organizational culture management as an element of innovative and sustainable development of enterprises // Sustainability. 2022. Vol. 14, № 10. Art. № 6289. <https://doi.org/10.3390/su14106289>.

Strielkowski W., Mukhoryanova O., Kalnaya A. The impact of non-rooted social institutions on the development of national and regional innovation systems // Journal of Institutional Studies. 2022. Vol. 14, № 1. P. 70–88. <http://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.1.070-088>.

Информация об авторах

В. И. Бывшев – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономическая и финансовая безопасность» Института управления бизнес-процессами ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 660041, Россия, г. Красноярск, ул. акад. Киренского, д. 26а; начальник отдела организации и сопровождения конкурсов КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности», 660100, Россия, г. Красноярск, ул. Карла Маркса, 246

SPIN-код (РИНЦ): 6072-9874

AuthorID (РИНЦ): 913714

Web of Science ResearcherID: AAQ-2532-2020

И. А. Пантелеева – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 1; исполнительный директор КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности», 660100, Россия, г. Красноярск, ул. Карла Маркса, 246

SPIN-код (РИНЦ): 1639-7868

AuthorID (РИНЦ): 219906

Web of Science ResearcherID: AAQ-2585-2020

И. В. Писарев – ведущий специалист отдела организации и сопровождения конкурсов КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности», 660100, Россия, г. Красноярск, ул. Карла Маркса, 246

SPIN-код (РИНЦ): 9790-4224

AuthorID (РИНЦ): 1150836

Д. И. Усков – кандидат технических наук, старший научный сотрудник отдела организации и сопровождения конкурсов КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности», 660100, Россия, г. Красноярск, ул. Карла Маркса, 246

SPIN-код (РИНЦ): 2474-3986

AuthorID (РИНЦ): 1088087

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 11.08.2022; одобрена после рецензирования 02.09.2022; принята к публикации 02.09.2022.

References

- Auzan, A. A., Komissarov, A. G. and Bakhtigarayeva, A. I. (2019), "Sociocultural restrictions on the commercialization of innovations in Russia", *Economic Policy*, vol. 14, no. 4, pp. 76–95, <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2019-4-76-95>.
- Bondarenko, V. V., Chakaev, R. R., Leskina, O. N. et al. (2018), "The role of regional development institutions in enhancing the innovation potential of the constituent entities of the Russian Federation", *Regional Economics: Theory and Practice*, vol. 16, no. 1, pp. 83–100, <https://doi.org/10.24891/re.16.1.83>.
- Bukhvald, E. M. (2021), "Institutes of development and the national security of the Russian Federation", *Development and Security*, no. 1, pp. 16–28, https://doi.org/10.46960/2713-2633_2021_1_16.
- Wang Yu. (2021), "Innovative development of Chinese regions: Experience and recommendations for Russia", *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, vol. 12, no. 2, pp. 145–159, <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.2.145-159>.
- Gokhberg, L. M. and Kuznetsova, T. E. (2012), "Innovations as the basis for economic growth and strengthening Russia's position in global economy", *International Organisations Research Journal*, vol. 7, no. 2, pp. 101–117.
- Dezhina, I. G. (2021), "Picking winners in modern Russian science policy", *Public Administration Issues*, no. 3, pp. 53–74.
- Jamaludinova, M. Yu., Magomedova, Z. Sh. and Magomedova, M. M. (2021), "Public administration and national problems of the constituent entities of the Russian Federation", *Industrial Economics*, no. 5–1, pp. 29–32, https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_5_1_29.
- Dorzhieva, V. V. and Ilyina, S. A. (2020), "Development institutions as a tool for supporting small and medium-sized businesses", *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 4, pp. 58–72, <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10042>.
- Dukhon, A. B., Zinkovsky, K. V., Obraztsova, O. I. et al. (2018), "How entrepreneurship education programs affect the development of small businesses in Russia: Empirical analysis in regional contexts", *Educational Studies Moscow*, no. 2, pp. 139–172, <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-2-139-172>.
- Ergunova, O. T., Plakhin, A. E. and Fominyh, K. A. (2017), "Regional development institutes and their role in modernizing the economy of the constituent entities of the Russian Federation", *Russian Journal of Innovation Economics*, vol. 7, no. 4, pp. 323–338, <https://doi.org/10.18334/vinec.7.4.38567>.
- Eferin, Ya. Yu. and Kutsenko, E. S. (2021), "Adjusting smart specialization concept for Russian regions", *Public Administration Issues*, no. 3, pp. 75–110.
- Zhilyakova, E. V. and Larin, S. N. (2010), "Toolkit of the substantiation priority directions of scientific researches", *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 2, pp. 340–344.
- Zemtsov, S. P. (2020), "Institutions, entrepreneurship, and regional development in Russia", *Journal of the New Economic Association*, no. 2, pp. 168–180, <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-9>.
- Zemtsov, S. P., Barinova, V. A. and Semenova, R. I. (2019), "Public support of high technologies and innovation in Russia", *Innovations*, no. 3, pp. 33–44.

Zemtsov, S. P., Chepurensko, A. Yu., Barinova, V. A. et al. (2020), "New entrepreneurship policy in Russia after the 2020 crisis", *Voprosy Ekonomiki*, no. 10, pp. 44–67, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-10-44-67>.

Zemtsov, S., Chepurensko, A. and Mikhailov, A. (2021), "Pandemic challenges for the technological startups in the Russian regions", *Foresight and STI Governance*, vol. 15, no. 4, pp. 61–77, <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.4.61.77>.

Ivanov, O. B. and Bukhvald, E. M. (2018), "Regional development institutions and socio-economic strategies of the subjects of Russian Federation", *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, no. 1, pp. 61–77, <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10004>.

Kalyugina, S. N., Mukhoryanova, O. A. and Kalnaya, A. Yu. (2021), "Rooted institutions for the development of regional innovation systems as a factor in increasing the investment attractiveness of the territory", *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 11, pp. 533–536, <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.11.136.104>.

Kuznetsova, Yu. A. and Shmakova, M. V. (2022), "Profile of small innovative enterprises: Regional and industry cross-section", *Ars Administrandi*, vol. 14, no. 2, pp. 285–305, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-2-285-305>.

Kutsenko, E., Islankina, E. and Kindras, A. (2018), "Smart by oneself? An analysis of Russian regional innovation strategies within the RIS3 framework", *Foresight and STI Governance*, vol. 12, no. 1, pp. 25–45, <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.1.25.45>.

Lavrikova, N. I. and Tretyakova, L. A. (2021), "Concept formation of innovative potential in the regional development of economic systems", *Economic and Humanitarian Sciences*, no. 4, pp. 3–11, <https://doi.org/10.33979/2073-7424-2021-351-4-3-11>.

Lyubimov, I. L. (2016), "Could the resource course be good for the Russian economy?", *Russian journal of entrepreneurship*, vol. 17, no 10, pp. 1265–1274, <https://doi.org/10.18334/rp.17.10.35292>.

Mashegov, P. N., Zaitsev, A. G. and Ampilov I. S. "Development of innovation management institutions of regional socio-economic systems", in Risin, I. E. and Treshchevsky, Yu. I. (eds.), *Strategicheskoe upravlenie razvitiem sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: teoriya, praktika* [Strategic management of the development of socio-economic systems: Theory, practice], Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia, pp. 44–49.

Rogozina, L. D. and Punantsev, A. A. (2020), "Situational approach to analysis and evaluation of organizational structures of education authorities", *Public Administration Issues*, no. 2, pp. 168–192.

Rozhkov, V. L. and Zainullina, D. R. (2016), "Critical analysis of the prospects of innovational development of the construction industry in the Republic of Tatarstan", *Russian Journal of Entrepreneurship*, vol. 17, no 21, pp. 2911–2922, <https://doi.org/10.18334/rp.17.21.36934>.

Ruiga, I. R., Kovzunova, E. S. and Korpacheva, L. N. (2022), "Assessing the innovation policy implementation effectiveness through clustering: the Russian Federation regions case study", *Regional Economics: Theory and Practice*, vol. 20, no. 2, pp. 259–288, <https://doi.org/10.24891/re.20.2.259>.

Simachev, Yu. V. and Kuzyk, M. G. (2017), "The impact of state development institutions on the innovative behavior of firms: Qualitative effects", *Voprosy Ekonomiki*, no. 2, pp. 109–135, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-2-109-135>.

Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D. and Malygin, V. E. (2019), "Shumpeterian GROWTH theory in the context of the innovation-led transition of economies", *Journal of Institutional Studies*, vol. 11, no. 2, pp. 60–78, <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.2.060-078>.

Stepanov, N. S. (2021), "Development institutions as a factor of improving the quality of the institutional environment", *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, no. 4, pp. 95–108, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_95_108.

Sukharev, O. S. (2021), "Assessment of regional development institutions and executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation", *Federalism*, vol. 26, no. 2, pp. 43–64, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-2-43-64>.

Tyurchev, K. S. (2021), "Management of innovative systems: from national to local level", *Public Administration Issues*, no. 4, pp. 185–206, <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-4-185-206>.

Farkhutdinova, A. U. (2020), "Institutions of development in the conditions of the crisis economy", *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, vol. 9, no. 3, pp. 381–384, <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0903-0091>.

Fomin, M. V. and Smirnov, O. O. (2022), "Spatial development sustainability of Siberia and the Russian far east regions", *Public Administration Issues*, no. 1, pp. 124–147, <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-124-147>.

Kharlamova, E. E. and Sazonov, S. P. (2018), *Finansovye innovatsii* [Financial innovations], Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.

Khrstoforov, A. A. (2017), "Optimization of institutional development mechanisms of territories of advanced socio-economic development in the far east", *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 10–2, pp. 279–282.

Tsvetkova, O. V. (2020), "Institutes of regional development in Russia", in Gerasimov, V. I. (ed.), *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Trends and prospects of development], Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia, pp. 170–174.

Shatskaya, E. Yu. (2021), "Analysis of domestic institutions of innovative development in the context of global trends", *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no. 9, pp. 986–989, <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.134.9.189>.

Shatskaya, E. Yu. (2022), "Analysis of domestic innovative development institutions", *Russian Journal of Innovation Economics*, vol. 12, no. 1, pp. 15–24, <https://doi.org/10.18334/vinec.12.1.114186>.

Shpakova, A. A. (2022), "Smart contracts from the viewpoint of diffusion of innovation theory", *Ars Administrandi*, vol. 14, no. 1, pp. 82–105, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-1-82-105>.

Yanina, E. D. (2020), "Development of innovations in Russia. Government support measures and development institutions", *Stolypin Bulletin*, no. 2, p. 11.

Appio, F. P., Frattini, F., Petruzzelli, A. M. et al. (2021), "Digital transformation and innovation management: A synthesis of existing research and an agenda for future studies", *Journal of Product Innovation Management*, vol. 38, no. 1, pp. 4–20, <https://doi.org/10.1111/JPIIM.12562>.

Haefner, N., Wincent, J., Parida, V. et al. (2022), "Artificial intelligence and innovation management: A review, framework, and research agenda", *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 162, art. № 120392, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120392>.

Mingaleva, Z., Shironina, E., Lobova, E. et al. (2022), "Management of organizational culture as an element of innovative and sustainable development of enterprises", *Sustainability*, vol. 14, no. 10, art. no. 6289, <https://doi.org/10.3390/su14106289>.

Strielkowski, W., Mukhoryanova, O. and Kalnaya, A. (2022), "The impact of non-rooted social institutions on the development of national and regional innovation systems", *Journal of Institutional Studies*, vol. 14, no. 1, pp. 70–88, <http://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.1.070-088>.

Information about the authors

V. I. Byvshev – Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic and Financial Security, Institute of Business Process Management, Siberian Federal University, 26a Academician Kirensky str., Krasnoyarsk, 660041, Russia; Head of the Department of Organization and Support of Competitions, Krasnoyarsk Regional Fund of Science and Technology Support, 246 Karl Marx str., Krasnoyarsk, 660100, Russia

SPIN-code (RSCI): 6072-9874

AuthorID (RSCI): 913714

Web of Science ResearcherID: AAQ-2532-2020

I. A. Panteleeva – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Advertising and Social and Cultural Activities, Humanitarian Institute, Siberian Federal University, 82/1 Svobodny ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia; Executive Director, Krasnoyarsk Regional Fund of Science and Technology Support, 246 Karl Marx str., Krasnoyarsk, 660100, Russia

SPIN-code (RSCI): 1639-7868

AuthorID (RSCI): 219906

Web of Science ResearcherID: AAQ-2585-2020

I. V. Pisarev – Leading Specialist of the Department of Organization and Support of Competitions, Krasnoyarsk Regional Fund of Science and Technology Support, 246 Karl Marx str., Krasnoyarsk, 660100, Russia

SPIN-code (RSCI): 9790-4224

AuthorID (RSCI): 1150836

D. I. Uskov – Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher of the Department of Organization and Support of Competitions, Krasnoyarsk Regional Fund of Science and Technology Support, 246 Karl Marx str., Krasnoyarsk, 660100, Russia

SPIN-code (RSCI): 2474-3986

AuthorID (RSCI): 1088087

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 11.08.2022; approved after reviewing 02.09.2022; accepted for publication 02.09.2022.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 482–506.

Ars Administrandi. 2022. Vol. 14, no. 3, pp. 482–506.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-482-506>

ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ТРЕНДЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПАТТЕРНОВ

Ханлар Аляр оглы Гаджиев^{1, 2}

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
gadzhiiev_hanlar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1506-6988>

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Введение: цифровизация сегодня является неоспоримым фактором общественной жизни, внутригосударственных процессов и международных отношений. Она уже приобрела свои основные очертания и тренды развития, которые наиболее ярко проявляются в развитии цифровой экономики, ставшей прочным фундаментом для усиления последствий глобализации. **Цель:** определить ключевые тренды и проблемы глобальной цифровой экономики, а также характер их влияния на ценностно-поведенческие паттерны современных обществ. **Методы:** институциональный и неинституциональный подходы, сравнительный анализ, структурно-функциональный подход, анализ статистических данных. **Результаты:** в статье рассмотрены краеугольные тенденции развития глобальной цифровой экономики как в количественных выражениях, так и в проблематизированном ключе; проиллюстрированы контуры изменений в ценностно-поведенческих паттернах людей. **Выводы:** для большинства современных обществ новые технологии и сформированное на их основе цифровое пространство стали важнейшей частью жизни. Все более активное вовлечение индивидов в это пространство трансформировало их ценностные ориентиры и установки, изменило поведенческие модели и даже начало формировать новые потребности. Одной из наиболее масштабно преобразующихся сфер стала экономическая, в которой для всех субъектов появилось много новых возможностей по увеличению своей выгоды. Вместе с тем возникло и немало проблем, связанных, в частности, с цифровым неравенством (государств, обществ, отдельных индивидов), вопросами безопасности, проблемами социокультурного характера, чрезвычайно возросшими темпами социально-

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

экономических процессов, непредсказуемостью общественного развития. Цифровизация в целом представляет собой весьма противоречивый феномен, который разительно изменил социумы и наложил заметный отпечаток на естественные ценностно-поведенческие паттерны их членов.

Ключевые слова: глобализация, цифровизация, экономическое поведение, цифровое пространство, цифровые технологии, цифровые платформы

Для цитирования: Гаджиев Х. А. Глобальная цифровая экономика: тренды и трансформация ценностно-поведенческих паттернов // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 482–506. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-482-506>.

Original article

GLOBAL DIGITAL ECONOMY: TRENDS AND TRANSFORMATION OF VALUE-BEHAVORIAL PATTERNS

Khanlar A. Gadzhiev^{1,2}

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
gadzhiev_khanlar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1506-6988>

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. Introduction: At present digitalization is an undeniable factor of social life, inner state processes and foreign affairs; it has built its main patterns and trends, mostly vividly observed in the development of digital economy which has become a firm ground for strengthening the globalization outcomes. **Objectives:** to identify the key trends and issues of the global digital economy, as well as the way it influences on value-behavioral patterns of modern societies. **Methods:** institutional and neo-institutional approaches, comparative analysis, structural-functional approach, statistical data. **Results:** the article examines the fundamental developmental trends of the global digital economy, both in quantitative and qualitative representations, as well as from problem-based point of view; the outlines of changes in human value-behavioral patterns have been also illustrated. **Conclusions:** for most modern societies, new technologies and the digital space they form have become an important part of life. More active involvement of individuals into this space has transformed their value focus and attitudes, behavioral models and even started to form new needs. The economic sphere is the one that experiences most large-scale transformations, offering many new opportunities for actors to increase their profits. At the same time, there emerged a lot of problems related to the digital inequality (in countries, societies, and certain individuals), safety issues, social-cultural problems, speeding up social-economic processes and unpredictability of social development. Overall, the digitalization is quite a contradictory phenomenon, which has dramatically changed societies and affected the natural value-behavioral patterns of their members.

Keywords: globalization, digitalization, economic behavior, digital space, digital technologies, digital platforms

For citation: Gadzhiev, Kh. A. (2022), "Global digital economy: Trends and transformation of value-behavioral patterns", *Ars Administrandi*, vol. 14, no. 3, pp. 482–506., <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-482-506>.

ВВЕДЕНИЕ

«**Цифровизация**» – одно из наиболее сложных и многогранных понятий, для которого не так просто подобрать релевантное и репрезентативное определение. Его можно раскрыть совершенно по-разному в зависимости от науки, через призму которой осуществляется исследование, выбранного ракурса анализа, широты контекста, уровня и сферы проявления, охватываемого периода исследования и т. д. Поэтому, не претендуя на исчерпывающую интерпретацию, отметим, что этот феномен можно раскрывать в трех основных аспектах:

- как переход от аналоговых технологий к цифровым (наиболее узкий смысл);
- как активное и масштабное внедрение и использование цифровых технологий в различных сферах общественной и государственной жизни;
- как переход на качественно новый уровень использования цифровых технологий, когда они становятся одной из важнейших ценностей для социума (наиболее широкий смысл).

Приведенные дефиниции органично дополняют друг друга, и их можно рассматривать как три этапа развития цифровизации. Как будет показано ниже, по сложившемуся в мире уровню технологического прогресса, распространности цифровых технологий и Интернета, степени вовлеченности людей в онлайн-среду и их активности там, можно говорить о том, что, хотя государства и находятся на разных стадиях, в целом большая часть населения планеты достигла последней стадии, и в глобальном масштабе цифровые технологии уже представляют собой значимую ценность.

Уровень глобального распространения цифровых технологий и их использования – индикатор образовавшегося **цифрового пространства**, которое, по нашему мнению, можно определить как всю протяженность объединенных компьютерных технологий, мобильных устройств и иных средств виртуальной и дополненной реальности, в которой происходят коммуникационные взаимодействия между пользователями, циркуляция информационных потоков, процесс производства, распределения, обмена и потребления цифровых благ, а также другие типы социального взаимодействия.

Данное пространство является плацдармом существования глобальной цифровой экономики, содержит в себе все ее процессы и составляющие. Его эволюция, присущие тенденции и закономерности формируют условия для развития цифровой экономики, очерчивают ее контуры, свойства, определяют основополагающие черты и особенности. Помимо этого, в цифровом пространстве происходит формирование и трансформация ценностно-поведенческих паттернов. Поэтому исследование глобальной цифровой экономики, ее основных трендов и изменений ценностно-поведенческих паттернов необходимо рассматривать во взаимосвязи, без отрыва друг от друга.

Цифровизация создала новую, совершенно уникальную среду коммуникаций, которая по мере развития становится самобытной и автономной сферой человеческой жизни. В ней имеет место собственная система ценностей и свои модели поведения. Она являет собой кульминацию процесса глобализации, сформировавшую универсальные паттерны, на основе которых выстраивается современная жизнь людей. Конечно, нельзя преувеличивать значение этих паттернов и рассматривать

их в качестве альтернативы существующим культурно-ценностным образцам. Однако столь же неверно было бы отрицание того, что возникающие в результате цифровизации паттерны трансформируют эти образцы, создают как бы новый ценностно-поведенческий «слой», пронизывая при этом все сферы жизни социума. Не является в данном случае исключением и экономическая сфера, в которой преобразуется поведение основных субъектов экономических отношений. Происходит наращивание экономической активности, и индивиды все больше ориентируются на использование цифрового пространства, все больше потребляют блага посредством виртуальных инструментов. Именно поэтому государства, структуры бизнес-сферы и международные организации активнее обращаются к этому вопросу, обозначая его в качестве одного из приоритетных для развития.

С учетом сказанного в качестве рабочей гипотезы исследования взято предположение о том, что глобальное и перманентное развитие цифровых технологий и их масштабное внедрение в общественную жизнь привели к формированию цифрового пространства, кардинальным образом преобразующего привычные ценностно-поведенческие паттерны социумов, в том числе в экономической сфере.

Целью представленной работы является определение ключевых трендов и проблем глобальной цифровой экономики, а также характера их влияния на ценностно-поведенческие паттерны современных обществ.

Для достижения цели исследования обозначены следующие задачи:

- проанализировать сущность и основные черты развития глобальной цифровой экономики;
- выявить положительные и негативные последствия и проблемы всеобъемлющей цифровизации основных сфер общественной жизни, государственного развития и международных отношений, акцентируя внимание на экономической плоскости;
- рассмотреть базовые свойства трансформации ценностно-поведенческих паттернов современных обществ под влиянием процессов, происходящих в цифровой экономике на глобальном уровне.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Модернизация современных экономик посредством внедрения новых технологий стала одним из ключевых направлений цифровизации. На сегодняшний день так называемая **цифровая экономика** является важнейшим условием инновационного развития на национальном уровне, в международных отношениях и в целом в мировом масштабе. Она представляет собой плоскость цифрового пространства, в которой хозяйственная деятельность и общественные отношения по производству, распределению, обмену и потреблению выстраиваются в специфичной информационно-коммуникационной и технологической экосистеме. При этом ее ядром выступают три составляющие: 1) цифровые технологии, образующие целостную инфраструктуру; 2) непрерывно циркулирующие потоки информации и коммуникации; 3) общественные отношения, выстраиваемые на основе определенных ценностно-поведенческих паттернов.

Сегодня цифровые товары и услуги, цифровая валюта, электронная коммерция и электронный бизнес в большинстве случаев предусматриваются стратегическими документами и соглашениями любых уровней в качестве актуальнейших областей. И такие приоритеты сложились неспроста. Как верно подчеркивается во многих исследованиях, цифровые технологии увеличили эффекты глобализации (Latham and Sassen, 2009; Manyika et al., 2016; Skare and Soriano, 2021), связанные с ослаблением барьеров для межгосударственного экономического взаимодействия (Baylis et al., 2020), увеличением доли международной торговли в национальных экономиках (Jurayevich and Bulturbayevich, 2020; Ahmedov, 2020), повышением степени экономической взаимозависимости государств и ростом количества предпосылок для международной интеграции в данной плоскости (Kobrin, 2015; Anukoonwattaka et al., 2022), повышением в международной торговле роли крупных частных компаний (Azmeah et al., 2020; Malkawi, 2019; Herve et al., 2020) и т.п. Иными словами, ввиду открывшихся значительных экономических перспектив вектору цифрового развития в современном мире уже не может не отводиться центральных позиций.

Вместе с тем цифровизацию, как, впрочем, и глобализацию, сложно рассматривать в качестве однозначно прогрессивного и положительного явления. Ее проявления и последствия имеют двойственный характер. Помимо преимуществ и новых возможностей, они несут в себе серьезные риски и вызовы, которые касаются способности государственных институтов сохранять безопасное и независимое от внешних интересов и влияния управление в условиях цифрового неравенства на международном (проблема разных технологических возможностей стран) и внутригосударственном уровнях, поддерживать социально-политическую стабильность, в полной мере реализовывать национальные интересы при взаимодействии с лидерами глобальной экономики, устанавливать эффективные и справедливые наднациональные нормативы, институты и механизмы межгосударственного взаимодействия и сотрудничества в цифровой плоскости и т. д.

Цифровизация еще более остро, по сравнению с глобализацией, поставила вопрос о необходимости и осуществимости сохранения за государствами роли основных акторов в международных отношениях, включая сотрудничество в сфере экономики. И здесь картина также выглядит амбивалентной. С одной стороны, как кажется, для максимальной реализации потенциала цифровой экономики требуется двухуровневая полицентричность, предполагающая наличие множества лидеров инициации и воплощение в жизнь основных процессов на международном (разные государства, наднациональные структуры, транснациональные корпорации и др.) и национальном (государственные учреждения, бизнес-структуры и др.) уровнях. А с другой стороны, с учетом специфики цифрового пространства и существующих угроз безопасности: возможных взломов, утечек данных, внешнего деструктивного управления и вмешательства, очевидно, что центральная роль должна принадлежать государствам и их институтам.

Более гибкий вариант видится в достижении приемлемого, надежного уровня информационно-технологической безопасности, при котором в цифровом пространстве можно было бы максимально либерализовать про-

цессы и взаимодействия между различными типами субъектов всех уровней. До тех же пор, пока такого подхода достичь не удалось (и не известно, удастся ли вообще), главными инициаторами развития цифровой экономики, заказчиками и потребителями ее продуктов являются и, вероятно, в ближайшей и среднесрочной перспективе будут являться именно государства. Они заинтересованы в создании качественного рынка цифровых продуктов для удовлетворения потребностей населения и повышения своей конкурентоспособности на международном рынке, в усилении своих регуляторных и надзорных институтов в цифровом пространстве, в развитии собственной цифровой инфраструктуры и создании системы эффективных цифровых инструментов и механизмов государственного управления, в формировании надежной системы информационно-технологической (в том числе экономической) безопасности.

Эффективность достижения подобных целей зависит от многих факторов, на которых фокусируется внимание в указанных выше и других исследованиях, но особое место, думается, занимает та детерминанта, что связана со сферой культуры, которая, на наш взгляд, неоправданно упускается из виду авторами. Между тем ее значение сложно переоценить. Так, цифровизация, масштабно и интенсивно проникающая в общественную жизнь, сформировала новый, уникальный пласт ценностей и отношений, в то же время все меры по развитию национальной и глобальной цифровой экономики так или иначе сопрягаются с культурно-ценностными ориентирами современных обществ. Это выдвигает на первый план вопрос: ***цифровизация и цифровая экономика формируют новые ценности и модели поведения или, наоборот, последние являются основой и «отражением» развития цифровой экономики и новых технологий?*** Такая постановка проблемы восходит к давней научной полемике о происхождении так называемой цифровой культуры между сторонниками технологического (Shah, 2015, p. 2; Greeber and Martin, 2009, p. 5) и культурного (Галкин, 2004, с. 40; Deuze, 2006) детерминизма. Первые утверждают, что технологии следует рассматривать в качестве главного фактора культурной и социальной динамики современности, а вторые – что технологическое развитие есть реализация уже заложенных в человеке культурных установок (Gere, 2002, p. 15–18).

Не погружаясь в суть спора, поскольку он выходит за рамки нашего исследования, отметим продуктивность поиска компромиссной интерпретации. Ведь очевидно, что технологии – человеческое творение, генезис которого связан с социальными потребностями. А то, как они удовлетворяются, тоже своего рода совокупность моделей поведения, которые основываются на ценностных паттернах. Соответственно, их действительно можно относить к проявлениям культуры. И в этом смысле технологии обусловлены культурой человека. С другой стороны, нельзя отрицать и того, что технологии влияют на культуру человека и трансформируют ее по мере своего развития. Процесс их использования преобразует сами социальные потребности и местами даже создает новые, формируя уникальные образцы поведения и ценностные ориентиры. Он способен отражать в сознании человека эффекты, изначально не заложенные в предназначении технологий. Кроме того, цифровизация требует от людей постоянного обучения, совершенствования своих навыков,

умения быстрее воспринимать и обрабатывать информацию. И в этом видна обратная закономерность – влияние технологий на культуру.

Продолжая выстроенную цепь рассуждений, можно ответить и на обозначенный выше вопрос о причинности и связи ценностно-поведенческих паттернов и цифровой экономики. Прежде чем перейти к его предметному рассмотрению, уточним, что мы опираемся на постулат о взаимосвязанности социальных институтов, ценностных и поведенческих паттернов (Вольчик, 2016, с. 30). Поэтому исходим из того, что основными структурными компонентами культуры являются ценности – воспроизводящиеся новыми поколениями паттерны, с которыми человек соизмеряет и по которым оценивает все происходящее вокруг него и собственное поведение (Шабров, 2021, с. 79). При этом сами ценностные паттерны, можно сказать, «сотканы» из определенных знаний, убеждений и установок, которые являются основой уже для поведенческих паттернов. Когда же в социуме появляются новые пласты этих трех составляющих и часть из них постепенно формирует ценностные паттерны, тогда последние могут способствовать возникновению моделей поведения, со временем способных перерасти в поведенческие паттерны. Наконец, институты формируются, как правило, с учетом сложившихся ценностных и поведенческих паттернов общества. Хотя имеет место и обратное влияние: институты со временем могут способствовать преобразованию ценностно-поведенческих паттернов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тренды и актуальные проблемы глобальной цифровой экономики

По данным Всемирного банка, цифровая экономика на текущий день составляет 15,5 % мирового ВВП и растет в два с половиной раза быстрее, чем в целом мировой ВВП за последние 15 лет¹. В 2020 году объем мирового экспорта услуг, относящихся к информационно-коммуникационным технологиям, составил 15,2 % от общего объема экспорта услуг (в 2015-м показатель был равен 9,8 %)², а экспорт таких товаров – 14,3 % от общего объема экспорта товаров (в 2015-м показатель был на отметке 11,9 %)³; объем мирового импорта товаров, относящихся к ИКТ, составил 15,1 % от общего объема импорта товаров (в 2015 году данный показатель составлял 13 %)⁴; объем

¹ *Digital development* [Электронный ресурс] // Official website of the World Bank. 2022. Apr., 20. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/digitaldevelopment/overview> (дата обращения: 01.08.2022).

² *ICT service exports (% of service exports, BoP)* [Электронный ресурс] // Official website of the World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.CCIS.ZS> (дата обращения: 01.08.2022).

³ *ICT goods exports (% of total goods exports)* [Электронный ресурс] // Official website of the World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.ICTG.ZS.UN> (дата обращения: 01.08.2022).

⁴ *ICT goods imports (% total goods imports)* [Электронный ресурс] // Official website of the World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TM.VAL.ICTG.ZS.UN> (дата обращения: 01.08.2022).

мирового экспорта компьютерных и информационно-коммуникационных услуг⁵ составил 56 % от объема экспорта коммерческих услуг (в 2015-м – 46 %)⁶, а объем импорта таких услуг составил 53 % от объема импорта коммерческих услуг (в 2015-м – 42 %)⁷.

Рост цифровой экономики на глобальном уровне прослеживается также в динамике экспорта и импорта телекоммуникационного оборудования, компьютерной техники и информационных услуг мировыми лидерами отрасли. Так, за период с 2014 по 2020 год совокупный объем экспорта Европейского союза, Индии, США, Китая, Швейцарии, Канады и Сингапура вырос на более чем 35 %, а импорта – на 28 %. При этом на представленных графиках (рис. 1 и 2) видно, что у большинства из приведенных стран прирост происходил постепенно, без скачкообразных колебаний, что, с некоторыми оговорками, свидетельствует об устойчивом темпе развития. При этом его относительно умеренный характер, вероятно, связан с уже сложившимся к сегодняшнему дню высоким уровнем цифровизации.

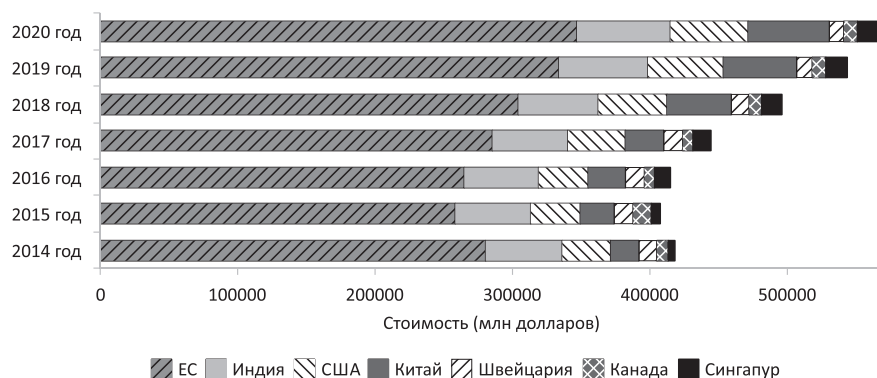

Рис. 1. Динамика экспорта телекоммуникационного оборудования, компьютерной техники и информационных услуг с 2014 по 2020 год ведущими мировыми экспортерами отрасли / Fig. 1. Telecommunication equipment, computer equipment and information services export by world leading exporters, 2014–2020

Источник: составлено автором на основе данных *World trade statistical review*⁸.

⁵ Включают такие виды деятельности, как международные телекоммуникации, почтовые и курьерские услуги, компьютерные данные, операции информационного обслуживания между резидентами/нерезидентами, деловые профессиональные и технические услуги, культурно-развлекательные услуги и др.

⁶ *Computer, communications and other services (% of commercial service exports)* [Электронный ресурс] // Official website of the World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.OTHR.ZS.WT> (дата обращения: 01.08.2022).

⁷ *Computer, communications and other services (% of commercial service imports)* [Электронный ресурс] // Official website of the World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TM.VAL.OTHR.ZS.WT> (дата обращения: 01.08.2022).

⁸ *World trade statistical review 2016* [Электронный ресурс] // Official website of the World Trade Organization. 2016. July. P. 123. URL: <https://www.wto-ilibrary.org/content/books/9789287043696/read> (дата обращения: 30.07.2022); *World trade statistical review 2017* [Электронный ресурс] // Official website of the World Trade Organization. 2017. July. P. 136. URL: <https://www.wto-ilibrary.org/>

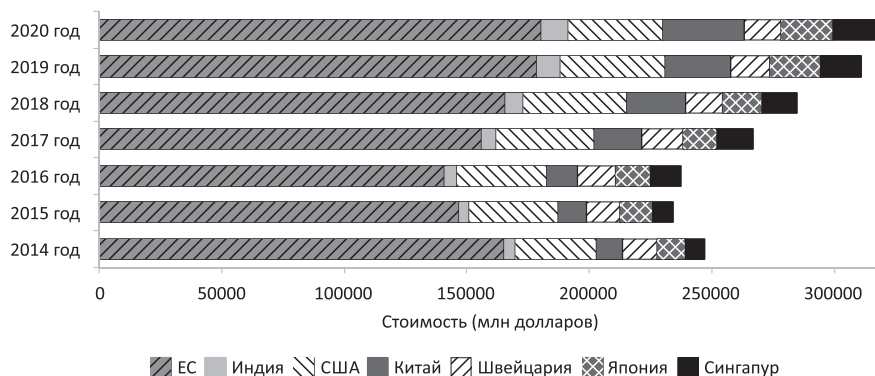

Рис. 2. Динамика импорта телекоммуникационного оборудования, компьютерной техники и информационных услуг с 2014 по 2020 год ведущими мировыми экспортерами отрасли / Fig. 2. Telecommunication equipment, computer equipment and information services import by world leading exporters, 2014–2020

Источник: составлено автором на основе данных World trade statistical review⁹.

Важным трендом глобальной цифровой экономики является то, что в обрабатывающей промышленности на смену привычным цепочкам поставок пришли автоматизация, локализация и индивидуализация, а в качестве главной цели конкуренции вместо экономической эффективности все чаще ставится способность к инновациям (Шваб, 2019, с. 81–82). Данные, уже имеющие высочайшую ценность в современной экономике, и прежде всего в ее цифровом сегменте, вскоре будут даже более значимыми, чем многие «традиционные» товары и услуги. Кроме того, прослеживается усиление влияния промышленного Интернета вещей, представляющего собой сеть физических объектов, цифровых платформ, систем и приложений со встроенными технологиями обмена данных. Согласно оценкам и прогнозам специалистов, уже к 2030 году это направление сможет приращивать мировой ВВП на 14,2 трлн долл., а количество подключенных к Интернету предметов составит более 75,4 млрд штук¹⁰.

В цифровом пространстве сформировались различные виды активности пользователей, по своим свойствам и параметрам похожие на формы производства

content/books/9789287041524/read (дата обращения: 30.07.2022); World trade statistical review 2018 [Электронный ресурс] // Official website of the World Trade Organization. 2018. July. P. 166. URL: <https://www.wto-ilibrary.org/content/books/9789287046246/read> (дата обращения: 30.07.2022); World trade statistical review 2019 [Электронный ресурс] // Official website of the World Trade Organization. 2019. July. P. 134. URL: <https://www.wto-ilibrary.org/content/books/9789287047816/read> (дата обращения: 30.07.2022); World trade statistical review 2020 [Электронный ресурс] // Official website of the World Trade Organization. 2020. July. P. 116. URL: <https://www.wto-ilibrary.org/content/books/9789287050335/read> (дата обращения: 30.07.2022); World trade statistical review 2021 [Электронный ресурс] // Official website of the World Trade Organization. 2021. July. P. 96. URL: <https://www.wto-ilibrary.org/content/books/9789287051493/read> (дата обращения: 30.07.2022).

⁹ Там же.

¹⁰ Индустрия 4.0 [Электронный ресурс] // Официальный сайт лаборатории Касперского. URL: <http://kaspersky.vedomosti.ru/industrii/industry4> (дата обращения: 28.07.2022).

(веб-дизайн, мультимедийное производство, цифровые товары и услуги) и труда (интернет-занятость, ведение страниц в социальных сетях и каналов на видеохостингах с целью их последующей монетизации, рекламатехилииных товаров и услуг через цифровые платформы, посреднические услуги на цифровых платформах).

Предпосылкой возникновения цифровых товаров и услуг зачастую становится появление у пользователей цифрового пространства соответствующих интересов, которые в результате аккумуляции и агрегирования перерастают в ценности и социальные потребности. Условно это можно проиллюстрировать на примере создания и раскрутки интернет-продукта:

1. *Появление бесплатного (для пользователей) продукта.*
2. *Активное использование продукта (набирает популярность, становится ценностью и потребностью многих пользователей).*
3. *Ограничение производителем возможности свободного (бесплатного) получения и использования продукта, начало его продажи.*
4. *Появление альтернативных производителей продукта и конкурирующих предложений на разных цифровых платформах.*
5. *Возникновение посредников (продавцов) между производителями и конечными потребителями (пользователями).*
6. *Возникновение агрегаторов (сайтов), дающих возможность выбирать из разных предложений продукта всех или большинства производителей.*
7. *Возникновение конкуренции между агрегаторами, которые за счет рекламы и продвижения имеют разную степень популярности.*
8. *Ставшие популярными агрегаторы начинают платно размещать предложения производителей.*

Представленная цепочка может быть длиннее (например, если продукт позволяет самим пользователям осуществлять его куплю-продажу или даже выстраивать отношения по временному возмездному пользованию им) или короче (если производитель и продавец выступают в одном лице или если производителей продукта немного и, соответственно, нет необходимости в агрегаторах). Иными словами, здесь все зависит от особенностей продукта. При этом в качестве производителей, которые потом между собой конкурируют, могут выступать не только субъекты частного сектора (как национального масштаба, так и транснационального), но и государственные компании разных стран, конкурирующие между собой на международном уровне. В последнем случае при определенных масштабах и условиях, что они вносят существенный вклад в экономику данной страны, можно говорить о межгосударственной конкуренции.

Наконец, отдельно подчеркнем пронизывающие всю эту цепочку компоненты – механизмы оценки качества рынка: рейтинги, форумы, сайты экспертного мнения и т. д. Они являются специфичной чертой цифровой экономики, во многом определяющей успешность раскрутки продуктов и их дальнейшего совершенствования.

Цифровая экономика, если даже не брать во внимание детали и оценивать ее с точки зрения базовых принципов экономики и структуры экономических отношений, имеет целый ряд уникальных черт. Во-первых, ее кардинально отличают ритмы: сверхбыстрое производство; новые продукты и актуальные тенденции сменяют друг друга с беспрецедентной скоростью; производителям

цифровых продуктов нужно постоянно и часто улучшать свою техническую оснащенность (оборудование), повышать квалификацию кадров и, возможно, даже обновлять персонал (Terranova, 2000, p. 47). Во-вторых, пользователям требуется постоянное обновление своих знаний, умений и навыков для того, чтобы в принципе иметь возможность потреблять цифровые продукты. В-третьих, быстрое устаревание и снижение актуальности тех или иных цифровых продуктов, потребностей в них, знаний о них, умений и навыков по их потреблению – естественный процесс, имманентно присущий цифровизации и происходящий вне зависимости от каких-либо внешних факторов. Наконец, цифровые продукты преимущественно нематериальны (те, что являются частью виртуальной реальности) и избыточны по отношению к пределам «реальных» социальных потребностей. Более того, производители цифровых товаров могут искусственно создавать потребности в новых, только что созданных продуктах, если они очень привлекательны для людей, улучшают и делают комфортнее их жизнь, разнообразят досуг.

Цифровая экономика преобразовала также некоторые важные черты «традиционной» торговли товарами и услугами. Так, возможность осуществления заказов через Интернет, минуя практически любые расстояния благодаря развитой системе логистики и доставок, дополненная новыми ценностными и поведенческими паттернами, перенесла огромный массив сегментов торговли в виртуальное пространство. На сегодняшний день сформировалась целая индустрия доставок через Интернет. Сложился ряд предпосылок и тенденций, в результате которых цифровая экономика стала по-настоящему глобализированным явлением: продажа товаров и услуг часто и представлена в обычном формате, и продублирована в цифровом пространстве: интернет-магазины (Stofkova et al., 2022), онлайн-образование (Veretekhina and Novikova, 2019; Maymina et al., 2018), телемедицина (Rodrigues et al., 2012) и т.д. Возник новый тип продуктов, который сложно однозначно отнести к товарам либо услугам: электронные книги (Ahmad and Ribarsky, 2018), компьютерные игры (Borremans et al., 2018; Очеретяный, 2019), онлайн-приложения, программное обеспечение для компьютеров и мобильных устройств (Бухт и Хикс, 2018). Появились услуги, относящиеся исключительно к цифровому пространству: анализ «больших данных» (Al-Sartawi, 2021; Novikov, 2020), обеспечение кибербезопасности (Spremić and Šimunic, 2018), развлекательные и коммуникационные услуги в Интернете и социальных сетях (Weber and Burri, 2012).

Указанные тренды фактически размывают территориальные границы для экономических процессов. Товары и услуги, которые являются цифровыми, а не материальными, могут приобретаться потребителями из любой точки планеты и не требуют расходов на транспортировку (для производителей / продавцов) или доставку (для потребителей), что позволяет снизить их стоимость. Правда, тут имеют место другие расходы, связанные со спецификой цифровой торговли: например, производители / продавцы могут быть вынуждены платить за популярные цифровые площадки («витрины»), на которых размещают свои продукты, а также за рекламу, которая вообще приобрела сверхзначимость в условиях высокой конкуренции в глобальной сети.

Цифровая торговля существенно разнообразила ассортимент продуктов и оперативность поиска наиболее выгодных вариантов для покупок: на сай-

тах, как правило, можно легко ранжировать одни и те же товары и услуги по стоимости, популярности, рейтингу и т. д. У покупателей появилась возможность выбора из огромного числа предложений из разных стран мира, к примеру, с помощью таких компаний, как Amazon, Walmart, Alibaba.

Очень перспективными в подобном контексте видятся технологии 3D-печати, благодаря которым в корне меняется принцип продажи даже материальных товаров: вместо производства в одной локации (континент, страна, регион) и дальнейшей транспортировки в другую появилась возможность отправлять только информацию об их цифровой структуре (файлы) через Интернет, а затем с помощью специальных принтеров материализовывать уже непосредственно на месте доставки (Zhou, 2013; Dumitrescu and Tanase, 2016; Lund and Manyika, 2016). Причем это может осуществляться не только компаниями, занимающимися продажей, но также и конечными потребителями, имеющими собственные 3D-принтеры.

Особую роль в развитии цифровой экономики играет бизнес, который зачастую является ключевым субъектом инициации важнейших инноваций и технологических решений в цифровой экономике. Его устойчивость и развитие по многим направлениям зависят от способности проводить собственную цифровую трансформацию и обновление бизнес-процессов, от умения создавать инновационные управленческие модели, а также от способности использовать в своей деятельности самую современную робототехнику, анализ больших данных (Big Data), Интернет вещей (IoT), технологии виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности, искусственного интеллекта (ИИ), блокчейна (blockchain) и др. (Удалов, 2020, с. 34).

Важной чертой глобальной цифровой экономики является то, что значительное количество крупнейших цифровых платформ мирового уровня (а они являются не только «мотором» цифровизации, но и «сердцевиной» глобальной цифровой экономики), если смотреть по регионам, сосредоточено в Америке (Apple, Microsoft, Amazon, Alphabet) и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Tencent, Alibaba, Samsung, PingAn): на долю каждого из двух регионов приходится более 40 компаний из топ-100 цифровых платформ планеты. В этом плане европейский (десять крупных компаний: SAP, Adyen, Spotify, Delivery Hero и др.) и африканский регионы (две компании: Naspers, Prosus) значительно отстают. Причем картина выглядит еще более монополистической при оценке стоимостной доли данных платформ в общей стоимости топ-100 компаний мира: на компании американского региона приходится 78,5 %, азиатско-тихоокеанского – 17,3 %, европейского – 2,8 %, африканского – 1,4 %¹¹.

Сложность цифровой экономики, особенности ее сущности отражены в целях и ориентирах ее развития, которые ставятся на глобальном уровне и формулируются следующим образом (Иванова, 2016, с. 13–14):

- формирование соответствующих институциональных условий и системы поддержки данной области;
- использование архитектуры цифрового пространства в качестве ресурса устойчивого социально-экономического развития государств;

¹¹ Schmidt H. Plattform-Ökonomie [Электронный ресурс] // Dr. Holger Schmidt. 2021. URL: <https://www.netzoeconom.de/plattform-oekonomie/> (дата обращения: 02.08.2022).

- создание децентрализованной модели глобальной цифровой экономики;
- обеспечение свободного трансграничного перемещения данных;
- обеспечение нейтральности цифрового пространства для формирования международных экономических отношений;
- создание единой системы требований к контенту цифрового пространства и условиям хранения информации;
- разработка системы стимулирования спроса, позволяющей ускорить инновационные процессы;
- повышение уровня доверия к явлениям и процессам цифрового пространства, в том числе к механизмам цифровой экономики;
- решение проблем, связанных с обеспечением достаточного количества рабочих мест в условиях цифровизации, а также недопущение усугубления цифрового неравенства, включая ту его часть, которая касается цифровой грамотности и переподготовки кадров;
- совершенствование инфраструктуры электронной коммерции и увеличение ее масштабов;
- обеспечение защиты конкуренции в условиях цифровой экономики;
- поддержка малого и среднего бизнеса в процессе внедрения ими в свою деятельность цифровых технологий;
- обеспечение кибербезопасности и минимизация рисков расширения использования цифрового пространства для экономических процессов.

Приведенный список может быть продолжен, однако даже по обозначенным пунктам заметна их труднореализуемость отдельно взятыми государствами. Специфика цифрового пространства и высокая взаимозависимость современного мира требуют глобальной кооперации и взаимодействия стран, бизнес-структур (в том числе транснациональных) и международных организаций. Кроме того, подобного масштаба цели и ориентиры, их реализация на практике возможны только при соответствующей системе культурно-ценностных установок и ориентиров, а также поведенческих моделей в обществах.

Ценностные и поведенческие паттерны в условиях глобальной цифровой экономики

Цифровое пространство, его содержание и функциональные черты отражают сегодняшние потребности людей. В то же время оно развивается настолько высокими темпами, интенсивно и непредсказуемо, что превратилось в автономную сферу общественной жизни, которая трансформирует поведение человека, его ценности и установки.

О социальной значимости цифровизации довольно красноречиво свидетельствуют, в частности, показатели цифровой активности. Так, к апрелю 2022 года число интернет-пользователей в мире составило 5 млрд человек (63 % населения планеты), пользователей мобильных устройств – 5,32 млрд (67 % населения), активных пользователей социальных медиа (соцсети, мессенджеры, видеохостинги и др.) – 4,65 млрд (58,7 % населения)¹². Тренд еще

¹² Kemp S. Digital 2022: April global statshot report [Электронный ресурс] // DataReportal. 2022. Apr., 21. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-april-global-statshot> (дата обращения: 02.08.2022).

более отчетливо прослеживается, если посмотреть динамику глобальной цифровой активности с 2013 по 2021 год (рис. 3 и 4): за этот период число интернет-пользователей в мире выросло на 96 %, пользователей социальных медиа – на 144 %; время, в среднем ежедневно затрачиваемое на Интернет, увеличилось на 13 %, на социальные медиа – на 52 %.

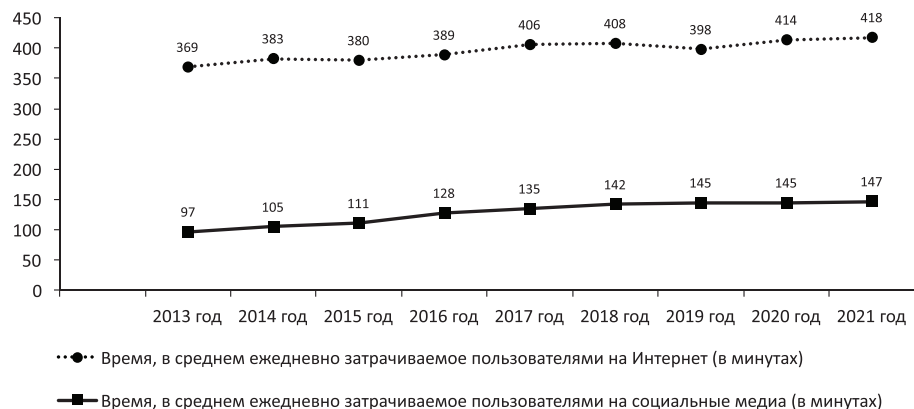

Рис. 3. Глобальная цифровая активность за 2013–2021 годы: число пользователей цифрового пространства, млн чел. / Fig. 3. 2013–2021 global digital activity: The number of digital space users, million people

Источник: составлено автором на основе данных Digital 2022: Global overview report¹³.

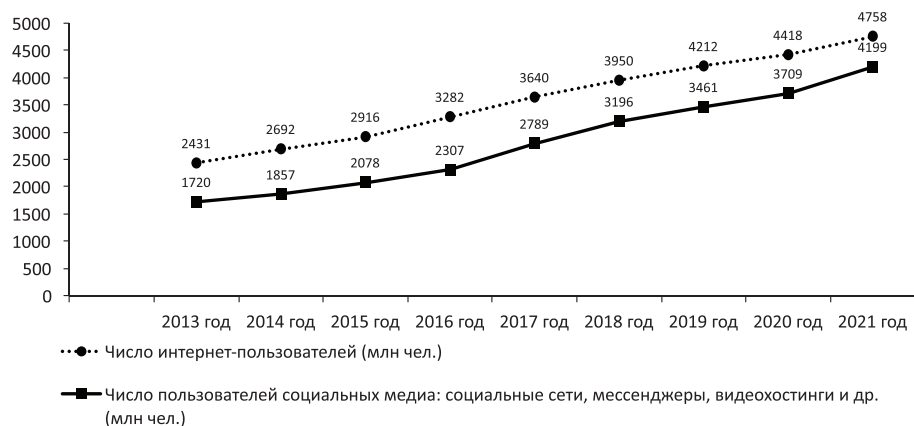

Рис. 4. Глобальная цифровая активность за 2013–2021 годы: время, затрачиваемое на цифровое пространство, минут / Fig. 4. 2013–2021 global digital activity: Time spent on digital space, minutes

Источник: составлено автором на основе данных Digital 2022: Global overview report¹⁴.

¹³ Kemp S. Digital 2022: Global overview report [Электронный ресурс] // DataReportal. 2022. Jan., 26. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report> (дата обращения: 02.08.2022).

¹⁴ Там же.

Тренды роста видны также в плоскости экономической активности индивидов. Так, например, по состоянию на 2021 год число покупателей в цифровом пространстве составило 2,14 млрд человек (27,6 % населения планеты), что на 4,4 % больше аналогичного показателя 2020 года¹⁵.

Растущий «социальный запрос» на удовлетворение экономических потребностей через цифровое пространство влияет на стратегию поведения производителей / продавцов. К 2017 году более половины предприятий в странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) были представлены в социальных сетях, по сравнению с одной третью в 2013 году. Однако в некоторых из стран данный показатель был на отметке от 80 % (Норвегия, Исландия, Дания, Нидерланды и др.), тогда как в других не доходил и до 30 % (Польша, Япония, Венгрия, Латвия и др.). Не менее примечательно, что к 2019 году в среднем 93 % предприятий в странах ОЭСР имели широкополосное подключение, тогда как в 2010-м данный показатель составлял 85 %¹⁶.

Сегодня происходит интенсивная виртуализация жизни человека, «сращивание» психического с цифровым пространством, что меняет требования к индивиду и, прежде всего, к его навыкам. Перемещение личностного начала в цифровое пространство приводит к тому, что активность человека, его убеждения, предпочтения и представления становятся частью его виртуального образа (Москвитина, 2020, с. 47–48). Однако возникает проблема цифрового неравенства, поскольку не всем людям доступны новейшие и постоянно обновляющиеся технологии, устройства, Интернет и навыки их использования. Часть общества лишается цифровых благ, не вовлекаясь в новый формат ценностных и поведенческих паттернов, сознания и мировоззрения.

Развитие и активное внедрение цифровых технологий обусловили появление новых социально-экономических поведенческих моделей, способствовали становлению нетипичных стратегий развития объектов экономической деятельности, создавая условия для развития глобальной экономики, нацеленной на мобилизацию цифровых решений на благо потребителей, государства и бизнеса (Попов и др., 2019, с. 10–20).

Формирующееся экономическое поведение характеризуется отсутствием пространственно-временной определенности и привязки в цифровом пространстве, децентрализацией трудовой деятельности, становлением виртуального рынка труда и потребления, сложностью выстраивания стратегического (долгосрочного) планирования профессионального развития из-за высоких темпов изменений в цифровом пространстве (могут устаревать специальности и утрачивать свою актуальность трудовые навыки), необходимостью адаптации к стремительному развитию технологий и освоения их (Пичугин, 2020, с. 364). Важная составляющая формирования новых ценностных и пове-

¹⁵ *How many people shop online in 2022?* [Электронный ресурс] // Oberlo. URL: <https://www.oberlo.com/statistics/how-many-people-shop-online> (дата обращения: 31.07.2022).

¹⁶ *OECD digital economy outlook 2020*. Paris: OECD Publishing, 2020. P. 94, 107. [Электронный ресурс] // Official website of the Organisation for Economic Co-operation and Development. 2020. Nov., 27. URL: <https://www.oecd.org/digital/oecd-digital-economy-outlook-2020-bb167041-en.htm> (дата обращения: 31.07.2022).

денческих паттернов – «потребление» культурных благ, которое включает в себя разделяемые установки, ценности, предпочтения и убеждения. Благодаря проявившимся за последние годы тенденциям глобализации в социумах сформировались коммуникации, создающие однородную потребительскую культуру (Сорвина и Попова, 2020, с. 45, 47).

Как итог, существующие системы принятия решений и модели создания материальных благ нередко уже не отвечают потребностям нынешнего и будущего поколений, требуют масштабных корректировок и инноваций. Идентичность в цифровую эпоху стала более многосторонней, чем раньше: современные люди идентифицируют себя уже не только с определенной местностью, этнической, конфессиональной, языковой группой или той или иной культурой, поскольку в результате онлайн-взаимодействия в неограниченных коммуникациях жесткая привязка к определенной идентичности стала размываться и усложняться. То, что цифровые технологии позволяют преодолевать многие пространственные и временные ограничения, стимулирует человеческую мобильность. Растет прозрачность экономических процессов, интенсифицируется вовлечение потребителей, на основе доступа к мобильным сетям и данным возникают новые модели потребительского поведения – все это вынуждает компании создавать механизмы адаптации для разработки, маркетинга и поставок товаров и услуг. Возможность обращаться к разным данным пользователей цифрового пространства служит производителям / продавцам инструментом конструирования многомерной картины покупательского поведения, позволяет получать информацию о потребностях и поведении клиентов, а также вырабатывать стратегии маркетинга и продаж. Рынки, являясь движущими силами производства материальных благ, формируются с учетом индивидуального и коллективного поведения людей, ценностей и этических норм (Шваб, 2016, с. 44–45, 65–66, 88).

Особое значение в оценке ценностно-поведенческих паттернов современных обществ в глобальной цифровой экономике имеют еще два измерения: те, что касаются потребителей (покупателей), и те, что касаются производителей/продавцов.

К характерным *экономическим паттернам поведения потребителей* можно отнести следующие (Хоменко, 2022, с. 65–73):

- они активно пользуются мобильными устройствами и Интернетом для приобретения товаров и услуг;
- используют цифровое пространство в качестве источника сведений о приобретаемых продуктах, сравнивая их по цене, качеству и другим параметрам;
- обращают особое внимание на престиж, бренд, отзывы, уровень разрекламированности продуктов при их покупке;
- исходят из того, что изучение отзывов и реакций других потребителей позволяет сэкономить время, усилия и деньги при покупке продуктов в Интернете;
- одно из центральных значений придают экономии личного времени при выстраивании отношений с продавцами, приоритетными делают вопросы своевременности и удобства;

– не только покупают, но могут также самостоятельно продавать услуги и товары посредством цифровых площадок.

В свою очередь, **паттернами производителей / продавцов** являются следующие (Хоменко, 2022, с. 65–73; Сахбиева, 2021, с. 238–239):

– они все чаще создают виртуальные и материальные подсистемы (их соотношение зависит от размера компании, направления бизнеса, специфики выпускаемой продукции, имеющихся ресурсов, особенностей взаимодействия компании с клиентами, поставщиками, заказчиками и т. п.);

– посредством возможностей цифрового пространства детально изучают индивидуальные предпочтения потребителей и используют полученную информацию в своей деятельности;

– в цифровом экономическом пространстве создают все больше компаний, специализирующихся на развлекательной продукции;

– при планировании продаж учитывают затраты потребителей на поиск, получение, установку, обслуживание, модернизацию и утилизацию цифровых товаров;

– стремятся увеличить количество потребителей за счет снижения в цифровом пространстве значимости их местоположения;

– принимают активные меры по воздействию на предпочтения, ожидания и потребности потребителей посредством социальных сетей и других онлайн-инструментов;

– стараются учитывать фактор высокой индивидуализации требований потребителей, стремятся выстраивать с ними долгосрочные взаимоотношения;

– видят в потребителях активных и мобильных участников рынка, а не пассивных получателей продуктов или потока новинок;

– основным источником формирования экономической стоимости делают данные, отражающие активность потребителей в цифровом пространстве;

– выстраивают стратегию своего поведения в цифровом пространстве с учетом того, что рынки не разбиваются на отдельных потребителей, а в большей степени формируются из компонентов, извлекаемых из анонимных и агрегированных данных потребителей;

– уделяют особое внимание своим интернет-площадкам (официальным сайтам) и росту положительных отзывов потребителей в Интернете, поскольку от этого во многом зависит привлекательность продукции и уровень спроса;

– создают собственную базу клиентов / партнеров посредством сбора, долгосрочного хранения и регулярного обновления их контактных данных и информации о взаимодействии.

В целом виртуализация современной жизни и цифровое пространство помогают визуализировать различные объекты и процессы, сократить время на разработку и реализацию новых технологий, качественно улучшить многие производственные, коммерческие и иные процессы (Шкляр и др., 2019, с. 506–507). Другой вопрос – удастся ли индивиду достигать этой цели? Большое количество конкурирующих между собой интернет-площадок, на которых он может выбирать необходимые товары и услуги, изучение реакций и отзывов других покупателей на различного рода форумах и иных специальных пло-

щадках могут занимать очень много времени (правда, затрачиваемое время зависит от конкретного человека и его отношения к данному вопросу, от того, насколько тщательно он выбирает желаемую продукцию через онлайн-среду). В этом смысле показателен часто используемый компаниями рекламный механизм ретаргетинга (его также называют ремаркетингом), при использовании которого интернет-реклама от определенного продавца / агрегатора продаж направляется тем пользователям, которые уже посещали его сайт или использовали мобильное приложение, подыскивали на нем какую-либо услугу или товар. По некоторым данным, в Интернете 92 % покупателей не приобретают продукт сразу, вне зависимости от качества онлайн-площадки и привлекательности ее продуктов, тогда как ретаргетинг повышает вероятность совершения покупки на 43 %¹⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования во многом подтверждают взятую за основу гипотезу. Цифровой сегмент глобальной экономики поступательно расширяется, и анализ различных данных проиллюстрировал, что развитие цифрового пространства:

- привело к росту торговли информационно-коммуникационными технологиями и услугами между государствами;
- запустило перемещение многих привычных экономических процессов и процедур в виртуальную плоскость;
- создало продукты нового типа, которые сложно однозначно отнести к товарам или услугам;
- сформировало новые форматы экономических отношений (цепочки производства и обмена продуктами);
- выдвинуло на передовые позиции цифровые платформы и контролируемые их компании;
- начало «размывать» территориальные границы в экономических отношениях и тем самым снизило определенные издержки на производство и торговлю продуктами.

В результате всего этого важнейшими трендами стали все более активное вовлечение индивидов в цифровое пространство, формирование у них новых ценностно-поведенческих паттернов и потребностей в благах, относящихся непосредственно к онлайн-среде. Цифровизация начала преобразовывать экономическое поведение и покупателей, и продавцов / производителей. Для первых открылось много новых возможностей и удобств по приобретению продуктов, для вторых расширились возможности по увеличению спроса, расширению клиентской базы и более тщательному изучению предпочтений потенциальных приобретателей товаров и услуг. Вместе с тем и для тех, и для других сложились также неоднозначные последствия: главной проблемой для покупателя стала необходимость постоянного совершенствования навыков

¹⁷ 15 Eye-opening online shopping statistics for 2022 [Электронный ресурс] // Drip. 2022. May, 24. URL: <https://www.drip.com/blog/online-shopping-statistics> (дата обращения: 29.07.2022).

и наличие технологий потребления многих продуктов посредством цифрового пространства, а для продавцов / производителей – своевременная и достаточная модернизация своих технологических мощностей в целях продажи продуктов через это пространство и способность выдержать высокую конкуренцию.

Список источников

Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 2. С. 143–172. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-02-07>.

Вольчик В. В. Культура, поведенческие паттерны и индуктивное мышление // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8, № 4. С. 28–39. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.4.028-039>.

Галкин Д. В. Современные исследования цифровой культуры // Гуманитарная информатика. 2004. № 1. С. 40–49.

Иванова Н. И. Инновационная политика: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 1. С. 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-1-5-16>.

Москвитина О. А. Цифровизация жизнедеятельности: особенности ответственного поведения личности // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2020. № 4. С. 47–52. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.4.47-52>.

Очеретяный К. А. Компьютерные игры: формы цифрового опыта // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 66–77. <https://doi.org/10.31857/S004287440007354-4>.

Пичугин В. Г. Адаптационная функция экономического поведения в условиях цифровой экономики // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, № 4. С. 363–366. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0904-0083>.

Попов Е. В., Семячков К. А., Файрузова Д. Ю. Социотехнологические драйверы развития цифровой экономики // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2019. Т. 18, № 1. С. 8–26. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2019.18.1.001>.

Сахбиева А. И. Особенности поведения потребителей в условиях цифровой экономики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 238–240. <https://doi.org/10.23672/u5712-4804-4106-e>.

Сорвина Т. А., Попова М. И. Особенности формирования модели поведения потребителей культурных благ в условиях цифровизации // Петербургский экономический журнал. 2020. № 3. С. 43–48. <https://doi.org/10.24411/2307-5368-2020-10022>.

Удалов Д. В. Цифровая трансформация социально-экономического пространства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 3. С. 33–36.

Хоменко Е. Б. Введение в цифровую экономику: потребители, рынки, регионы, отрасли. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2022. 114 с.

Шабров О. Ф. Информационная картина мира как объект политики // Актуальные проблемы современной государственной политики / Под ред. В. И. Якунина. Нур-Султан: Раритет, 2021. С. 73–86.

Шваб К. Глобализация 4.0. Новая архитектура для четвертой промышленной революции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1. С. 79–84.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.

Шкляр Т. Л., Попова А. В., Горохова С. С. Особенности поведения потребителя в условиях цифровой экономики // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 3. С. 505–516. <https://doi.org/10.18334/ce.13.3.39934>.

Ahmad N., Ribarsky J. Towards a framework for measuring the digital economy // Working paper of the 16th Conference of the International Association of Official Statisticians (IAOS). 2018. Sept. 33 p.

Ahmedov I. The impact of digital economy on international trade // European Journal of Business and Management Research. 2020. Vol. 5, № 4. P. 1–7. <https://doi.org/10.24018/ejbmr.2020.5.4.389>.

Anukoonwattaka W., Romao P., Bhogal P. et al. Digital economy integration in Asia and the Pacific: Insights from DIGISRII 1.0 // Asia-Pacific Sustainable Development Journal. 2022. Vol. 28, № 2. P. 113–148. <https://doi.org/10.18356/26178419-28-2-4>.

Azmeh S., Foster C., Echavarri J. The international trade regime and the quest for free digital trade // International Studies Review. 2020. Vol. 22, № 3. P. 671–692. <https://doi.org/10.1093/isr/viz033>.

Baylis J., Smith S., Owens P. The globalisation of world politics: An introduction to international relations. Oxford: Oxford University Press, 2020. 648 p.

Borremans A. D., Zaychenko I. M., Iliashenko O. Y. Digital economy. IT strategy of the company development // MATEC Web of Conferences. 2018. Vol. 170. Art. № 01034. <https://doi.org/10.1051/mateconf/201817001034>.

Deuze M. Participation, remediation, bricolage: Considering principal components of a digital culture // The Information Society. 2006. Vol. 22, № 2. P. 63–75. <https://doi.org/10.1080/01972240600567170>.

Digital culture: Understanding new media / Ed by G. Creeber, R. Martin. Berkshire: Open University Press, 2009. 205 p.

Digital formations: IT and new architectures in the global realm / Ed. by R. Latham, S. Sassen. Princeton: Princeton University Press, 2009. 384 p. <https://doi.org/10.1515/9781400831616>.

Dumitrescu G. C., Tanase I. A. 3D printing – A new industrial revolution // Knowledge Horizons. Economics. 2016. Vol. 8, № 1. P. 32–39.

Gere C. Digital culture. London: Reaktion Books, 2002. 248 p.

Herve A., Schmitt C., Baldegger R. Internationalization and digitalization: Applying digital technologies to the internationalization process of small and medium-sized enterprises // Technology Innovation Management Review. 2020. Vol. 10, № 7. P. 28–40. <http://doi.org/10.22215/timreview/1373>.

Jurayevich M. B., Bulturbayevich M. B. The impact of the digital economy on economic growth // International Journal on Integrated Education. 2020. Vol. 3, № 6. P. 16–18. <https://doi.org/10.31149/ijie.v3i6.394>.

Kobrin S. J. Is a global nonmarket strategy possible? Economic integration in a multipolar world order // Journal of World Business. 2015. Vol. 50, № 2. P. 262–272. <https://doi.org/10.1016/J.JWB.2014.10.003>.

Lund S., Manyika J. How digital trade is transforming globalisation. E15Initiative. Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and World Economic Forum (WEF), 2016. 10 p.

Malkawi B. H. Digitalization of international trade // Journal of Law and Technology. 2019. Vol. 23. 15 p.

Manyika J., Lund S., Bughin J. et al. Digital globalization: The new era of global flows. New York: McKinsey Global Institute, 2016. 156 p.

Maymina E., Divina T., Liulia V. Digital economy in education: Perspectives and development perspectives // Espacios. 2018. Vol. 39, № 38. P. 30–40.

Novikov S. V. Data Science and Big Data technologies role in the digital economy // TEM Journal. 2020. Vol. 9, № 2. P. 756–762. <https://doi.org/10.18421/TEM92-44>.

Shah N. When machines speak to each other: Unpacking the “social” in “social media” // Social Media+ Society. 2015. Vol. 1, № 1. <https://doi.org/10.1177/2056305115580338>.

Skare M., Soriano D. R. How globalization is changing digital technology adoption: An international perspective // Journal of Innovation and Knowledge. 2021. Vol. 6, № 4. P. 222–233. <https://doi.org/10.1016/j.jik.2021.04.001>.

Spremić M., Šimunic A. Cyber security challenges in digital economy // Proceedings of the World Congress on Engineering. 2018. Vol. 1. P. 341–346.

Stofkova K. R., Laitkep D., Stofkova Z. Shopping behavior in the context of the digital economy // Journal of Risk and Financial Management. 2022. Vol. 15, № 39. 13 p. <https://doi.org/10.3390/jrfm15020039>.

Telemedicine and e-health services, policies and applications: Advancements and developments / Ed. by J. Rodrigues, I. Diez, B. S. de Abajo. Hershey: Medical Information Science Reference, 2012. 554 p.

Terranova T. Free labor: Producing culture for the digital economy // Social Text. 2000. Vol. 18, № 2. P. 33–58. https://doi.org/10.1215/01642472-18-2_63-33.

The big data-driven digital economy: Artificial and computational intelligence / Ed. by A. M. Al-Sartawi (ed.). Cham: Springer, 2021. 472 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-73057-4>.

Veretekhina S. V., Novikova V. A. Transformation of education in the digital economy // Contemporary Problems of Social Work. 2019. Vol. 5, № 2. P. 30–37. <https://doi.org/10.17922/2412-5466-2019-5-2-30-37>.

Weber R. H., Burri M. Classification of services in the digital economy. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. 144 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-31635-7>.

Zhou J. Digitalization and intelligentization of manufacturing industry // Advances in Manufacturing. 2013. Vol. 1, № 1. P. 1–7. <https://doi.org/10.1007/s40436-013-0006-5>.

Информация об авторе

Х. А. Гаджиев – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125167, г. Москва, пр-т Ленинградский, 49/2; доцент кафедры государствен-

ного управления и публичной политики ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1

SPIN-код (РИНЦ): 7661-2397

AuthorID (РИНЦ): 874575

Web of Science ResearcherID: AGF-5426-2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.08.2022; одобрена после рецензирования 13.09.2022; принята к публикации 13.09.2022.

References

Bukht, R. and Heeks, R. (2018), "Defining, conceptualising and measuring the digital economy, *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no. 2, pp. 143–172, <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-02-07>.

Volchik, V. V. (2016), "Culture, behavioral patterns and inductive reasoning", *Journal of Institutional Studies*, vol. 8, no. 4, pp. 28–39, <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.4.028-039>.

Galkin, D. V. (2004), "Modern studies of digital culture", *Humanitarian Informatics*, no. 1, pp. 40–49.

Ivanova, N. I. (2016), "Innovation policy: Theory and practice", *World Economy and International Relations*, vol. 60, no. 1, pp. 5–16, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-1-5-16>.

Moskvitina, O. A. (2020), "Digitalization of life and activity: Features of responsible behavior of individual", *Herald of Omsk University. Series: Psychology*, no. 4, pp. 47–52, <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.4.47-52>.

Ocheretyany, K. A. (2019), "Computer games: Forms of digital experience", *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 66–77, <https://doi.org/10.31857/S004287440007354-4>.

Pichugin, V. G. (2020), "Adaptive function of economic behavior under conditions of digital economy", *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 9, no. 4, pp. 363–366, <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0904-0083>.

Popov, E. V., Semyachkov, K. A. and Fairuzova, D. Yu. (2019), "Sociotechnological drivers for the development of the digital economy", *Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*, vol. 18, no. 1, pp. 8–26, <https://doi.org/10.15826/vestnik.2019.18.1.001>.

Sakhbieva, A. I. (2021), "Features of consumer behavior in the digital economy", *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, no. 3, pp. 238–240, <https://doi.org/10.23672/u5712-4804-4106-e>.

Sorvina, T. A. and Popova, M. I. (2020), "Features of forming a behavior model of cultural goods consumers in the conditions of digitalization", *Scientific Practical Petersburg Economic Journal*, no. 3, pp. 43–48, <https://doi.org/10.24411/2307-5368-2020-10022>.

Udalov, D. V. (2020), "Digital transformation of the socio-economic space", *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*, no. 3, pp. 33–36.

Khomenko, E. B. (2022), *Vvedenie v tsifrovuyu ekonomiku: potrebiteli, rynki, regiony, otrasli*: [Introduction to the digital economy: Consumers, markets, regions, industries], Izdatel'skii tsentr "Udmurtskii universitet", Izhevsk, Russia.

Shabrov, O. F. (2021), "The information picture of the world as an object of policy", in Yakunin, V. I. (ed.), *Aktual'nye problemy sovremennoi gosudarstvennoi politiki* [Actual problems of modern public policy], Raritet, Nur-Sultan, Kazakhstan, pp. 73–86.

Schwab, K. (2019), "Globalization 4.0. A new architecture for the fourth industrial revolution", *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, no. 1, pp. 79–84.

Schwab, K. (2016), *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution], Eksmo, Moscow, Russia.

Shklyar, T. L., Popova, A. V. and Gorokhova, S. S. (2019), "Features of consumer behavior in the digital economy", *Creative Economy*, vol. 13, no. 3, pp. 505–516, <https://doi.org/10.18334/ce.13.3.39934>.

Ahmad, N. and Ribarsky, J. (2018), "Towards a framework for measuring the digital economy", *Working paper of the 16th Conference of the International Association of Official Statisticians (IAOS)*, Sept., 33 p.

Ahmedov, I. (2020), "The impact of digital economy on international trade", *European Journal of Business and Management Research*, vol. 5, no. 4, pp. 1–7, <https://doi.org/10.24018/ejbmr.2020.5.4.389>.

Anukoonwattaka, W., Romao, P., Bhogal, P. et al. (2022), "Digital economy integration in Asia and the Pacific: Insights from DIGISRII 1.0", *Asia-Pacific Sustainable Development Journal*, vol. 28, no. 2, pp. 113–148, <https://doi.org/10.18356/26178419-28-2-4>.

Azmeh, S., Foster, C. and Echavarri, J. (2020), "The international trade regime and the quest for free digital trade", *International Studies Review*, vol. 22, no. 3, pp. 671–692, <https://doi.org/10.1093/isr/viz033>.

Baylis, J., Smith, S. and Owens, P. (2020), *The globalisation of world politics: An introduction to international relations*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Borremans, A. D., Zaychenko, I. M. and Iliashenko, O. Y. (2018), "Digital economy. IT strategy of the company development", *MATEC Web of Conferences*, vol. 170, art. no. 01034, <https://doi.org/10.1051/mateconf/201817001034>.

Deuze, M. (2006), "Participation, remediation, bricolage: Considering principal components of a digital culture", *The Information Society*, vol. 22, no. 2, pp. 63–75, <https://doi.org/10.1080/01972240600567170>.

Creeber, G. and Martin, R. (eds.) (2009), *Digital culture: Understanding new media*, Open University Press, Berkshire, UK.

Latham, R. and Sassen, S. (eds.) (2009), *Digital formations: IT and new architectures in the global realm*, Princeton University Press, Princeton, NJ, US, <https://doi.org/10.1515/9781400831616>.

Dumitrescu, G. C. and Tanase, I. A. (2016), "3D printing – A new industrial revolution", *Knowledge Horizons. Economics*, vol. 8, no. 1, pp. 32–39.

Gere, C. (2002), *Digital culture*, Reaktion Books, London, UK.

Herve, A., Schmitt, C. and Baldegger, R. (2020), "Internationalization and digitalization: Applying digital technologies to the internationalization process of small and medium-sized enterprises", *Technology Innovation Management Review*, vol. 10, no. 7, pp. 28–40, <http://doi.org/10.22215/timreview/1373>.

Jurayevich, M. B. and Bulturbayevich, M. B. (2020), "The impact of the digital economy on economic growth", *International Journal on Integrated Education*, vol. 3, no. 6, pp. 16–18, <https://doi.org/10.31149/ijie.v3i6.394>.

Kobrin, S. J. (2015), "Is a global nonmarket strategy possible? Economic integration in a multipolar world order", *Journal of World Business*, vol. 50, no. 2, pp. 262–272, <https://doi.org/10.1016/J.JWB.2014.10.003>.

Lund, S. and Manyika, J. (2016), *How digital trade is transforming globalisation*, E15Initiative, International Centre for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and World Economic Forum (WEF), Geneva, Switzerland.

Malkawi, B. H. (2019), "Digitalization of international trade", *Journal of Law and Technology*, vol. 23, 15 p.

Manyika, J., Lund, S., Bughin, J. et al. (2016), *Digital globalization: The new era of global flows*, McKinsey Global Institute, NYC, NY, US.

Maymina, E., Divina, T. and Liulia, V. (2018), "Digital economy in education: Perspectives and development perspectives", *Espacios*, vol. 39, no. 38, pp. 30–40.

Novikov, S. V. (2020), "Data Science and Big Data technologies role in the digital economy", *TEM Journal*, vol. 9, no. 2, pp. 756–762, <https://doi.org/10.18421/TEM92-44>.

Shah, N. (2015), "When machines speak to each other: Unpacking the "social" in "social media", *Social Media+ Society*, vol. 1, no. 1, <https://doi.org/10.1177/2056305115580338>.

Skare, M. and Soriano, D. R. (2021), "How globalization is changing digital technology adoption: An international perspective", *Journal of Innovation and Knowledge*, vol. 6, no. 4, pp. 222–233, <https://doi.org/10.1016/j.jik.2021.04.001>.

Špremić, M. and Šimunic, A. (2018), "Cyber security challenges in digital economy", *Proceedings of the World Congress on Engineering*, vol. 1, pp. 341–346.

Stofkova, K. R., Laitkep, D. and Stofkova, Z. (2022), "Shopping behavior in the context of the digital economy", *Journal of Risk and Financial Management*, vol. 15, no. 39, 13 p., <https://doi.org/10.3390/jrfm15020039>.

Rodrigues, J., Diez, I. and de Abajo, B. S. (eds.) (2012), *Telemedicine and e-health services, policies and applications: Advancements and developments*, Medical Information Science Reference, Hershey, PA, US.

Terranova, T. (2000), "Free labor: Producing culture for the digital economy", *Social Text*, vol. 18, no. 2, pp. 33–58, https://doi.org/10.1215/01642472-18-2_63-33.

Al-Sartawi, A. M. (ed.) (2021), *The big data-driven digital economy: Artificial and computational intelligence*, Springer, Cham, Switzerland, <https://doi.org/10.1007/978-3-030-73057-4>.

Veretekhina, S. V. and Novikova, V. A. (2019), "Transformation of education in the digital economy", *Contemporary Problems of Social Work*, vol. 5, no. 2, pp. 30–37, <https://doi.org/10.17922/2412-5466-2019-5-2-30-37>.

Weber, R. H. and Burri, M. (2012), *Classification of services in the digital economy*, Springer, Berlin, Heidelberg, Germany, <https://doi.org/10.1007/978-3-642-31635-7>.

Zhou, J. (2013), "Digitalization and intelligentization of manufacturing industry", *Advances in Manufacturing*, vol. 1, no. 1, pp. 1–7, <https://doi.org/10.1007/s40436-013-0006-5>.

Information about the author

Kh. A. Gadzhiev – Candidate in Political Sciences, Senior Researcher of Institute for Research of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russia; Associate Professor of the Department of Public Administration and Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82/1 Vernadsky ave., Moscow, 119571, Russia

SPIN-code (RSCI): 7661-2397

AuthorID (RSCI): 874575

Web of Science ResearcherID: AGF-5426-2022

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 07.08.2022; approved after reviewing 13.09.2022; accepted for publication 13.09.2022.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 507–531.

Ars Administrandi. 2022. Vol. 14, no. 3, pp. 507–531.

Научная статья

УДК 338.246.2

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-507-531>

МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС РОССИИ: ВКЛЮЧЕННОСТЬ В ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ

Инна Васильевна Митрофанова¹✉, Татьяна Борисовна Иванова^{2,3}

¹ Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия, mitrofanova@volsu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

² Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>

³ Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

Аннотация. Введение: в последние годы в мировой практике активно разрабатываются и внедряются различные модели решения таких задач, как индустриализация 4.0, импортозамещение, национальная безопасность и переход к низкоуглеродной экономике. **Цель:** оценка включенности малого и среднего бизнеса в реализацию основных стратегических императивов России. **Методы:** модифицированный GAP-анализ, качественный, статистический, структурный, табличный анализ. **Результаты:** сформирована база данных состояния малого и среднего бизнеса регионов Юга России на апрель 2022 года по показателям Росстата и цифровой платформы МСП, Федеральной налоговой службы, Яндекса. Исследовано участие малого и среднего бизнеса в российских моделях индустриализации 4.0, импортозамещения, национальной безопасности и декарбонизации. **Выводы:** существующие в России информационные базы не позволяют пока оценить вклад малого и среднего бизнеса в реализацию основных стратегических императивов. Государственное стимулирование развития малого и среднего предпринимательства направлено на его расширение в целом и на импортозамещение, но в основном оно занимает сферы деятельности с быстрым сроком окупаемости и не связано с промышленным производством. Необходимо активизировать работу по развитию системы производственной франшизы для усиления включенности малых предприятий в производственные цепочки крупного бизнеса, расширив тем самым возможности реализации основных стратегических императивов страны.

Ключевые слова: индустрия 4.0, импортозамещение, экономическая безопасность, низкоуглеродная экономика, производственные цепочки, франшиза

Благодарности: статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН, проект № 122020100349-6 «Стратегические векторы развития социоэкономического комплекса Юга России с учетом региональной резилентности (экономические и демографические аспекты)».

Для цитирования: Митрофанова И. В., Иванова Т. Б. Малый и средний бизнес России: включенность в основные стратегические императивы // Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 507–531. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-507-531>.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Original article

SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN RUSSIA: INCLUSION IN THE MAIN STRATEGIC IMPERATIVES

Inna V. Mitrofanova¹✉, Tatiana B. Ivanova^{2,3}

¹ Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, mitrofanova@volsu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

² Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>

³ Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract. Introduction: In recent years, the world practices have developed various models for solving problems such as industrialization 4.0, import substitution, national security, and the transition to a low-carbon economy. **Objectives:** to assess the involvement of small medium-sized businesses in the implementation of the main strategic imperatives of Russia. **Methods:** modified GAP analysis, qualitative, statistical, structural, tabular analysis. **Results:** the database of small and medium-sized businesses in the regions of Southern Russia for April 2022 has been formed according to the indicators of Rosstat, the digital platform for small and medium-sized businesses, the Federal Tax Service, and Yandex. The participation of small and medium-sized businesses in the Russian models of industrialization 4.0, import substitution, national security and decarbonization has been studied. **Conclusions:** the existing information bases in Russia do not make it possible to assess the small and medium-sized businesses contribution to the implementation of the main strategic imperatives. Government incentives to development of small and medium-sized businesses are aimed at its general expansion and import substitution, but basically they enter the business areas with a fast payback period and not related to industrial production. It is necessary to intensify work on the development of a production franchise system to strengthen the involvement of small enterprises in the production chains of large businesses, thereby expanding the possibilities for implementing the country's main strategic imperatives.

Keywords: industry 4.0, import substitution, economic security, low-carbon economy, production chains, franchise

Acknowledgements: the article has been funded through the state target to the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, project no. 122020100349-6 "Strategic vectors of the Southern Russia socio-economic complex development in the view of regional resilience (economic and demographic aspects)".

For citation: Mitrofanova, I. V. and Ivanova, T. B. (2022), "Small and medium-sized businesses in Russia: Inclusion in the main strategic imperatives", *Ars Administrandi*, vol. 14, no. 3, pp. 507–531, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-507-531>.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня Россия стоит перед необходимостью одновременного решения множества социально-экономических задач: переход к индустрии 4.0, структурная перестройка экономики на фоне беспрецедентных антироссийских санкций, импортозамещение в условиях разрыва цепочек как логистических, так и добавленной стоимости, обеспечение национальной безопасности, переход на низкоуглеродные производство и потребление.

К настоящему времени разработаны различные модели реализации этих императивов.

В развитии *индустрии 4.0*, основанной на автоматизации производственных процессов с применением искусственного интеллекта, межмашинных коммуникаций и Интернета вещей, выделяются немецкий, американский, сингапурский и российский подходы. В таблице 1 обобщены преимущества и недостатки в существующих подходах, выявленные путем изучения опыта различных стран.

Таблица 1 / Table 1

**Преимущества и недостатки подходов к развитию индустрии 4.0 в мировой практике /
Advantages and disadvantages of approaches to industry 4.0 development in world practice**

Критерий	Преимущества	Недостатки
Государственно-частное партнерство (консорциумы, кластеры, нацпроекты)	Разделение рисков между государством и частными инвесторами, расширение источников инвестирования	Асимметрия информации, разнонаправленно влияющая на управленческие решения, принимаемые государством и корпорациями
Степень централизации разработок	Развитие технических условий сетевого производства, обеспечивающих создание «сквозных» технологий; стандартизация применения Интернета вещей для формирования общих подходов дальнейшего технологического развития	Ограниченность развития конкуренции при разработке новых технических решений
Акцент на определенную сферу деятельности	Преимущественное внимание определенным видам деятельности (Германия – обрабатывающая промышленность, США – Интернет вещей, Сингапур – управление городским хозяйством и т.д.)	Ограниченность направлений развития индустрии 4.0 за счет частно-государственного партнерства
Ориентация на разработки для бизнеса определенного масштаба	Получение специализированного и готового для внедрения продукта (преимущественно для крупного, финансово устойчивого бизнеса)	Барьеры перехода к индустрии 4.0 (преимущественно для мелкого и среднего бизнеса)

Источник: составлено авторами.

Модели развития индустрии 4.0 отличаются большим разнообразием:

– немецкая модель – повышение конкурентоспособности за счет государственной поддержки новых форм хозяйствования (преимущественно цифровизации обрабатывающей промышленности), предоставляемой не только крупным, но и малым и средним предприятиям, и ориентированной на решение технических, юридических вопросов и формирование соци-

альной инфраструктуры, дающей возможность привлечь на рынок труда женщин и людей преклонного возраста. На практике это выразилось в создании кластера Intelligent Technical Systems OstWestfalenLippe. Он включает 173 компании, внедряющие концепцию «умная фабрика» (автоматизация управления различными аспектами производственного процесса; использование единой системы, объединяющей станки с датчиками; межмашинное взаимодействие; формирование «цифрового образа» товаров, который сопровождает их от момента разработки до утилизации) (Щетинина, 2017, с. 78–79). Идет подготовка к использованию платформ для сбора и анализа информации с производственных линий, предлагаются варианты оптимизации работы, оперативного реагирования на запросы клиентов. Компании-участники утверждают, что за счет этого на 82 % выросла энергоэффективность и на 45 % – удовлетворенность клиентов, а брак снизился на 49 %¹. Начата работа над созданием «умного города» на базе Тюбингена в земле Баден-Вюртемберг (Федоров, 2020, с. 42): на официальном сайте города упоминается программа по сокращению углеводородных выбросов, за счет которой к 2030 году он должен стать климатически нейтральным². Основной инструмент поддержки малого бизнеса в программе «Индустрия 4.0» – «цифровая платформа I40, запущенная совместно немецкой Федеральной ассоциацией информационных технологий, телекоммуникации и новых медиа (BITKOM), Немецкой инжиниринговой федерацией (VDMA) и Ассоциацией производителей электрики и электроники (ZVEI)»³;

– американская модель – усиление мобильности и эффективности в энергетике и логистике, развитие Интернета вещей для любых, а не только производственных, активов. Крупнейшими корпорациями США создан Консорциум промышленного Интернета (Industrial Internet Consortium, IIC); сделан акцент не на технических условиях сетевого производства, как в Германии, а на стандартизации применения Интернета вещей в менеджменте зданий, энергетики, логистики, здравоохранения;

– сингапурская модель – это реализация проекта «Умная нация», включающего национальную цифровую идентичность, интеллектуальную городскую мобильность, электронные платежи, сенсорную платформу Smart Nation, электронные «моменты жизни». Сочетает технологическое и социальное развитие, повсеместный контроль со стороны государства, обеспечивает первые места в международном рейтинге конкурентоспособности. Органам правопорядка передаются сигналы о правонарушениях, например о выбросе мусора в неположенном месте; можно получить информацию о движении автобусов и их загруженности; дистанционно контролируется снабжение электричеством и газом, а при возникновении аварийных ситуаций сведения передаются на пульт управления.

¹ Хвостик Е. Фабрики будущего добрались до настоящего [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2022. 19 янв. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5172561> (дата обращения: 28.04.2022).

² Klima und Umwelt [Электронный ресурс] // Tübingen. Universitastadt. URL: <https://tuebingen.de/4.html> (дата обращения: 25.04.2022).

³ Индустрия 4.0: мировой опыт [Электронный ресурс] // Официальный сайт АНО «Международный независимый институт аграрной политики». С. 3. URL: <https://мниап.рф/repository/analytics/455/document.pdf> (дата обращения: 29.04.2022).

В России стимулирование перехода к индустрии 4.0 осуществляется в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁴. В федеральном проекте «Цифровые технологии»⁵ для этого запланированы увеличение затрат на развитие «сквозных технологий» и выручки от их применения, рост международных патентных заявок по договорам о патентной кооперации. В рамках проекта были отобраны лидирующие исследовательские центры и компании⁶, среди которых Самарский государственный медицинский университет (виртуальная и дополненная реальность для оценки и развития человека), Сколковский институт науки и технологий (проектирование и развертывание сетей радиодоступа 5G), Университет Иннополис (верифицированная система распределенного реестра), ОАО «ГлобалИнформСервис» (технологии радиодоступа 5G/IMT-2020), Национальный исследовательский университет ИТМО (квантовая цифровая платформа цифровой экономики), ООО «Международный центр квантовой оптики и квантовых технологий» (квантовые вычисления, компьютеры, программное обеспечение), Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (сенсорные системы), НПФ «Микран» (модули 5G средней и большой зоны обслуживания), Пермская научно-производственная приборостроительная компания (миниатюрный резонансный оптический пироскоп широкого назначения), ООО «Фидесис» (линейка продуктов для создания специализированных решений и облачных сервисов), АО «Антиплагиат» (пан-языковой анализ больших текстовых коллекций).

На развитие индустрии 4.0 направлен и федеральный проект «Искусственный интеллект». Он включает такие мероприятия, как подготовка программного обеспечения, кадров, повышение доступности аппаратного обеспечения. К приоритетным технологическим направлениям отнесены здравоохранение, сельское хозяйство (точное земледелие, фермы с контролем за здоровьем скота), беспилотные транспортные средства, топливно-энергетический комплекс и др. Особое внимание уделено трансформации обрабатывающей промышленности: формированию отраслевых дата-сетов по загрузке промышленного оборудования, юз-кейсов по умному управлению цепочками поставок, предиктивному анализу и контролю с помощью компьютерного зрения⁷.

Импортозамещение, как и индустриализация 4.0, тоже реализуется с помощью различных моделей. В XX веке получила распространение модель

⁴ Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: утв. президиумом Совета при Президенте Рос. Федерации по стратег. развитию и нац. проектам, протокол от 04.06.2019 № 7. URL: <https://sudact.ru/law/pasport-natsionalnogo-proekta-natsionalnaia-programma-tsifrovaia-ekonomika/> (дата обращения: 28.04.2022).

⁵ Там же.

⁶ Определены лидирующие исследовательские центры и компании-лидеры по сквозным цифровым технологиям [Электронный ресурс] // Информбюро 20.35. 2020. 10 янв. URL: <https://ntinews.ru/news/tsifrovaya-ekonomika/opredeleny-lidiruyushchie-issledovatel'skie-tsentry-i-kompanii-lidery-po-skvoznym-tsifrovym-tekhnolog.html> (дата обращения: 26.04.2022).

⁷ Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: приложение № 3 к протоколу президиума Правительств. комис. по цифр. развитию, использованию информ. технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимат. деятельности от 27.08.2020 № 17. URL: <https://sudact.ru/law/pasport-federalnogo-proekta-iskusstvennyi-intellekt-natsionalnoi-programmy/> (дата обращения: 12.05.2022).

индустриализации, которая реализовывалась в странах Азии и Латинской Америки. На первом этапе индустриализация опиралась на внутренний спрос на товары широкого потребления и обеспечивала экономический рост. При переходе ко второму этапу – развитию капиталоемких отраслей (производство оборудования) – выигрыш получили только те страны, которые выбрали экспортно ориентированную стратегию и включенность в цепочки добавленной стоимости транснациональных корпораций. Наиболее яркий пример действенности такой стратегии – экономическое развитие Сингапура, с интеграцией в мировое сообщество и опорой на внутренний спрос и инновации (Прусова и др., 2017).

В 2015 году на заседании ученого совета ИМЭМО РАН по теме «Российская экономика в условиях санкций: возможности и перспективы импортозамещения» были выделены модели диверсификации, характерные для России: «1) созидаящая диверсификация (за счет создания новых видов продукции); 2) сугубо импортозамещающая диверсификация; 3) расширенная диверсификация (на основе транснационализации производства)» (Чебанов, 2016, с. 8).

Импортозамещение в России является вынужденным вследствие применения экономических санкций, но используются, хотя и в разной степени, все указанные выше модели. Это видно из анализа принимаемых начиная с 2014 года стратегических документов⁸, разработанных Минпромторгом России отраслевых планов импортозамещения⁹, запуска биржи импортозамещения¹⁰, позволяющей формировать прямые связи между российскими заказчиками и подрядчиками. В сводной стратегии приводится качественная характеристика результатов импортозамещения: конкурентоспособность, отказ от специализации продукции, имеющей в Российской Федерации сравнительное преимущество, высокие технологии и добавленная стоимость, экспортный потенциал. Тем не менее, согласно данным статистики Федеральной таможенной службы, объем импорта в России вырос в 2021 году по сравнению с 2020-м на 26,5 %¹¹. Наибольший удельный вес составили закупки машин и оборудования: 49,2 % по сравнению с 47,6 % в 2020 году¹². Хотя на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2021 года В. В. Путин и говорил

⁸ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 15.04.2014 № 328. URL: <http://government.ru/docs/all/91634> (дата обращения: 12.05.2022); Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года: [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 06.06.2020 № 1512-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/Qw77Aau6IOSEluQqYnvR4tGMCy6rv6Qm.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

⁹ Отраслевые планы импортозамещения Минпромторга России [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Фонда развития промышленности. URL: <https://frprf.ru/plan-importozameshcheniya/?docs=334> (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁰ Дмитрий Чернышенко: «Биржа импортозамещения» обеспечит прямое взаимодействие между российскими производственными компаниями и заказчиками [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Правительства Рос. Федерации. 2022. 13 марта. URL: <http://government.ru/news/44795/> (дата обращения: 15.05.2022).

¹¹ ФТС России: данные об экспорте-импорте России за январь – декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Федер. тамож. службы. 2022. 7 февр. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/325325> (дата обращения: 16.05.2022).

¹² Там же.

об успехах импортозамещения¹³, но санкции, введенные в связи со специальной военной операцией на Украине, показали недостаточность проделанной работы. Это выражается в отставании производимой продукции от зарубежной по качеству, более высоких ценах по сравнению с иностранными аналогами или отсутствии отечественных замещающих товаров.

Банк России, делая прогноз дальнейшего развития страны, указывал, что наиболее подвержены кризисному влиянию производители, включенные в глобальные цепочки стоимости. Их разрыв заставит переключиться на альтернативные технологии и поставщиков, вероятнее всего, с меньшей эффективностью, то есть провести вынужденное импортозамещение. Предполагается, что на первом этапе возможно применение адаптационной стратегии: использование запасов, поиск альтернативных поставщиков и логистических схем при сокращении привлекательности кредитования, а в качестве мер поддержки – снижение налогов, дерегулирование. На втором этапе возрастет роль сервисных и ремонтных предприятий, небольших посреднических внешнеторговых компаний, челночного малого бизнеса; произойдет сокращение отраслей, которые не смогут обеспечить замещающего расширения производства. На третьем этапе начнется расширение производства на базе более низкого уровня технологичности и экологичности, снизятся производительность труда и уровень цифровизации; на четвертом – стабилизация на менее развитой технологической базе и ее последующее наращивание. Для успешного прохождения этих этапов рекомендуется стимулировать предпринимательскую активность за счет либерализации, снижения государственного регулирования, контроля и налогообложения¹⁴.

Основные контуры *моделей национальной безопасности* были заложены в мировой практике в 1947 году принятием закона «О национальной безопасности США» и стали трансформироваться с 1990-х годов путем выделения экономической, экологической, продовольственной и тому подобных видов безопасности. Хотя национальная безопасность определяется, прежде всего, как сохранение территориальной целостности страны при обеспечении устойчивого социально-экономического развития, но сам вектор этого развития и используемые инструменты подвижны и во многом зависят от программы политической партии, победившей на выборах. Поэтому модели экономической безопасности, реализуемые в конкретной стране, повторяют ответы на вызовы, связанные с развитием индустрии 4.0, импортозамещением, решением экологических проблем.

В настоящее время можно считать, что наиболее эффективна модель национальной безопасности, в том числе экономической, реализуемая в Китае. Она основана на усилении регулирования общественной жизни с ограни-

¹³ Владимир Путин принял участие в XVIII Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». Стенограмма пленарной сессии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Междунар. дискус. клуба «Валдай». 2021. 21 окт. URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vladimir-putin-xviii-ezhegodnoe-zasedanie-mezhdunarodnogo-diskussionnogo-kluba-valday-stenogramma/> (дата обращения: 16.05.2022).

¹⁴ О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки [Электронный ресурс] // Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования. 2022. № 2. С. 8–13. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/40953/bulletin_22-02.pdf (дата обращения: 25.04.2022).

чением прав и личных свобод, ужесточении юридической ответственности (Лузянин и Трошинский, 2018). В 2020 году на пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Китая 19-го созыва было объявлено, что страна реализовала второй этап развития – строительство общества «среднего достатка» (сяокан)¹⁵. Для этого начиная с 1953 года осуществлялся переход от аграрной экономики к развитию тяжелой промышленности, с 1980-х стало сокращаться централизованное планирование экономики, с 2010-х – стимулируется развитие технологических инноваций (созданы совместные технопарки с Сингапуром, Республикой Беларусь). К 2035 году ожидается проведение новой индустриализации, расширение внутреннего рынка, активизация применения цифровых платформ, искусственного интеллекта, зеленой экономики.

Модель национальной безопасности России разработана в соответствующей Стратегии¹⁶. Обеспечение экономической безопасности предполагается за счет повышения конкурентоспособности и устойчивости российской экономики с опорой на внутренний потенциал страны, самостоятельное решение поставленных задач, выстраивание диверсифицированных связей с мировыми центрами развития, преодоление критической зависимости от импорта технологий, оборудования и комплектующих за счет ускоренного внедрения передовых российских технологических разработок, локализации производства. Здесь привлекает внимание акцент на импортозамещение, но с применением новой технологической основы.

Переход к низкоуглеродной экономике предполагает внедрение технологий, обеспечивающих снижение углеводородных выбросов. Разработаны различные планы декарбонизации: «Как нам избежать климатической катастрофы» Билла Гейтса, «Глобальный план декарбонизации» в рамках проекта «Манхеттен-2», «Net-Zero America» («чистый нуль») Принстонского университета и др. В них заложено использование таких инструментов, как переход на возобновляемые источники сырья (солнечная, ветровая энергия), развитие электромобилей, энергоэффективность в сфере сельского хозяйства и жилищно-коммунального хозяйства, изменение стандартов потребления, например уменьшение использования бытовой техники и потребления мяса, приобретение местных товаров.

В Стратегии долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года¹⁷ представлены две модели перехода к низкоуглеродному сценарию развития, но в качестве базового предлагается использовать интенсивный. В него заложено: технологическое развитие – использование технологий, обеспечивающих декарбонизацию эко-

¹⁵ Степанова А. Китайская экономическая политика на современном этапе [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Междунар. дискус. клуба «Валдай». 2021. 11 авг. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitayskaya-ekonomicheskaya-politika/> (дата обращения: 26.04.2022).

¹⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 02.07.2021 № 400. URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-02072021-n-400/> (дата обращения: 25.04.2022).

¹⁷ Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 29.10.2021 № 3052. URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtIpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

номики, в том числе за счет формирования замкнутого цикла; структурные сдвиги – увеличение доли постиндустриальных отраслей по сравнению с традиционными; развитие поглощающей способности экосистем; рост энергетической эффективности производства и потребления. Реализовать намеченное планируется за счет изменения требований к определенным видам деятельности (как пример – введение требований по энергоэффективности новых зданий), рекомендаций по распространению технологий, признанных эффективными, использования налоговой, финансовой, таможенной политики.

Таким образом, существует несколько направлений стратегического развития национальных экономик. Реализуемые параллельно, они дополняют друг друга, но в то же время при изменении глобальных условий функционирования предприятий какие-то из них могут выходить на первый план, а другие реализовываться в меньшей степени. Именно такая ситуация складывается и в настоящее время в связи со спецоперацией на Украине. Вынужденный акцент делается на применении импортозамещающих моделей, обеспечивающих экономическую безопасность, а остальные направления должны в первую очередь способствовать нивелированию антироссийских санкций и лишь затем обеспечить дальнейшую индустриализацию 4.0 и декарбонизацию.

Для максимально полной реализации рассмотренных императивов им должен следовать весь бизнес – крупный, средний и малый. Причем последнему должно уделяться особое внимание, так как поставлена цель повысить его долю в российском ВВП к 2025 году до 40 %¹⁸. Для этого важно разрабатывать инструментарий оценки включенности каждого сектора в индустриализацию 4.0, импортозамещение, обеспечение национальной безопасности, переход к низкоуглеродной экономике.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

В научной литературе преимущественно анализируются общие условия функционирования малого предпринимательства – специфика налогообложения (Мамонов, 2019; Мешкова, 2020; Чириканова, 2020), поддержка со стороны государства (Кремин, 2018; Шарипов, 2020; Глубокова и Еремкина, 2022), тенденции изменений субъектов малого бизнеса, в том числе под влиянием COVID-19 (Петровская и Ермакова, 2020; Сеницына и др., 2020; Хаматханова, 2021; Касимова и Касимов, 2022). В ряде работ (Гусев и Жеребцов, 2018; Норин и Волкова, 2018; Кузьменкова, 2019) указывается на необходимость обеспечивать включенность малого бизнеса в инновационные процессы, в том числе за счет внедрения цифровых технологий.

Эксперты акцентируют внимание на необходимости совершенствования информационной базы малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) для выявления складывающихся тенденций его развития и корректировки мер государственного воздействия (Бухвальд, 2020; Виленский, 2020), в которых

¹⁸ *Послание Президента Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства)* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2018. 1 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (дата обращения: 25.04.2022).

предлагается фиксировать такие, например, показатели, как инвестиционные ресурсы, расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, доля субъектов МСП, осуществляющих хозяйственную деятельность более десяти лет, ареал хозяйственной деятельности субъектов МСП и объем их кооперационных взаимодействий с крупным бизнесом и т.п.

Проводятся исследования специфики развития малого бизнеса по сравнению с крупным в промышленной сфере. В частности, отмечается, что малый бизнес растет гораздо более низкими темпами по сравнению с общими изменениями в промышленности, а наращивание инвестиций и выручки приводит к снижению его эффективности (Орехова и Кислицын, 2019). Вносятся предложения ввести особые меры государственного стимулирования малых высокотехнологичных предприятий (Русинов и Эмирбекова, 2019). Обращается также внимание на целесообразность применения франчайзинговых схем, но без конкретизации направлений их деятельности (Беспятых и Беспятых, 2018).

Необходимость привлечения малого бизнеса к решению проблематики данной статьи признается и зарубежными исследователями. Например, в работе, посвященной вопросам устойчивости малого бизнеса в Африке, отмечается, что необходимо начать переход к низкоуглеродной экономике, чтобы малые предприятия превратились в небольшие экологически чистые компании (Msomi and Olarewaju, 2021). Указывается, что малый бизнес не имеет достаточной государственной поддержки для внедрения Интернета вещей (Shukor et al., 2022). Анализируются проблемы внедрения цифровых технологий в малом предпринимательстве (Akpan et al., 2022). Авторы (Adamik and Sikora-Fernandez, 2021) изучают небольшие организации, называемые интеллектуальными IR 4.0, которые, благодаря своим уникальным характеристикам, лучше других справляются с технологическими прорывами, социальными и культурными проблемами, обеспечивают эффективную конкуренцию и экологически устойчивое развитие.

Приведенный обзор показывает, что проблема необходимости включения малых и средних предприятий в решение стратегических императивов человечества осознается в самых различных странах и ведутся поиски ее решения.

Если говорить о методологии исследования, то в идеале, абстрагируясь от антироссийских санкций, исходя из стратегических задач развития России, МСП должен решать задачи, описываемые следующей системой уравнений:

$$\text{МСП} \in \{F_1, F_2, F_3, F_4\},$$

где F_i – соответствующие направления стратегического развития национальных экономик, указанные во введении (F_1 – индустриализация 4.0, F_2 – импортозамещение, F_3 – национальная безопасность, F_4 – декарбонизация).

Использован модифицированный GAP-анализ. Его суть – в реализации следующего алгоритма:

1) выявление существующих моделей направлений стратегического развития национальных экономик (пучка моделей);

- 2) формирование информационной базы современного диагностируемого состояния российского малого бизнеса;
- 3) оценка разрывов эталонного и достигнутого состояний на основе использования качественного, статистического и структурного методов;
- 4) разработка инструментов, способных сократить часть выявленных разрывов.

Табличный метод использован для систематизации аккумулированной информации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Состояние малого и среднего бизнеса России по информационным базам Росстата, цифровой платформы МСП, Федеральной налоговой службы, Яндекса

Рассмотрим возможности диагностирования применения указанных стратегий на основе существующей информационной базы. Результаты сплошной переписи МСП, проведенной Росстатом в 2020 году, показали, что в этой сфере экономики преимущественно занимаются торговлей (оптовой и розничной) и авторемонтом, что дает более половины выручки сектора, 10 % – работают в строительстве и перерабатывающей промышленности¹⁹. Число занятых по этим направлениям составляет 47 % (всего занятых 25,2 млн чел., в том числе торговля – 6,6 млн чел., обрабатывающее производство – 3,2 млн, строительство – 2,1 млн)²⁰. За период с 24 марта по 24 апреля 2022 года бизнес активно развивался. Например, в таблице 2 отражены изменения, происшедшие в Южном федеральном округе. Как видим, наблюдается рост, то есть существует заинтересованность (и необходимость в связи с увеличением безработицы) в создании своего бизнеса. Причем процентные значения роста числа ИНН по субъектам близки между собой, отличаясь по выручке и размеру среднего чека.

В сфере МСП выпускается 9 647 видов продукции из 99 направлений справочника, размещенного на сайте Федеральной налоговой службы²¹, в том числе 4 049 видов (42 %) – по группе товаров, требующих первоочередного импортозамещения или составляющих основу существования страны:

- продовольствие (производство, пищевые продукты и напитки) – 586;
- потребительские товары (мебель, одежда) – 498;
- машины, оборудование, транспорт – 897;
- компьютеры, электрооборудование – 521;
- строительство – 1400;
- жилищно-коммунальное хозяйство – 147.

¹⁹ Более 50 % выручки МСП приходится на сферу торговли и авторемонт [Электронный ресурс] // Мой бизнес. 2022. 24 янв. URL: <https://мойбизнес.рф/smi/bole-50-vyruchki-msp-prikhoditsya-na-sferu-torgovli-i-avtoremont/> (дата обращения: 09.05.2022).

²⁰ Статистика. Бизнес в России [Электронный ресурс] // Официальный сайт АО «Корпорация «МСП». URL: <https://msp.rf/analytics/> (дата обращения: 10.05.2022).

²¹ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 10.09.2022).

Таблица 2 / Table 2

Характеристика малого и среднего предпринимательства в Южном федеральном округе за период 24.03.2022 – 24.04.2022 / Characteristics of small and medium-sized businesses in the Southern Federal District for the period 03/24/2022 – 04/24/2022

Субъект	Выручка		Средний чек		Число ИНН	
	млн руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. шт.	%
Астраханская область	6 654	36,6	4,6	2,8	4,8	36,7
Волгоградская область	15 120	44,0	9,4	25,4	10,6	37,7
Краснодарский край	80 074	37,9	10,1	9,3	38,8	39,2
Республика Адыгея	3 741	25,1	7,2	3,8	2,1	37,9
Республика Калмыкия	1 352	5,1	3,2	6,9	1,3	28,4
Республика Крым	22 733	28,0	11,2	15,1	15,6	36,7
Ростовская область	37 576	33,8	9,3	14,0	23,3	36,0

Источник: составлено авторами.

К импортозамещающей продукции мы отнесли: сельскохозяйственную продукцию, пищевые продукты, текстиль и текстильные изделия, бумагу, химические вещества, лекарства, изделия из резины и пластмассы, прочую неметаллическую минеральную продукцию, металлы и изделия из них, персональные компьютеры, электрооборудование, прочие машины и оборудование. В таблице 3 приведена характеристика производящих эту продукцию субъектов МСП.

Таблица 3 / Table 3

Характеристика субъектов малого и среднего предпринимательства, производящих импортозамещающую продукцию / Characteristics of small and medium-sized businesses producing import-substituting products

Показатель	Число субъектов, шт.	Число работников, чел.	Число позиций, шт.
Всего, из них	5 828 159	15 240 929	2 192
– По масштабу:			
микропредприятия, из них	5 596 562	7 375 731	1 674
вновь созданные	735 743	0	44
малые	213 644	5 965 533	404
средние	17 953	1 899 665	114
– По организационной форме:			
индивидуальные предприниматели	3 593 445	2 742 816	483
юридические лица	2 234 714	12 498 113	1 709

Источник: составлено авторами на основе Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства²².

²² Там же.

Анализ данных таблицы 3 показывает, что по организационной форме большее число позиций производят юридические лица (1 709 против 483 у индивидуальных предпринимателей), по масштабу – микро- и малые предприятия. Отношение числа позиций к числу предприятий больше у средних и составляет 0,006 (у малых – 0,002, у микро – 0,0003). Численность занятых на одно среднее предприятие составляет 105,8 человека, малое – 27,9, микро – 1,3. То есть производственные возможности импортозамещения в большей степени есть у средних предприятий. Малые и микропредприятия фактически не обладают необходимой производственной базой.

В таблице 4 приведены характеристики развития МСП по двум наиболее важным товарным позициям – продовольствие (развитие сельского хозяйства) и выпуск компьютерного, электро- и оптического оборудования.

Таблица 4 / Table 4

Характеристики суммарного количества продукции и услуг по субъектам малого и среднего предпринимательства, обеспечивающим производство продовольствия и цифрового оборудования / Characteristics of the total number of products and services by small and medium-sized businesses providing food and digital equipment production

Показатель	Продукция и услуги сельского хозяйства и охоты, шт.	Оборудование компьютерное, электронное и оптическое, шт.
Всего, их них	180	302
микропредприятия, из них	95	275
вновь созданные	1	4
малые	48	26
средние	37	1

Источник: составлено авторами.

Заметно, что наиболее широкую линейку предлагают микропредприятия, работающие уже на протяжении некоторого времени, но, в силу своего размера, они имеют незначительные производственные мощности. Идет процесс активизации импортозамещения, хотя этот процесс является неоднородным: большие возможности есть у средних предприятий, но на более широкую номенклатуру ориентированы микропредприятия. Представляется, что импортозамещение пока является скорее потенциальным, чем фактическим. Такие выводы позволяет сделать характеристика запросов в Яндексе о том, какой бизнес хотят открыть россияне²³. Наиболее привлекательными выступают виды деятельности с относительно небольшим сроком окупаемости и размером первоначального капитала. На протяжении всех десяти лет исследований – кафе и магазины одежды, последние годы – таксопарки, пункты выдачи заказов, курьерские компании, кухни с доставкой. Преоб-

²³ Какой бизнес хотят открыть россияне. По данным поиска Яндекса [Электронный ресурс] // Яндекс. 2021. 14 апр. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2021/business> (дата обращения: 07.05.2022).

ладающие в конкретном регионе бизнес-идеи различны, но все они связаны с предоставлением услуг, а не ведением производства.

К запрашиваемым видам бизнеса, связанным с производством, относятся: пекарня – небольшая, на дому, в маленьком городе, в деревне, по франшизе; пошив одежды – детской, на дому, мини-цех, с заказом через Интернет; строительная компания – строительство и ремонт, частные дома, каркасные дома, дорожное строительство; ферма – для разведения коров, страусовая, рыбная, для разведения птицы²⁴. При этом обращает на себя внимание, что все виды деятельности в большей степени основываются на применении интернет-коммерции. Так, в 2020 году наиболее популярными стали пункты выдачи заказов, курьерские компании, кухни с доставкой; в последние годы в топ-3 вошли таксопарки²⁵.

Таким образом, данные о состоянии малого бизнеса в Российской Федерации показывают, что этот сектор экономики активно развивается, но при этом степень его включенности в индустриализацию 4.0, импортозамещение, национальную безопасность и декарбонизацию диагностировать фактически невозможно. Более того, учитывая запросы в Яндексе, у потенциальных предпринимателей существует заинтересованность в организации видов деятельности с быстрым сроком окупаемости, что не характерно для рассматриваемых стратегических направлений.

Проанализируем, какие меры стимулирования приняты для включения малого бизнеса в основные стратегические императивы.

Малый и средний бизнес в российских моделях индустриализации 4.0, импортозамещения, национальной безопасности и декарбонизации

Общая стратегия развития МСП отражена в национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Согласно ныне действующей редакции паспорта проекта, в него входят четыре федеральных проекта: поддержка самозанятых, предакселерация, акселерация субъектов МСП, цифровая платформа МСП²⁶. Первые три связаны с развитием хозяйствующих субъектов на различных этапах их существования, последний – с созданием цифровой экосистемы поддержки субъектов МСП. Результативность первой группы федеральных проектов определяется по росту числа предпринимателей, их выручки, привлечения ими рабочей силы. Для этого предполагается использовать все формы поддержки: финансовую, информационно-консультационную, имущественную (льготная аренда), доступ к коммерческим электронным площадкам, сокращение отчетности. На стадиях самозанятых и предакселерации не выделяются какие-либо направления деятельности, отражающие решение

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/ (дата обращения: 07.06.2022).

приведенной выше системы уравнений. На стадии акселерации предусмотрена поддержка лизинговых отношений, инноваций, экспорта, поставок крупным заказчикам. Другими словами, направления работы малого бизнеса учитываются только на этой стадии. На остальных же этапах поддерживаются все виды деятельности МСП, безотносительно того, являются они инновационными или нет.

В соответствии с запланированными в национальном проекте мероприятиями к настоящему времени принят ряд мер, связанных с включенностью малого бизнеса в основные стратегические направления развития страны, а именно:

а) Корпорацией МСП:

- приняты антикризисные меры поддержки бизнеса: на федеральном уровне – обнуление налога на добавленную стоимость для гостиничного бизнеса, кредиты под 3 % для инновационных МСП, кредитные каникулы, субсидии при трудоустройстве молодежи; на региональном уровне – снижение ставок налога по упрощенной системе налогообложения в Волгоградской области для производственных предприятий, льготные условия предоставления микрозаймов в Ивановской, Курской областях, Ненецком автономном округе;

- обеспечена покупка программного обеспечения с 50 %-ной скидкой для автоматизации документооборота, управления персоналом, логистики, торговли и т.п.;

- предоставлен льготный лизинг станков, приборов, устройств, аппаратов и технологических линий в сферах машиностроения, химии, фармацевтики, электроники и т.п.;

- запущен сервис «Производственная кооперация и сбыт», способствующий импортозамещению за счет получения информации о заказчиках и поставщиках в реестрах промышленных предприятий, поставщиков продуктов питания. Разработаны «Витрина закупок малого объема» по 223-ФЗ²⁷ (до 500 тыс. руб.) и Программа «выращивания» поставщиков. Последняя включает пока 11 крупнейших российских заказчиков. Этот сервис ориентирован на предприятия, осуществляющие инновации и/или локализацию производства на территории России;

- создан сервис «Бизнес-обучение», позволяющий определить свои компетенции, пройти дистанционное обучение, получить консультацию наставников;

б) Минпромторгом России совместно с Электронной торговой площадкой Газпромбанка и Агентством по технологическому развитию запущена биржа импортозамещения, включающая два каталога – санкционных товаров и импортозамещающих. Заказчики могут размещать заявки на приобретение необходимой продукции, поставщики – находить новые рынки сбыта, получать автоматические приглашения к торгам;

²⁷ О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц [Электронный ресурс]: Федер. закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ. URL: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-18072011-n-223-fz-o/> (дата обращения: 12.04.2022).

в) регионами продолжена реализация планов импортозамещения, принятых в предыдущие годы. В таблице 5 на примере субъектов Южного федерального округа отражены мероприятия, включенные в эти планы и связанные с развитием МСП.

Таблица 5 / Table 5

Малое и среднее предпринимательство в планах импортозамещения субъектов Южного федерального округа / Small and medium-sized businesses in import substitution plans of Southern Federal District regions

Субъект	МСП в контрольных показателях	Меры стимулирования
Астраханская область	Крестьянские, фермерские хозяйства при выращивании овощей	Поручительства, микрозаймы субъектам МСП, бизнес-инкубатор, кластер, инжиниринговый и экспортный центры
Волгоградская область	Отдельно не приведены	Отдельно не приведены
Краснодарский край	Субъекты МСП, поддержанные инжиниринговым центром унитарной НКО «Фонд развития бизнеса Краснодарского края»	Развитие малых форм хозяйствования, предоставление грантов в сфере агропромышленного комплекса, услуги инжинирингового центра унитарной НКО «Фонд развития бизнеса Краснодарского края»
Республика Адыгея	Число крестьянских (фермерских) хозяйств, осуществивших с государственной поддержкой проекты создания и развития хозяйств начинающих фермеров и семейных животноводческих ферм	Компенсация затрат субъектов МСП на участие в выставках по импортозамещению, создание центра поддержки экспорта МСП, гранты фермерским хозяйствам на производство продукции животноводства
Республика Калмыкия	Производство крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и индивидуальными предпринимателями молока, маточного поголовья овец и коз, крупного рогатого скота	Информирование субъектов МСП о мерах по переработке продукции агропромышленного комплекса
Республика Крым	Отдельно не приведены	Отдельно не приведены
Ростовская область	Количество субсидий субъектам МСП, осуществляющим инновационную деятельность	Субсидии субъектам МСП, осуществляющим инновационную деятельность

Источник: составлено авторами на основе региональных нормативных правовых актов²⁸.

²⁸ Составлено по: О региональном плане по импортозамещению в Астраханской области на 2021–2024 годы [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Астрахан. обл.

Анализ данных таблицы 5 позволяет сделать вывод, что разработанные меры направлены на развитие малого бизнеса в целом, без активизации его по стратегическим направлениям развития Российской Федерации. Корпорацией МСП делается упор на организацию импортозамещения с учетом интересов крупных заказчиков; в большей части планов импортозамещения субъектов Южного федерального округа – на повышение продовольственной безопасности (за исключением Ростовской области, особо активно стимулирующей инновационные предприятия). Проблема декарбонизации для малого бизнеса в настоящее время не рассматривается, а переход к индустрии 4.0 выражается в субсидировании приобретения отечественного программного обеспечения.

Таким образом, создаются условия для вовлечения малого бизнеса только в импортозамещение, хотя и ожидается, что оно будет происходить с использованием инноваций и цифровых технологий организации производства. Сложившаяся и развивающаяся система МСП не направлена на формирование индустрии 4.0 и переход к низкоуглеродной экономике.

Для того чтобы оценить, насколько малый бизнес самостоятельно заинтересован в развитии производственной деятельности, проанализируем, какие производственные франшизы приобретались предпринимателями.

Число фирм, предоставляющих франшизы, в 2020 году оценивалось в 2 600²⁹. Из них на производственные приходилось менее 2 %, что, по данным бизнес-портала БИБОСС, совпадает с мировой практикой, но и они фактически предлагают наиболее простые виды производств (см. табл. 6).

от 16.08.2021 № 269-Пр. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574869550> (дата обращения: 12.05.2022); *О региональном плане по импортозамещению в Волгоградской области на 2021–2024 годы* [Электронный ресурс]: Постановление Администрации Волгоград. обл. от 12.04.2021 № 153-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574688174> (дата обращения: 12.05.2022); *Об утверждении Плана мероприятий («дорожной карты») содействия импортозамещению в Краснодарском крае на среднесрочную перспективу* [Электронный ресурс]: Распоряжение главы Администрации (губернатора) Краснодар. края от 28.07.2016 № 257-Р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/537824316> (дата обращения: 13.05.2022); *Об утверждении Плана по импортозамещению Республики Адыгея на 2016–2020 годы* [Электронный ресурс]: Распоряжение Каб. Министров Респ. Адыгея от 26.08.2016 № 185-Р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/432993983> (дата обращения: 12.05.2022); *Об утверждении Плана по импортозамещению Республики Калмыкия на 2016–2020 годы* [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Респ. Калмыкия от 27.07.2016 № 278-Р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/441603794> (дата обращения: 12.05.2022); *Об утверждении Плана по импортозамещению Республики Крым на 2016–2020 годы и признании утратившим силу распоряжения Совета министров Республики Крым от 19 января 2015 года № 4-р* [Электронный ресурс]: Распоряжение Совета министров Респ. Крым от 15.08.2016 № 938-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/413915362> (дата обращения: 13.05.2022); *Об утверждении Регионального плана по импортозамещению в Ростовской области* [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Ростов. обл. от 28.08.2019 № 539. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561539386> (дата обращения: 13.05.2022).

²⁹ Что такое франчайзинг и чем он отличается от франшизы: плюсы и минусы, мнение экспертов [Электронный ресурс] // Дзен. 2020. 4 марта. URL: <https://zen.yandex.ru/media/franshiza/chto-takoe-franchaizing-i-chem-on-otlichaetsia-ot-franshizy-pliusy-i-minusy-mnenie-ekspertov-5e5e73d582f1425df7fa5790> (дата обращения: 25.04.2022).

Таблица 6 / Table 6

Производственные франшизы для малого бизнеса из каталога «500 лучших франшиз 2022» / Production franchises for small businesses from the “Top 500 franchises 2022” catalogue

Наименование	Открыто за год, шт.	Инвестиции, тыс. руб.	Окупаемость, мес.
«Умная SREDA» (экопроизводство уличной мебели из вторсырья)	21	4 500	8
«Русская дымка» (самогонные аппараты)	64	1 300	6
«Копирка» (копировальный центр)	36	2 550	8
“Biovat” (экозаводы по переработке вторсырья, производству целлюлозы, шумо- и теплоизоляционных материалов)	5	15 000	13
“Greenbar” (автономные конструкции для выращивания растений без земли, удобрений и постоянного ухода)	18	1 000	н/д
«Домашние самогоны» (домашние самогонные аппараты)	20	700	7
“Tehnoarm” (производства фасадного декора и утеплителя)	6	2 300	2
«Любимая кухня» (производство кухонь и шкафов-купе)	9	1 500	2
“EcoWorld” (сортировка и переработка мусора)	2	4 600	15
“Н-point” (мастерские по производству и ремонту рукавов высокого давления и жесткого трубопровода)	4	2 000	н/д
«Стройтакси» (диспетчерская служба по заказу строительной и спецтехники)	31	250	4
“Gelateria Plombir” (производство крафтового мороженого по итальянским рецептам)	22	328	4
«Печати5» (изготовление печатей и штампов на заказ)	27	215	3
“ThermoColor” (мини-заводы по производству красок, защитных покрытий и других материалов)	4	1 300	3
“X-DOM” (строительство домов по канадской технологии из SIP-панелей)	1	700	6

Источник: составлено авторами на основе каталога франшиз³⁰.

Анализ каталога «500 лучших франшиз 2022» показал, что производственные франшизы составляют всего 0,03 % и являются гораздо менее востребо-

³⁰ 500 лучших франшиз 2022: рейтинг [Электронный ресурс] // Каталог франшиз “Businessmens.ru”. URL: <https://businessmens.ru/franchise/rating> (дата обращения: 05.05.2022).

ванными по сравнению с такими, как, например, “Wildberries” (в 2022 году приобреталась 8 500 раз), «Кофе с собой» (2 960 раз) или «Кофейни самообслуживания» (1 714 раза). Аналогичная картина складывается и по другим каталогам франшиз³¹. Очевидно, что самостоятельная инициатива развития МСП связана прежде всего с теми видами деятельности, которые быстрее окупаются и требуют минимального количества компетенций. Поэтому недостаточно полагаться на формирование инфраструктуры саморазвития МСП, необходимо появление устойчивого спроса на его потенциальные товары и услуги со стороны крупных производств. Некоторые шаги в этом направлении уже сделаны. Так, в настоящее время, согласно 44-ФЗ³² и 223-ФЗ³³, годовой объем закупок у МСП за счет средств бюджетов и государственных корпораций должен составлять не менее 25 %. Но еще в 2021 году по сравнению с 2020 годом, при меньших нормативах, контракты, заключенные по 44-ФЗ с МСП среди предназначенных для всех поставщиков выросло на 0,6 % по числу и 17 % по стоимости, а среди предназначенных только для МСП на 8 % и 16 % соответственно³⁴. Доля расторгнутых контрактов в первой группе возросла на 6 % по числу и 19 % по стоимости, во второй – 6 % и 18 %³⁵. Расторгнутые контракты означают, что предприниматели по различным причинам не выполнили условия государственной закупки, спрос заказчика остался неудовлетворенным, хотя мог бы обеспечить увеличение занятости, доходов, расширение сферы деятельности МСП. То есть даже в рамках контрактной системы существует нереализованный спрос на виды деятельности, в том числе предназначенные для выполнения исключительно МСП. Решение приведенной проблемы невозможно без расширения компетентностной поддержки развития МСП, которая позволяла бы ему переходить к выполнению производственных процессов, ориентируясь на длительный спрос со стороны крупных игроков рынка.

Таким образом, для включения МСП в основные стратегические императивы: индустриализацию 4.0, импортозамещение, национальную безопасность, декарбонизацию – необходимо дальнейшее совершенствование государственного регулирования деятельности МСП, так как без этого оно по-прежнему будет заниматься преимущественно сферой услуг и наиболее простыми видами производств.

³¹ Франшизы для малого бизнеса 2021–2022 [Электронный ресурс] // Каталог франшиз frmall. URL: <https://frmall.ru/katalog-franshiz/dlya-malogo-biznesa/> (дата обращения: 06.05.2022).

³² О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: Федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ. URL: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-05042013-n-44-fz-o/> (дата обращения: 12.04.2022).

³³ О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц...

³⁴ Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», за 2021 г. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва финансов Рос. Федерации. 2022. 1 июня. С. 18. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/06/main//2021_Year.pdf (дата обращения: 06.06.2022).

³⁵ Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующие в России информационные базы на сегодняшний день не позволяют оценить вклад МСП в реализацию основных стратегических императивов. Проведенный анализ показал, что в России стимулируется расширение МСП, активизация его деятельности преимущественно по импортозамещению и связанным с ним параметрам индустрии 4.0. МСП занимает сферы деятельности с быстрым сроком окупаемости и не связано с промышленным производством.

Необходима корректировка принимаемых Правительством Российской Федерации мер для обеспечения большей включенности МСП в производственные цепочки.

Для этого мы предлагаем следующее:

- передать от крупного бизнеса малому на аутсорсинг узкоспециализированные услуги, например маркетинга и доставки, использовать шеринг заказов и ресурсов;
- стимулировать привлечение МСП маркетплейсами;
- модифицировать программу «Вырасти поставщика», участниками которой к настоящему времени стали 25 корпораций. Ее недостаток заключается в том, что необходимым условием вступления в программу является производство продукции, определенной заказчиком, то есть МСП заранее должно обеспечивать выпуск конкретной продукции. Такой подход не позволяет создавать новые малые производственные предприятия. Требуется работать над привлечением специалистов, способных осуществлять производство необходимых комплектующих, предоставлять им помощь в организации бизнеса путем передачи в лизинг оборудования. Выгода крупного бизнеса очевидна – разделение рисков производственного процесса с МСП, повышение загрузки производственных мощностей, появление заточенных под конкретные нужды кадров. Одна из задач, встающая при этом перед крупными предприятиями, – проводить обучение МСП как по организации производственного процесса, так и по ведению предпринимательской деятельности, что даст выигрыш в качестве получаемой продукции, формировании конкурентной среды потенциальных исполнителей. Такие задачи могут решаться при интеграции крупного бизнеса и технических вузов и в будущем привести к росту популярности производственных франшиз. Все это позволит не только стимулировать развитие МСП, но и повысить его включенность в решение стратегических императивов развития России: индустриализации 4.0, импортозамещения, роста национальной безопасности, перехода к низкоуглеродной экономике.

Список источников

Беснятых В. И., Беснятых А. В. Продвижение инноваций в малый бизнес через франчайзинговые схемы // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 3, № 8. С. 76–82.

Бухвальд Е. М. Переживет ли малый бизнес России шок 2020 года? // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 5. С. 1319–1336. <https://doi.org/10.18334/epp.10.5.110134>.

Виленский А. В. От свободных экономических зон к территориям опережающего развития // *Федерализм*. 2020. № 1. С. 27–43. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-27-43>.

Глубокова Н. Ю., Еремкина К. А. Малый и средний бизнес в России сегодня // *Экономические исследования и разработки*. 2022. № 2. С. 22–28.

Гусев А. К., Жеребцов В. И. Малый бизнес и инновации: основные проблемы и пути решения // *Вестник национального института бизнеса*. 2018. № 35. С. 21–27.

Зарубежный опыт импортозамещения / сост. С. Чебанов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 5. С. 5–19.

Касимова Д. Ф., Касимов Т. С. Малый бизнес: анализ предварительных итогов экономической переписи 2020 г. // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2022. № 3. С. 104–112. <https://doi.org/10.34773/EU.2022.3.20>.

Кремин А. Е. Направления государственной поддержки развития малого бизнеса регионов // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2018. № 12–1. С. 184–188. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2018-10245>.

Кузьменкова В. Д. Проникновение цифровых технологий в малый и средний бизнес российских компаний // *Экономика устойчивого развития*. 2019. № 4. С. 143–147.

Лузянин С. Г., Троцкий П. В. Обеспечение национальной безопасности Китая на современном этапе (нормативно-правовой аспект) // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 1. С. 60–69. <https://doi.org/10.12737/art.2018.1.8>.

Мамонов М. В. Малый бизнес в экономике России // *Научное обозрение. Экономические науки*. 2019. № 3. С. 15–19.

Мешкова Д. А. Малый бизнес без ЕНВД: организации переходят на иной налоговый режим // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2020. Т. 2, № 6. С. 4–7. <https://doi.org/10.34684/ek.ur.p.r.2020.06.02.001>.

Норин В. Г., Волкова Я. С. Инновации в малый бизнес как инструмент национальной безопасности // *Управление инвестициями и инновациями*. 2018. № 2. С. 80–87. <https://doi.org/10.14529/iimj180213>.

Орехова С. В., Кислицын Е. В. Малый бизнес и структурные сдвиги в промышленности // *Terra Economicus*. 2019. Т. 17, № 4. С. 129–147. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-4-129-147>.

Петровская А. В., Ермакова Ю. С. Малый бизнес в условиях пандемии: проблемы и пути решения // *Экономика: теория и практика*. 2020. № 2. С. 133–139.

Прусова В. И., Безновская В. В., Губжкова Д. Х. Особенности экономического развития Сингапура // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2017. № 5. С. 42–47.

Русинов В. М., Эмирбекова А. А. Высокотехнологичные предприятия в Российской Федерации: малый бизнес // *Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук*. 2019. № 2. С. 60–62. <https://doi.org/10.26163/GIEF.2019.70.32.010>.

Синицына И. В., Пучкова Е. М., Никулина О. Н. Современные реалии влияния пандемии COVID-19 на малый бизнес и потребность в государственной поддержке // *Вестник института дружбы народов Кавказа (теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки*. 2020. № 2. С. 93–96.

Федоров В. П. Германия: в окружении проблем // Современная Европа. 2020. № 2. С. 33–44. <https://doi.org/10.15211/soveurope220203344>.

Хаматханова М. А. Малый и средний бизнес в условиях пандемии коронавируса // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11, № 2–1. С. 208–215. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.54.11.026>.

Чуриканова Е. А. Малый и средний бизнес в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 7. С. 257–259. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10633>.

Шаринов С. А. Личные подсобные хозяйства и малый аграрный бизнес нуждаются в государственной поддержке // Продовольственная политика и безопасность. 2020. Т. 7, № 1. С. 59–70. <https://doi.org/10.18334/ppib.7.1.100922>.

Щетинина Н. Ю. Индустрия 4.0: практические аспекты реализации в российских условиях // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2017. № 1. С. 75–84.

Adamik A., Sikora-Fernandez D. Smart organizations as a source of competitiveness and sustainable development in the age of industry 4.0: Integration of micro and macro perspective // Energies. 2021. Vol. 14, № 6. P. 15–72. <https://doi.org/10.3390/en14061572>.

Akpan I. J., Udoh E. A. P., Adebisi B. Small business awareness and adoption of state-of-the-art technologies in emerging and developing markets, and lessons from the COVID-19 pandemic // Journal of Small Business and Entrepreneurship. 2022. Vol. 34, № 2. P. 123–140. <https://doi.org/10.1080/08276331.2020.1820185>.

Msoni T. S., Olarewaju O. M. Climate change and the sustainability of small businesses in Africa // Handbook of research on climate change and the sustainable financial sector / Ed. by O. M. Olarewaju, I. O. Ganiyu. Hershey: IGI Global, 2021. P. 252–266. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-7967-1.ch015>.

Shukor R. A., Kian M. W., Ahmad M. N. Small and medium enterprises' business sustainability based on the industry 4.0 internet of things adoption: A Malaysian Bumiputera case study // Serbian Journal of Management. 2022. Vol. 17, № 1. P. 99–110. <https://doi.org/10.5937/sjm17-35505>.

Информация об авторах

И. В. Митрофанова – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории региональной экономики ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, 41

SPIN-код (РИНЦ): 1339-6800

AuthorID (РИНЦ): 251182

Web of Science ResearcherID: S-8203-2016

Т. Б. Иванова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры корпоративного управления Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 400066, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8; профессор кафедры экспертизы и эксплуатации

объектов недвижимости Института архитектуры и строительства ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», 400074, Россия, г. Волгоград, ул. Академическая, 1
SPIN-код (РИНЦ): 9190-9220
AuthorID (РИНЦ): 221498
Web of Science ResearcherID: E-9478-2019

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.07.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 12.09.2022.

References

- Bespyatykh, V. I. and Bespyatykh, A. V. (2018), "Promotion of innovations in small business through franchising schemes", *Economics and management: problems, solutions*, vol. 3, no. 8, pp. 76–82.
- Bukhvald, E. M. (2020), "Will Russia's small business survive the shock of 2020?", *Economics, Entrepreneurship and Law*, vol. 10, no. 5, pp. 1319–1336, <https://doi.org/10.18334/epp.10.5.110134>.
- Vilensky, A. V. (2020), "From free economic zones to territories of advanced development", *Federalism*, no. 1, pp. 27–43, <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-27-43>.
- Glubokova, N. Yu. and Eremkina, K. A. (2022), "Small and medium-sized business in Russia today", *Economic development research journal*, no. 2, pp. 22–28.
- Gusev, A. K. (2018), "Small business and innovations: Main problems and solutions", *Bulletin of the National Institute of Business*, no. 35, pp. 21–27.
- Chebanov, S. (ed.) (2016), "Foreign experience of import substitution", *World economy and international relations*, vol. 60, no. 5, pp. 5–19.
- Kasimova, D. F. and Kasimov, D. S. (2022), "Small business: Analysis of preliminary results of the 2020 economic census", *Economics and Management: Research and Practice Journal*, no. 3, pp. 104–112, <https://doi.org/10.34773/EU.2022.3.20>.
- Kremin, A. E. (2018), "Directions of state support of development of small business of regions", *Journal of Economy and Business*, no. 12-1, pp. 184–188, <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2018-10245>.
- Kuzmenkova, V. D. (2019), "Performance of digital technologies in small and medium businesses of Russian companies", *Economics of Sustainable Development*, no. 4, pp. 143–147.
- Luzyanin, S. G. and Troshchinsky, P. V. (2018), "Ensuring China's national security at the present stage (normative and legal aspect)", *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, no. 1, pp. 60–69, <https://doi.org/10.12737/art.2018.1.8>.
- Mamonov, M. V. (2019), "Small business in Russian economy", *Scientific Review. Economic Sciences*, no. 3, pp. 15–19.

Meshkova, D. A. (2020), "Small business without UTII: Organizations go to a other tax regime", *Economics and management: problems, solutions*, vol. 2, no. 6, pp. 4–7, <https://doi.org/10.34684/ek.up.p.r.2020.06.02.001>.

Norin, V. G. and Volkova, Y. S. (2018), "Innovations in small business as a tool of national security", *Investment and Innovation Management Journal*, no. 2, pp. 80–81, <https://doi.org/10.14529/iimj180213>.

Orekhova, S. V. and Kislitsyn, E. V. (2019), "Small business and structural changes in industry", *Terra Economicus*, vol. 17, no. 4, pp. 129–147, <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-4-129-147>.

Petrovskaya, A. V. and Ermakova, Yu. S. (2020), "Small business in a pandemic: Problems and solutions", *Economics: Theory and Practice*, no. 2, pp. 133–139.

Prusova, V. I., Beznovskaya, V. V. and Gubzhokova, D. K. (2017), "Features of economic development of Singapore", *Economics and business: theory and practice*, no. 5, pp. 42–47.

Rusinov, V. M. and Emirbekova, A. A. (2019), "High-tech enterprises in the Russian Federation: Small business", *Herald of education and science development of Russian Academy of Natural Sciences*, no. 2, pp. 60–62, <https://doi.org/10.26163/GIEF.2019.70.32.010>.

Sinityna, I. V., Puchkova, E. M. and Nikulina, O. M. (2020), "Modern realities of the impact of the COVID-19 pandemic on small business and the need for state support", *Bulletin Peoples' Friendship Institute of the Caucasus (Theory of Economics and Management of the National Economy)*. *Economic Sciences*, no. 2, pp. 93–96.

Fedorov, V. P. (2020), "Germany: Encircled by problems", *Contemporary Europe*, no. 2, pp. 33–44, <https://doi.org/10.15211/soveurope220203344>.

Khamatkhanova, M. A. (2021), "Small and medium-sized businesses in the context of the coronavirus pandemic", *Economy: Yesterday, Today and Tomorrow*, vol. 11, no. 2–1, pp. 208–215, <https://doi.org/10.34670/AR.2021.54.11.026>.

Chirikanova, E. A. (2020), "Small and medium business in Russia", *Economics and business: theory and practice*, no. 7, pp. 257–259, <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10633>.

Sharipov, S. A. (2020), "Private subsidiary farms and small agricultural business in need of state support", *Food Policy and Security*, vol. 7, no. 1, pp. 59–70, <https://doi.org/10.18334/ppib.7.1.100922>.

Shchetinina, N. Yu. (2017), "Industry 4.0: Practical aspects of introduction in the Russian conditions", *Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*, no. 1, pp. 75–84.

Adamik, A. and Sikora-Fernandez, D. (2021), "Smart organizations as a source of competitiveness and sustainable development in the age of industry 4.0: Integration of micro and macro perspective", *Energies*, vol. 14, no. 6, pp. 15–72, <https://doi.org/10.3390/en14061572>.

Akpan, I. J., Udoh, E. A. P. and Adebisi, B. (2022), "Small business awareness and adoption of state-of-the-art technologies in emerging and developing markets, and lessons from the COVID-19 pandemic", *Journal of Small Business and Entrepreneurship*, vol. 34, no. 2, pp. 123–140, <https://doi.org/10.1080/08276331.2020.1820185>.

Msomi, T. S. and Olarewaju, O. M. (2021), "Climate change and the sustainability of small businesses in Africa", in Olarewaju, O. M. and Ganiyu, I. O. (eds.), *Handbook of research on climate change and the sustainable financial sector*, pp. 252–266, IGI Global, Hershey, PA, US, <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-7967-1.ch015>.

Shukor, R. A., Kian, M. W. and Ahmad, M. N. (2022), "Small and medium enterprises' business sustainability based on the industry 4.0 internet of things adoption: A Malaysian Bumiputera case study", *Serbian Journal of Management*, no.17, no. 1, pp. 99–110, <https://doi.org/10.5937/sjm17-35505>.

Information about the authors

I. V. Mitrofanova – Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Regional Economics, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 41 Chekhov ave., Rostov-on-Don, 344006, Russia

SPIN-code (RSCI): 1339-6800

AuthorID (RSCI): 251182

Web of Science ResearcherID: S-8203-2016

T. B. Ivanova – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Corporate Management, Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation), 8 Gagarin str., Volgograd, 400066, Russia; Professor of the Department of Expertise and Operation of Real Estate, Institute of Architecture and Construction, Volgograd State Technical University, 1 Academic str., Volgograd, 400074, Russia

SPIN-code (RSCI): 9190-9220

AuthorID (RSCI): 221498

Web of Science ResearcherID: E-9478-2019

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 12.07.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 532–553.

Ars Administrandi. 2022. Vol. 14, no. 3, pp. 532–553.

Научная статья

УДК 323

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-532-553>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ КРУПНОГО БИЗНЕСА В МАЛЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

Татьяна Борисовна Витковская¹

¹ Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия, vit.tatiana@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1281-1292>

Аннотация. Введение: автором предпринята попытка продемонстрировать и объяснить вариативность роли крупных предприятий в городской политике и управлении; статья сфокусирована на том, какие условия, мотивы и интересы лежат в основе политического участия (или неучастия) частного бизнеса в городской политической жизни. **Цель:** выявить политические стратегии крупного бизнеса, связанного с городскими сообществами, через расположенные на городской территории предприятия, и проследить их динамику в течение последнего десятилетия. **Методы:** эмпирической основой исследования выступили материалы полуструктурированных интервью с участниками городской политики ($n = 8$); данные электоральной статистики и сведения о кандидатах, предоставляемые избирательными комиссиями, по муниципальным выборам; биографическая информация о главах городов, депутатах городских legislatures и менеджменте предприятий, собранная на основе открытых данных, размещенных на официальных сайтах органов государственной власти и местного самоуправления и предприятий. **Результаты:** в статье представлены результаты исследования локальных политических ландшафтов двух малых городов – Верхней Туры (Свердловская область) и Губахи (Пермский край), на территории которых расположены крупные промышленные предприятия; выявлены две политические стратегии – стратегия дистанцирования от городской политики и стратегия ограниченного политического пред-

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ставительства в городе, дополненная политической и лоббистской активностью на региональных площадках. **Выводы:** доминирование крупного предприятия в экономической жизни города не означает его доминирования в городском политическом пространстве; роль политического лидера или координатора городской политики не обязательно интересна крупному бизнесу, а ее обретение требует высокой электоральной активности, организационных усилий и финансовых вложений.

Ключевые слова: городская политика, местное самоуправление, глава города, локальная легислатура, муниципальный депутатский корпус, промышленное предприятие, градообразующее предприятие, Россия

Благодарности: при подготовке статьи использованы сведения из базы данных «Политическое пространство промышленных городов Урала», созданной в рамках реализации проекта № 18-6-6-29 «Политическое пространство промышленных городов Урала: институты, идентичности, практики» (проект в рамках программы фундаментальных исследований УрО РАН). Автор благодарит руководителя проекта П. В. Панова и коллег по исследовательскому коллективу проекта.

Для цитирования: Витковская Т. Б. Политические стратегии крупного бизнеса в малых российских городах // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 532–553. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-532-553>.

Original article

POLITICAL STRATEGIES OF LARGE BUSINESS IN SMALL RUSSIAN TOWNS

Tatyana B. Vitkovskaya¹

¹Perm Federal Research Center, Institute of Humanitarian Studies, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia, vit.tatiana@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1281-1292>

Abstract. Introduction: the author attempts to demonstrate and explain the variability of large enterprises roles in urban policy and management focusing on conditions, motives and interests underlying the private business political participation (or non-participation) in urban politics. **Objectives:** to identify political strategies of large business connected with urban communities through enterprises located in the urban areas, to trace their dynamics over the past decade. **Methods:** the empirical basis of the study is made up by the materials of semi-formalized interviews with participants in urban politics ($n = 8$); data on electoral statistics and information about candidates in municipal elections provided by election commissions; biographical information about the mayors, deputies of local legislatures and managers of large enterprises, collected through open data on the official websites of state authorities and local governments and enterprises. **Results:** the article presents the results of the local political landscapes study in two small towns – Verkhnyaya Tura (Sverdlovsk region) and Gubakha (Perm region), having locations of large industrial enterprises; two political strategies have been identified, namely, the strategy of distancing from urban politics, and the strategy of limited political representation in the town scene, complemented by political and lobbying activity on regional level. **Conclusions:** the dominance of a large enterprise in the town's economic life does not mean its dominance in the urban politics; large business do not necessarily take interest in the role of a political leader or coordinator of urban policy and acquiring such a role requires high electoral activity, organizational efforts and financial investments.

Keywords: urban politics, local government, mayor, local legislature, municipal deputy corps, industrial enterprise, city forming enterprise, Russia

Acknowledgements: this article uses the data from “Political space of industrial cities of the Urals” database created within the framework of the project no. 18-6-6-29 “Political space of industrial cities of the Urals: institutions, identities, practices” (project within the framework of the fundamental research program of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences). The author expresses her gratitude to the project leader P. V. Panov and colleagues in the project research team.

For citation: Vitkovskaya, T. B. (2022), “Political strategies of large business in small Russian towns”, *Ars Administrandi*, vol. 14, no. 3, pp. 532–553, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-532-553>.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к локальной политике в современной России сформировал направление политологических исследований, сфокусированное на трансформациях местного самоуправления, формировании и реализации политики в пределах муниципальных образований. Авторы осмысливают и объясняют политические процессы, протекающие на уровне локальной публичной власти.

В российской политологии региональные исследования преобладают над локальными, но постепенно накапливается и опыт изучения локальных политических порядков. Относительно слабая изученность муниципальной проблематики связана также с тем, что такие изыскания ведутся не более двух десятилетий. В западной политической науке продуктивность анализа манифестации различных социальных феноменов на городских площадках была обоснована почти сто лет назад исследованиями чикагской школы (Park, 1967), а значимость изучения политики в городском пространстве понята более 50 лет назад под влиянием работ Флойда Хантера и Роберта Даля и их последователей (Hunter, 1953; Dahl, 1961). В России политологическое изучение локальных практик началось в этом столетии, а потому здесь остаются востребованными и проведение эмпирических исследований власти и управления на местах, и обобщение накапливаемого эмпирического материала, и концептуальный анализ проблематики локальной политики.

В частности, представляется актуальным изучение активности крупного бизнеса на городских политических площадках. В городских сообществах круг политических игроков узок и зачастую ограничивается главой с исполнительными полномочиями и легислатурой как коллективным игроком. Это задает фокус многих исследований городской политики, обоснованно сосредоточенных на представителях публичной власти. Бизнесу как игроку, который может конвертировать экономические ресурсы в капитал политического влияния, уделяется меньше внимания.

Исследования политического поведения крупного бизнеса чаще сосредоточены не на городских, а на региональных площадках. Проблематика отношений бизнеса и власти раскрывается в работах, исследующих региональ-

ные элиты, где политологические сюжеты перемежаются с экономическими (Лапина и Чирикова, 2000; Зубаревич, 2005; Зудин, 2005; Чирикова, 2010). Взаимодействия бизнеса и власти остаются особым сюжетом в сборниках, дающих аналитическую панораму деятельности региональных властвующих элит (Игнатов и др., 2004; Дука, 2020). Активность экономических элит является отдельным исследовательским направлением в проектах, посвященных региональным элитам и сосредоточенных на их социальном и профессиональном разнообразии (Дука, 2001; Быстрова и др., 2008).

Ряд исследований рассматривает вовлеченность бизнеса в управление и планирование в крупных городах и формализацию такого участия (Тев, 2006; Тев, 2008; Зубаревич, 2010; Пустовойт и др., 2016; Минаева, 2019).

Категорией городов, которые требуют особого внимания ученых, являются моногорода: в них социальная и политическая активность крупных предприятий задана их градообразующей ролью и соответствует ожиданиям городского сообщества. Проведены исследования в крупных городах, где работают предприятия общенационального масштаба: показательными примерами являются исследования политических режимов в Череповце (Бычкова и Гельман, 2010) и Новокузнецке (Пустовойт, 2014), рассмотрены практики политического участия бизнеса в Магнитогорске, Норильске, Липецке (Ишимов и Капицын, 2012). Изучение российских моногородов с предприятиями меньшего масштаба продемонстрировало не только случаи политической вовлеченности бизнеса (Витковская и Рябова, 2011), но и случаи нарастания экономических проблем и социального неблагополучия при отстранении градообразующего бизнеса от городской жизни (Любовный, 2009).

Специальное место в трудах о политическом участии экономических игроков занимают малые города, где в силу масштаба эффекты политических амбиций крупного бизнеса проявлены особенно четко (Филиппова и Рябова, 2018; Рябова, 2019; Панов, 2019; Чирикова и Ледяев, 2021). В таких исследованиях раскрывается участие бизнеса в формировании городской политики преимущественно через городских глав (Рябова, 2009; Чирикова и Ледяев, 2017).

Многие подобного рода работы отмечают высокий уровень влияния главы в пределах городского пространства, который предопределен институциональным дизайном органов местного самоуправления (Чирикова и Ледяев, 2015). Вместе с тем некоторые эмпирические исследования оспаривают тезис о структурно заданном доминировании главы и показывают, как большой бизнес может играть лидирующую роль (Манокин, 2017; Шкель и др., 2019; Ledyayev and Chirikova, 2019). Вовлечение крупного бизнеса в городскую политику несет с собой существенные изменения: оспаривает лидерство главы, ограничивает влияние представителей публичной власти, меняет расклад сил и динамику локального политического процесса. Потенциал изменений, заложенный в политических амбициях бизнеса, не позволяет оставить политическую деятельность предприятий за рамками ответственного политологического изучения городской политики и городской власти.

Особый интерес с точки зрения настоящего исследования представляют немногочисленные работы, посвященные политическим практикам в городах

присутствия крупного бизнеса, где исследовательский фокус смещен с отношений бизнеса с руководством городской исполнительной власти на взаимное влияние бизнеса и локальных легислатур (Витковская и Рябова, 2016; Подвинцев и Рябова, 2018; Чирикова и Ледяев, 2022).

Общие выводы о высоком политическом потенциале крупного бизнеса оставляют без ответа некоторые вопросы об условиях его мобилизации. Обязательна ли конвертация социального капитала бизнеса в политический для оказания существенного влияния на городскую политику? Неизбежно ли политическое доминирование высокодоходного или крупного бизнеса в «своих» городах? Какие условия и интересы лежат в основе политического участия или неучастия бизнеса? Возможна ли политическая профессионализация менеджмента частных предприятий? Эти вопросы поднимались в исследовании, результаты которого представлены в данной статье.

Мною была предпринята попытка анализа политического выбора, который делает крупный бизнес, связанный с городскими сообществами через расположенные на территории города предприятия. Целью являлось определение политических стратегий крупного бизнеса. Следует отметить, что представленный анализ носит ограниченный характер. Продолжение работы в этом направлении выявит, вероятно, и другие, помимо выделенных, стратегии политического поведения бизнеса. Однако я предполагаю также, что дальнейшие изыскания могут обнаружить распространенность выявленных в статье стратегий. Исследование сфокусировано на политическом представительстве бизнеса на современном этапе, с конца 2000-х годов и до настоящего времени. Особое внимание уделено динамике стратегий политического участия в рассмотренный период.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья опирается на результаты исследования локальных политических ландшафтов в ряде уральских городов. Уральский регион представляется достаточно релевантным для изучения политической активности крупного бизнеса, вовлеченного в городские общественно-политические процессы через местные производственные площадки: благодаря крупным запасам ценных полезных ископаемых на территории региона располагается множество заводов, для нужд которых были построены небольшие города. Сегодня регион характеризуется развитым промышленным производством, большим числом предприятий тяжелой, преимущественно добывающей, промышленности, и большой долей моногородов.

Исследование сосредоточено на малых городах, где расположены крупные (в масштабе такого города) промышленные предприятия. Для углубленного изучения были выбраны города Верхняя Тура, Губаха и Кушва. Малый размер городов предполагает ограниченное число участников политического процесса, масштаб бизнеса делает его высокоресурсным игроком, обладающим большим потенциалом влияния и контроля в городском пространстве. Подобные локальные ландшафты позволяют рассмотреть ситуации широкой представленности бизнеса в органах публичной власти и его глубокой вовле-

ченности в политические процессы и процессы принятия общеобязательных решений, вплоть до «захвата» бизнесом органов местного самоуправления и исполнения им функций, присущих публичной власти (руководства, контроля, стратегического планирования городского развития). Кроме того, такие города предоставляют интересный для исследования включенности бизнеса в городскую политику материал, поскольку являются моногородами и территориями расположения предприятий тяжелой промышленности. Для российских городов с монопрофильным производством традиционно характерна социальная и политическая активность градообразующих предприятий, для последних – тесная связь производства с городской средой, за счет высокой доли работников из числа местных жителей и использования объектов городской инфраструктуры в обеспечении производственного процесса.

В статье представлены результаты исследования в двух городах – Верхняя Тура и Губаха. Выбор городов обусловлен тем, что их градообразующие предприятия выбрали разные стратегии политического участия и реализуемые политические стратегии претерпели существенные изменения за рассматриваемый период. Справедливо будет сказать, что корпоративные политические стратегии оказались противоположными по целям и политическим эффектам, поскольку в одном городе имел место уход градообразующего бизнеса из городской политики, а во втором – «захват» городской политики градообразующим бизнесом¹.

Часть эмпирического материала получена с помощью полуструктурированных интервью с участниками городской политики ($n = 8$). Респондентами выступили представители городской публичной власти в выбранных для исследования городах, включая прямых представителей предприятий в органах местного самоуправления. Интервью были проведены в 2019 году. Респондентам заданы вопросы о корпоративной аффилиации бывших и действующих глав городов и городских депутатов, а также депутатов, избранных в местных округах, о коммуникации представителей предприятий, местного самоуправления и государственной власти, о работе предприятий с городскими и региональными представительными институтами и др.

¹ В городе Кушве формально, опираясь на сведения о доле занятых на городских предприятиях и производственных показателях, можно выделить градообразующее предприятие – Горноблагодатское рудоуправление (подразделение Высокогорского горно-обогатительного комбината). Однако на территории расположено несколько относительно крупных промышленных предприятий, включая завод прокатных валков и комбинат «Молочная благодать». При формальном превосходстве (по экономическим показателям) одного предприятия его политические амбиции и реальная диверсификация местной экономики могут быть ограничены интенциями другого, и тогда активность градообразующего предприятия на поле городской политики может быть не столько отражением выбора его руководства, сколько результатом столкновения интересов нескольких экономических игроков. Участие бизнеса в городской политике в таком локальном контексте должно быть сюжетом отдельной работы; ограниченные рамки статьи не позволяют представить результаты исследования различных локальных ландшафтов – моногородских и диверсифицированных, вместе и в сравнении. Кроме того, в случае именно Кушвы самое крупное предприятие не демонстрирует политической стратегии как таковой, а политическую активность планирует предприятие пищевой промышленности. По этим причинам, чтобы не размывать анализ смежными сюжетами, результаты исследования в Кушве в настоящей статье не представлены.

Другая часть эмпирического материала получена по итогам сбора, систематизации и обобщения информации о персональном составе представительных органов местного самоуправления, биографической информации о главах местного самоуправления и топ-менеджерах градообразующих предприятий в выбранных для исследования городах за период с конца 2000-х по 2022 год. Источники полученных сведений являются открытыми: сайты муниципальных образований, органов местного самоуправления, региональных органов государственной власти², партии «Единая Россия»³, предприятий⁴, СМИ.

Наконец, еще одна часть эмпирического материала получена по итогам анализа электоральной статистики и данных о кандидатах за период с конца 2000-х по 2022 год по выбранным муниципальным образованиям (использованы данные Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, избирательных комиссий муниципальных образований, местных окружных и участковых избирательных комиссий⁵).

Проведенные интервью и другая собранная информация стали основой для анализа выбранных городов методом case-study.

Использована база данных «Политическое пространство промышленных городов Урала», созданная на основе разнообразных источников. В ней представлены сведения по 56 российским городам, включая информацию

² *Городской округ Верхняя Тура* [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Администрации город. окр. Верх. Тура Свердлов. обл. URL: <https://www.v-tura.ru/> (дата обращения: 01.08.2022); *Губахинский муниципальный округ* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Губах. муницип. окр. Перм. края. URL: <https://gubakhaokrug.ru/> (дата обращения: 04.08.2022); *Дума городского округа Верхняя Тура. Структура* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Думы город. окр. Верх. Тура Свердлов. обл. URL: <http://duma-vt.ru/about/2> (дата обращения: 01.08.2022); *Дума Губахинского городского округа* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Губах. город. окр. URL: http://old.gubakhaokrug.ru/Organy-vlasti/gubahinskaja_gorodskaja_duma/ (дата обращения: 01.08.2022); *Законодательное Собрание Пермского края. Состав и структура* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Законодат. Собр. Перм. края. URL: https://www.zsperm.ru/s1/composition_and_structure/overview/ (дата обращения: 05.11.2021); *Законодательное Собрание Свердловской области. Структура* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Законодат. Собр. Свердлов. обл. URL: <http://zssso.ru/structure> (дата обращения: 05.11.2021).

³ *Единая Россия. Пермский край* [Электронный ресурс] // Официальный сайт партии «Единая Россия». URL: <https://permkrai.er.ru/> (дата обращения: 20.11.2021).

⁴ *Верхнетуринский машиностроительный завод* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верхнетур. машиностроит. з-да. URL: <http://vturamp.ru/> (дата обращения: 23.11.2021); *О Метафракс Кемикалс* [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Метафракс Кемикалс». URL: <https://www.metafrax.ru/about> (дата обращения: 12.04.2022).

⁵ *Архив выборов и референдумов* [Электронный ресурс] // Официальный сайт избират. комис. Перм. края. URL: <http://permkrai.izbirkom.ru/vybory-i-referendумы/arkhiv-vyborov/index.php> (дата обращения: 14.07.2022); *Вестник территориальных избирательных комиссий Свердловской области* [Электронный ресурс] // Портал избират. комис. Свердлов. обл. URL: <http://ikso.org/> (дата обращения: 11.07.2022); *Выборы в органы местного самоуправления* [Электронный ресурс] // Официальный сайт избират. комис. Свердлов. обл. URL: <http://sverdlovsk.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendумы/vybory-organov-mestnogo-samoupravleniya.php> (дата обращения: 11.07.2022); *Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центр. избират. комис. Рос. Федерации. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 15.06.2022); *Территориальные комиссии* [Электронный ресурс] // Един. портал избират. комис. Перм. края. URL: <http://59tik.permkrai.ru/> (дата обращения: 14.07.2022).

о социально-экономических показателях (в том числе производственные показатели градообразующих предприятий и характеристики городских бюджетов), городских политических институтах, политико-символическом пространстве городов⁶.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Верхняя Тура: уход градообразующего бизнеса из городской политики

Город Верхняя Тура, расположенный в Свердловской области, возник как поселение при чугунолитейном заводе и в настоящее время является моногородом, градообразующим предприятием для которого выступает Верхнетуринский машиностроительный завод⁷.

Действующий глава города – самый молодой представитель мэрского корпуса Свердловской области, и вся его карьера связана с администрацией города, где он работает с 24 лет. Ни образование, ни карьерная траектория не связаны с градообразующим заводом или сферой промышленного производства. Действующий глава был избран в 2017 году и переизбран в 2022-м в рамках конкурсных процедур. По мнению местных экспертов, оба конкурса на замещение должности были конкурентными, но и в том, и в другом случае его основным конкурентом был представитель местного жилищно-коммунального хозяйства, не аффилированный с заводом.

Депутатский корпус городской думы состоит из 16 депутатов. Половину действующего созыва составляют представители муниципальных бюджетных учреждений: больницы, школ, учреждений физической культуры, спорта и туризма. Четыре депутата – индивидуальные предприниматели и владельцы местных малых предприятий, два – представители Свердловской энергетической компании, два – временно не работающие. С учетом статуса и сферы занятости ни один из депутатов не имел бы явного преимущества перед кандидатами от предприятия, если бы они участвовали в муниципальных выборах. Состав депутатского корпуса отражает отсутствие у предприятия интереса к городской думе как площадке представительства.

Важный для лоббирования интересов бизнеса пост председателя городской думы также не занят представителем градообразующего предприятия. Думу возглавляет выходец из компании, аффилированной с Уральской горно-металлургической компанией и созданной для освоения лесов и развития деревообрабатывающего производства на территории Верхней Туры. Директор Верхнетуринского завода, как и представители заводского менеджмента, не имеет мандата депутата действующего созыва думы. Таким обра-

⁶ База данных «Политическое пространство промышленных городов Урала» составлена исследовательским коллективом под руководством П. В. Панова в рамках проекта «Политическое пространство промышленных городов Урала: институты, идентичности, практики». Не опубликована // Из лич. арх. авт.

⁷ О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов) [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29.07.2014 № 1398-р. URL: <https://base.garant.ru/70707138/> (дата обращения: 24.12.2021).

зом, в настоящее время машиностроительный завод убедительно дистанцировался от городской политики и управления.

Исследование выявило различные практики политического участия предприятия в период с конца 2000-х до конца 2010-х годов: избрание представителей градообразующего бизнеса в думу, формирование организованных депутатских групп из избранных представителей, аффилиацию главы города с предприятием. С 2011 по 2017 год высший муниципальный пост занимал глава, аффилированный с Верхнетуринским машиностроительным заводом: он работал на предприятии 35 лет, был заместителем директора по экономике и финансам 10 лет. Бывший глава поддерживал коммуникацию с менеджментом завода и учитывал его интересы при выработке курса городской администрации. Выборы 2009 года ввели в состав думы четырех представителей градообразующего предприятия, и в течение пяти лет они работали как единая группа: действовали согласованно, голосовали одинаково, контролировались менеджментом. В их числе не было представителей директората, но они составляли четверть депутатского корпуса. На этом этапе дума выступала площадкой, на которой представители предприятия активно участвовали в нормотворческой деятельности в соответствии с официальной процедурой и взаимодействовали с депутатским большинством из муниципальных бюджетных учреждений. Выборы 2014 года сократили количество представителей завода до двух человек, но один из них был генеральным директором, второй – главным инженером. На этом этапе депутатская группа, состоявшая из представителей завода, была расформирована, и мандаты депутатов использовались для обозначения позиции предприятия относительно политического участия и поддержания общественного статуса заводского руководства. Не отказываясь от присутствия в легислатуре, предприятие перешло от непосредственного участия в процессе выработки и принятия решений к формальному представительству. По итогам конкурса 2017 года на замещение должности главы ее занял не аффилированный с предприятием кандидат. По окончании очередного срока полномочий созыва думы в 2022 году директор завода вышел из состава депутатского корпуса и вывел из локальной легислатуры своих сотрудников⁸. Таким образом, исследование зафиксировало поэтапное снижение вовлеченности градообразующего предприятия в городскую политику с конца 2000-х до конца 2010-х, вплоть до наглядного дистанцирования от локальной политики к 2022 году.

Причины постепенного, но последовательного ухода градообразующего бизнеса с поля местной политики связаны с изменением контекста его деятельности и с позицией директората. Последняя задана как официальным статусом предприятия, так и персональными интересами его руководителей.

⁸ С точки зрения административно-территориального устройства округа Верхняя Тура и Кушва вместе образуют административно-территориальную единицу. Исследование не выявило представителей Верхнетуринского машиностроительного завода в органах публичной власти Кушвы – Думе Кушвинского городского округа, администрации Кушвинского городского округа. Машиностроительное производство и поддерживающие его процессы сосредоточены на территории округа Верхняя Тура, и предприятие демонстрировало интерес только к органам публичной власти, формирующим политику на данной территории.

В начале 2010-х годов завод отказался от финансирования объектов, которые не приносили доход и не были вовлечены в процессы производства и сбыта: от поддержки коммунальных сетей, финансирования досугового центра и других социальных объектов. Их передача на баланс муниципального образования освободила менеджмент завода от необходимости вовлекаться в решение городских социальных и инфраструктурных вопросов, не являвшихся для них значимыми. Изменение порядка финансирования коммунальных сетей требовало официальных решений органов местного самоуправления, и они были приняты в период работы заводской депутатской группы в городской думе.

Изменение бюджетных схем, которое имело место в ходе реализации муниципальной реформы в 2000-е годы и продолжилось позже, в 2010-е, снизило интерес градообразующих предприятий к муниципальным бюджетам. Крупные и градообразующие предприятия отдают большие (в сравнении с бюджетом небольшого города) средства в виде налогов. До 2006 года они зачастую воспринимали муниципальные бюджетные средства как заработанные компанией, но переданные в распоряжение муниципалитетов и по этой причине контролировали их распределение (Витковская и Рябова, 2011, с. 85–90). В случае Верхнетуринского машиностроительного завода пристальный контроль расходов бюджета также требовал постоянного присутствия в органах городского самоуправления. Но после усложнения бюджетных схем предприятие перестало считать муниципальные средства «своими» и закономерно отказалось от контроля над муниципальным бюджетным процессом.

Руководство предприятия в лице генерального директора и заместителей не демонстрирует политических амбиций, интереса к политике как пространству для самоутверждения или самореализации. В отсутствие как практической потребности работать в органах местного самоуправления, заданной необходимостью контролировать городские финансы и вовлеченностью в городскую жизнь через инфраструктуру и социальные проекты, так и личной заинтересованности директорат уже не имеет причин оставаться в пространстве городской политики.

Во второй половине 2010-х годов предприятие столкнулось с финансовыми сложностями, потеряв часть государственных контрактов, и с проблемами на производстве. Это также способствовало снижению политической активности, потому что политические цели не являются приоритетными для частного бизнеса.

Верхнетуринский машиностроительный завод входит в состав государственной корпорации «Ростех», что обеспечивает ему канал коммуникации с органами государственной власти федерального уровня. По этой причине дистанцирование предприятия от городской политики не означает отказа от привилегий, которые дают отношения с представителями публичной власти. Более того, возможность лоббировать интересы на федеральном уровне более ценна для бизнеса, чем присутствие на локальных лоббистских площадках. Поэтому отказ от участия в местной политике не поставил руководство предприятия в опасную ситуацию обрыва контактов с представителями государственной власти.

Губаха: от «политической зачистки» к парламентскому и партийному представительству

На территории города Губаха Пермского края расположены головной офис и предприятие ПАО «Метафракс Кемикалс», крупного производителя химической продукции⁹.

Действующий глава территории не аффилирован с градообразующим предприятием напрямую. Но он был избран в 2013 году при поддержке предприятия: председатель совета директоров «Метафракса» рекомендовал его кандидатуру и входил в состав комиссии по выбору городского руководителя. Его переизбрание в 2016 году прошло также при участии и поддержке градообразующего бизнеса.

Компания вовлечен в работу местных представительных институтов: партийных (через партию «Единая Россия») и городской думы. Она монополизировала сферу партийного строительства (по линии «Единой России»): заместитель генерального директора по персоналу и социальным вопросам фактически сформировал местное партийное отделение и координирует участие кандидатов от партии в муниципальных выборах.

Предприятие широко представлено в городской думе: семь из 20 депутатов действующего созыва являются сотрудниками предприятия, его представители работают в каждом из думских комитетов. Вместе они составляют депутатскую группу, проводящую курс компании в органе представительной власти. Влияние корпоративной депутатской группы обусловлено не только ее численностью, но и составом, прежде всего статусом представителей предприятия, взявших депутатские мандаты: председателем думы является советник ПАО «Метафракс Кемикалс» по взаимодействию с органами власти, заместителем председателя думы – заместитель генерального директора по персоналу и социальным вопросам, в числе депутатов – председатель совета ветеранов, председатель профсоюзной организации и руководитель корпоративных коммуникаций.

Предыдущий глава, занявший пост в 2012 году, был прямым представителем предприятия: до избрания на муниципальную должность он работал заместителем директора по правовым вопросам. Его предшественник в 2010 году перешел на муниципальную службу с поста директора предприятия, работа которого была технологически связана с деятельностью градообразующего бизнеса¹⁰.

⁹ Официально Губаха не имеет статуса моногорода, однако город рос и развивался вокруг химического комбината и благодаря его поддержке, и в настоящее время предприятие фактически выполняет функцию градообразующего.

¹⁰ В связи с серией локальных административных преобразований на территории Губахи в 2010-е годы ключевыми с точки зрения влияния на локальную политику в разное время были разные муниципальные посты: глава района, глава района – председатель районной легислатуры, глава администрации района, глава округа, глава администрации округа. Кроме того, в указанный период муниципальные руководители работали парами (одновременно, но с разными сроками полномочий) работали глава района и глава администрации района, глава округа и глава администрации округа) и составляли разные тандемы (действующий глава округа был главой администрации при прежнем главе округа и прежнем председателе районной легислатуры, предыдущий глава округа был главой района при прежнем главе администрации района).

Предыдущий созыв городской думы, избранный в 2012 году¹¹, также включал корпоративную депутатскую группу: пять депутатов были аффилированы с ПАО «Метафракс Кемикалс». Кроме них, еще девять депутатов были избраны при поддержке «Единой России», что в рассматриваемом случае также означало поддержку компании¹².

Легислатура, сформированная при активном участии градообразующего бизнеса в 2009 году, стала корпоративной: при поддержке предприятия и партии «Единая Россия» были избраны 13 из 15 депутатов. На фоне прошедшего в 2009-м избрания главой городского поселения прямого представителя предприятия и установления контроля над представительным органом поселенческого уровня этот период стал апогеем политического доминирования градообразующего бизнеса. Проведенную им политическую кампанию в СМИ называли «политической зачисткой»¹³.

После электоральных кампаний 2009 года, в течение 2010-х и до настоящего времени прямая вовлеченность предприятия в локальную политику и муниципальное управление постепенно снижалась. Директорат более не проводил «зачисток» политического поля и «захватов» публичной власти. В каждом очередном созыве представительного органа доля прямых представителей ПАО «Метафракс Кемикалс» сокращалась: предприятие перешло от формирования корпоративной легислатуры к формированию корпоративных депутатских групп. В составе последних снижалось число сотрудников компании и росло число представителей бюджетной сферы (предприятие поддерживало избрание врачей, учителей, директоров школ и т. п.). Высшие должности с исполнительными полномочиями также заняли не прямые представители градообразующего бизнеса, а его партнеры.

Отказ предприятия от численного превосходства и преимущественно прямого представительства в органах городской власти связан с тем, что органы местного самоуправления не являются для него ни единственной, ни основной лоббистской площадкой. В силу масштаба бизнеса топ-менеджмент лоббирует основные бизнес-интересы на уровне региона, а не города. Компания имеет постоянное представительство в региональном парламенте: председатель совета директоров – депутат регионального парламента последних четырех созывов, его советник – двух созывов, мандаты региональных депу-

и т.д.). Несмотря на большое количество муниципальных постов и, соответственно, муниципальных выборов и конкурсных процедур, все ключевые посты занимали аффилированные с градообразующим бизнесом кандидаты.

¹¹ Данный созыв был первым созывом думы городского округа, потому что ранее городского округа в пределах территории не существовало. В ходе анализа политического представительства градообразующего бизнеса в конце 2000-х – начале 2010-х годов далее указан состав земского собрания районного уровня и депутатского собрания поселенческого уровня.

¹² «Единая Россия» одержала внушительную победу на выборах в Губахе [Электронный ресурс] // Офиц. сайт партии «Единая Россия». 2012. 10 дек. URL: <https://permkrai.er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-oderzhala-vnushitelnyuyu-pobedu-na-vyborah-v-gubahe> (дата обращения: 01.12.2021).

¹³ Армен Гарслян взялся за район [Электронный ресурс] // ФедералПресс. 2009. 3 марта. URL: https://fedpress.ru/federal/polit/vibori/id_132222.html (дата обращения: 17.07.2022); В Губахе Пермского края разгорелись нешуточные предвыборные баталии [Электронный ресурс] // ФедералПресс. 2009. 22 янв. URL: <https://fedpress.ru/article/575325> (дата обращения: 17.07.2022).

татов получали также генеральный директор, заместитель директора по юридическим вопросам и экономической безопасности и начальник отдела управления персоналом. Предприятие представлено в политсовете регионального отделения партии «Единая Россия»: в разное время в состав совета входили трое из упомянутых выше менеджеров, а также заместитель генерального директора по персоналу и социальным вопросам, руководящий местным отделением партии.

Однако ПАО «Метафракс Кемикалс» сохраняет высокий интерес к городской политической площадке. Несмотря на изменение характера политического представительства, предприятие не отказалось от политического участия.

Причиной сохранения интереса к городской политике является мотивированность высших менеджеров градообразующего бизнеса: председателя совета директоров, заместителя директора по персоналу и социальным вопросам, советника председателя и начальника отдела корпоративных коммуникаций. С приходом первого на предприятие вовлеченность ПАО «Метафракс Кемикалс» в решение местных проблем, в локальный политический процесс, в городское управление стала достаточно высокой, чтобы с этого времени стать одним из определяющих местную политику факторов. Второй является куратором городских политических процессов, руководя местным отделением партии «Единая Россия», организуя избирательные кампании заводских и прозаводских кандидатов и контролируя политическую работу своих представителей. Третья остается ответственной за текущее взаимодействие с региональной властью, что является важным направлением общественно-политической активности предприятия.

Топ-менеджмент успешно выполняет функцию агента региональной власти на территории. Сохраняя контроль над городским политическим пространством, руководство предприятия обеспечивает относительную предсказуемость и стабильность городской политики, а также берет на себя ответственность за ход и результаты электоральных кампаний в Губахе, в том числе регионального и федерального уровня, что особенно важно для региональной власти. Кроме того, высшие менеджеры градообразующего бизнеса обладают достаточным политическим весом, чтобы балансировать политическое влияние местного главы с исполнительными полномочиями. Неся ответственность за политические процессы на территории перед региональными властями, предприятие сохраняет для себя возможность постоянного диалога с представителями государственной власти и лоббирования своих интересов на региональных площадках (Подвинцев и Рябова, 2018, с. 140).

Предприятие исполняет функции, которые присущи органам публичной власти: планирование городского развития, поддержка городской инфраструктуры (строительство объектов жилого фонда, содержание коммунальных сетей и т. п.). Для руководства компании эта деятельность является вкладом в городское пространство, которое остается местом жительства их сотрудников и местом расположения их производственных площадок. Такая деятельность требует постоянного присутствия в органах публичной власти, личной вовлеченности представителей бизнеса в текущий управлен-

ческий процесс, и прежде всего в процесс принятия общеобязательных решений. Это обуславливает необходимость корпоративных депутатских групп в локальной легислатуре, важность курирования политических процессов, протекающих на территории.

Свою роль в поддержании политической активности предприятия играют имиджевые мотивы. Без наглядной вовлеченности в политические процессы нельзя поддерживать имидж социально ответственной и общественно активной компании. Это также формирует позитивный имидж высших менеджеров градообразующего бизнеса, которые являются амбициозными политиками и избираются в местных округах и по спискам партии «Единая Россия».

Сравнение случаев: личный выбор, корпоративные ресурсы, политический контекст

В Губахе характер интереса предприятия к городской политике и городской жизни определяет и постоянную вовлеченность в местные политические процессы, и оптимизацию стратегии политического участия. В течение 2010-х годов стратегия ПАО «Метафракс Кемикалс» стала более гибкой: от «захвата» городской власти оно перешло к представительству в власти. Прямое представительство, через аффилированных с бизнесом чиновников и депутатов, было дополнено непрямым, через лояльных депутатов и ориентированных на партнерство политиков. Новые практики политического участия закрепились, поскольку обеспечивают бизнесу искомый (а не максимальный) уровень вовлеченности.

В Верхней Туре постепенно уменьшалась вовлеченность градообразующего предприятия в городскую жизнь, за счет отказа от поддержки части городской инфраструктуры, реализации социальных проектов, контроля над муниципальными финансами, когда исполнение этих функций взяла на себя городская публичная власть. Как следствие, постоянный контроль за повседневной работой органов местного самоуправления перестал быть актуальной задачей, на которую стоило расходовать ресурсы предприятия. В отсутствие у высших менеджеров политический амбиций это неизбежно вело к поэтапному (в соответствии с графиком муниципальных выборов и конкурсов на занятие муниципальных должностей) выходу представителей Верхнетуринского машиностроительного завода из органов местного самоуправления и снижению вовлеченности бизнеса в политическую жизнь города. Закономерным итогом стало наглядное (с учетом отказа директора завода от мандата муниципального депутата) дистанцирование градообразующего предприятия от городской политики.

Общий контекст деятельности предприятий в Верхней Туре и Губахе, заданный организацией муниципальной власти, не стал причиной сходной активности на локальных площадках. Так, усложнение бюджетных схем в ходе реформирования российского местного самоуправления, которое позволило Верхнетуринскому машиностроительному заводу, как и многим другим уральским градообразующим предприятиям, отказаться от контроля над муниципальным бюджетным процессом (Витковская и Рябова, 2011, с. 85–90), не стало стимулом к снижению политического участия для губахинского химического комбината. Более того, градообразующее для Губахи пред-

приятие осталось крупным финансовым донором города и сохраняет заинтересованность в эффективном расходовании городских бюджетных средств.

Выбранная губахинским предприятием стратегия политического участия объясняется сохранением интереса к городу, который является более чем территорией расположения добывающей базы и производственной площадки: инфраструктурой для процессов, поддерживающих производство, местом проживания для работников, избирательным округом и электоральной базой для топ-менеджеров. Реализация этой стратегии возможна за счет высокого и стабильного дохода успешного бизнеса, такого как ПАО «Метафракс Кемикалс».

Случаи Верхней Туры и Губахи в сравнении показывают, как финансовая стабильность остается важным фактором, определяющим выбор бизнеса в пользу участия или неучастия в политике. Для частного бизнеса политическая деятельность является дополнительной, второстепенной по отношению к экономической, и в стесненных финансовых условиях компания отказывается от политической активности как расходующей финансовые и организационные ресурсы. Градообразующая роль обеспечивает предприятию потенциал политического влияния, который, однако, не может быть реализован без достаточных финансовых вложений и организационных усилий. «Захват» публичной власти – затратный процесс, на избирательные кампании расходуются значительные ресурсы, которые можно было бы использовать для развития производства. Поддержание достигнутого уровня контроля над муниципальной властью требует постоянных вложений, потому что очередные муниципальные выборы обнуляют результат, создают новые организационные сложности и требуют новых финансовых вливаний.

Случай Губахи наглядно демонстрирует, как личная заинтересованность и инициативность высшего менеджмента формирует стратегию активного политического участия предприятия. Логика городского развития, потребности местного сообщества, политическая воля муниципальных руководителей не определяют поведение крупных предприятий, расположенных на городской территории, даже играющих градообразующую роль. Электоральные и политические шаги компании не являются реакцией на запросы органов местного самоуправления и локального сообщества. Оставаясь частным бизнесом, градообразующее предприятие действует в городском пространстве в соответствии с решениями его руководства – собственников и топ-менеджеров. Вместе с тем высший менеджмент зачастую учитывает ожидания, которые местные власть и сообщество связывают с возможностями предприятия и его градообразующим статусом: не только социальной поддержки, но и участия в городской политике и управлении. Кроме того, руководство предприятия чутко реагирует на ожидания региональной власти относительно роли компании в «своих» городах и поддерживает их, сохраняя контроль над локальным политическим полем: если не над деятельностью местного самоуправления (как в 2000-е годы), то над электоральными процессами на местах (как в настоящее время).

Успешно выполнять взятую на себя политическую роль градообразующему предприятию Губахи помогает представительство на более высоком уровне, чем уровень местного самоуправления – в региональных органах

государственной власти и отделении партии «Единая Россия». В Верхней Туре Верхнетуринский машиностроительный завод сохраняет возможность коммуникации с представителями федеральной власти за счет принадлежности к государственной корпорации, но не поддерживает постоянный диалог с представителями региональной власти и не имеет представителей на региональных площадках. Последнее потребовало бы от завода больше финансовых вложений, организационных усилий и личной инициативы и вовлеченности менеджмента, чем участие в городских общественно-политических процессах, от которого компания добровольно отказалась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение двух локальных политических ландшафтов не позволяет нам сделать широких обобщений и выводов, и по итогам исследования делаются только некоторые предварительные заключения.

В Верхней Туре городская власть не аффилирована с градообразующим предприятием, и оно не демонстрирует интереса к городской политике или городской повестке дня. Участие завода в политической жизни в прошлом было обусловлено стремлением контролировать муниципальные бюджетные средства, которые оно воспринимало как корпоративные средства, «вложенные» в город, и регулировать политику муниципальной администрации, которая принимает общеобязательные решения на территории. Когда снизилась непосредственная вовлеченность бизнеса в формирование местного бюджета и поддержку городской инфраструктуры, упала и его общественная активность. Сохранив доминирующую роль в городской экономике, предприятие не только не претендовало на политическое доминирование, но постепенно сокращало свое политическое представительство. Снижение мотивации прошло на фоне сокращения возможностей политического участия, когда компания столкнулась с финансовыми сложностями. Контроль над градообразующим предприятием не локализован в городе, а осуществляется из Москвы – завод входит в состав корпорации «Ростех», и это предопределяет слабый интерес его руководства к городской политике. Местные менеджеры не демонстрируют ни политических амбиций, ни личной заинтересованности в участии в городской жизни. В итоге стратегия дистанцирования от городской политики стала логичным выбором градообразующего предприятия.

В Губахе предприятие сохраняет интерес к городской площадке как к месту расположения своего производства и месту жительства своих сотрудников, и это основное объяснение вложений в развитие городской среды и усилий по участию в городской политике. Компания выполняет функцию агента региональной власти на территории, по возможности обеспечивая стабильность и предсказуемость локальных политических процессов, что помогает менеджменту лоббировать местные интересы и интересы предприятия на региональном уровне. Десятилетие вовлеченности в городскую и региональную политику привело к политической профессионализации части менеджмента и обеспечило предприятию оптимальный уровень влияния и контроля в городском политическом пространстве.

Компания удерживает контроль над городским политическим полем путем представительства в губахинской легислатуре и через партию «Единая Россия», и за счет партнерских отношений с главой. Хотя отношения с главой остаются неформальными, политическое представительство бизнеса формализовано через активное участие в работе местных представительных институтов. Кроме того, бизнес имеет постоянных представителей на региональных площадках – в краевом парламенте и краевой партийной организации «Единой России». Политическая стратегия бизнеса претерпела существенные изменения в 2010-е годы: изменение числа аффилированных чиновников и депутатов может выглядеть незначительным без учета локального контекста, но характер активности предприятия на городской площадке стал иным: компания перешла от «политических зачисток» к политическому представительству.

Проведенный анализ выявил две политические стратегии крупного бизнеса, противоположные по поставленным целям и достигнутым результатам. Сохраняющееся разнообразие локальных политических порядков в современной России (Подвинцев, 2007; Чирикова и Ледяев, 2017) позволяет предположить, что крупные предприятия реализуют и другие стратегии, а описанные выше стратегии могут приобретать иную динамику в других локальных ландшафтах. Политическое поведение частного бизнеса остается актуальным сюжетом городских исследований и требует дальнейшего изучения.

Список источников

Быстрова А. С., Дука А. В., Колесник Н. В. и др. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. тр. / Отв. ред. И. И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242.

Бычкова О., Гельман В. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2010. № 2. С. 73–82.

Витковская Т. Б., Рябова О. А. Лоббистский потенциал и социальный профиль локальных легислатур (на примере Пермского края) // Вестник Пермского университета. Политология. 2016. № 3. С. 175–184.

Витковская Т. Б., Рябова О. А. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. 284 с.

Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / Отв. ред. В. Г. Игнатов, О. В. Гаман-Голутвина, А. В. Понедельков и др. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2004. 513 с.

Власть и элиты / Гл. ред. А. В. Дука. Т. 7, № 1. СПб.: Интерсоцис, 2020. 235 с.

Зубаревич Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5–19.

Зубаревич Н. В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. М.: Поматур, 2005. 102 с.

Зудин А. Ю. Взаимоотношения крупного бизнеса и власти при В. Путине и их влияние на ситуацию в российских регионах // Региональная элита

в современной России / Отв. ред. Я. М. Фрухтманн. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. С. 37–64.

Ишимов В. М., Капицын В. М. Монопрофильные города: устойчивое развитие и социальная ответственность // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2012. № 1. С. 64–74.

Лапина Н., Чирикова А. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М.: ИНИОН РАН, 2000. 200 с.

Любовный В. Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. М.: Дортранспечать, 2009. 110 с.

Манокин М. А. «Изоморфизм» полей (на примере стратегий действия локальных элит в Пермском крае) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Т. 9, № 2. С. 237–252. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-2-237-252>.

Минаева Э. Ю. “Who plans?” Влияние европейских урбанистических практик на городские режимы в крупнейших городах России // *Современный город: власть, управление, экономика*. 2019. Т. 1. С. 157–169.

Панов П. В. Городские думы малых и средних городов Свердловской области: потенциал автономии в отношениях с главой города // *Вестник Пермского научного центра*. 2019. № 3. С. 95–107. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2019.3.10>.

Подвинцев О. Б., Рябова О. А. Тенденции трансформации лоббистских структур в органах местного самоуправления малых российских городов (на примере Пермского края) // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2018. № 3. С. 138–147. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-138-147>.

Пустовойт Ю. А. Городские политические режимы: координация внутри-элитного взаимодействия в крупных индустриальных городах [Электронный ресурс] // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2014. № 46. С. 85–106. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk__46__oktjabr_2014_g._pustovoyt.pdf (дата обращения: 19.07.2022).

Пустовойт Ю. А., Мартыненко-Фриауф А. А., Антидзе Т. Н. Формирование, развитие и распад локального политического режима (опыт выявления структуры власти в крупном индустриальном центре) // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2016. № 3. С. 200–208. <https://doi.org/10.17223/1998863X/35/21>.

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А. В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Рябова О. А. «Муниципальные группировки» и развитие конкурентного политического поля малых промышленных городов Урала // *Вестник Пермского университета. История и политология*. 2009. № 1. С. 24–34.

Рябова О. А. Роль градообразующих предприятий в формировании политического поля в малых промышленных городах (на примере Пермского края и Кировской области) // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2019. Т. 13, № 4. С. 103–111. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-4-103-111>.

Такая разная Россия: политические процессы и местные сообщества в малых городах / Под ред. О. Б. Подвинцева. Пермь: Типография купца Тарасова, 2007. 184 с.

Тев Д. Б. Владельцы и девелоперы недвижимости Калининграда: связи с властью и политические выгоды // Политическая наука. 2008. № 3. С. 175–193.

Тев Д. Б. Политэкономический подход в анализе местной власти. К вопросу о коалиции, правящей в Санкт-Петербурге // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2, № 2. С. 99–121.

Филиппова Е. Ю., Рябова О. А. Градообразующие предприятия в политическом пространстве промышленных городов Урала: вариативность включенности // Вестник Пермского научного центра. 2018. № 4. С. 81–86. <https://doi.org/10.7242/1998-2097/2018.4.11>.

Чирикова А. Е. Региональные элиты России. М: Аспект Пресс, 2010. 272 с.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2017. 414 с.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малых российских городах: модели взаимодействия исполнительной и представительной власти // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 3. С. 6–32.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Крупный бизнес и власть в малом российском городе: должник, благодетель, партнер? // Россия реформирующаяся / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 302–328. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2021.13>.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Топ-менеджмент градообразующих предприятий и legislatury малых городов: персоны имеют значение // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18, № 1. С. 4–22. <https://doi.org/10.21638/srbu23.2022.101>.

Шкель С. Н., Бедерсон В. Д., Семенов А. В. и др. Вертикальный предел: централизация и эффективность управления в городах России // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18, № 4. С. 74–106. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2019-4-74-106>.

Dahl R. Who governs? Democracy and power in American city. New Haven: Yale University Press, 1961. 355 p.

Hunter F. Community power structure. A study of decision-makers. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. 297 p.

Ledyayev V. G., Chirikova A. E. Urban regimes in small Russian towns // City and Community. 2019. Vol. 18, № 3. P. 812–833. <https://doi.org/10.1111/cico.12439>.

Park R. The city as a social laboratory // On social control and collective behavior. Selected papers / Ed. by R. H. Turner. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. 3–18.

Информация об авторе

Т. Б. Витковская – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук – филиала ФГБУН Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а

SPIN-код (РИНЦ): 5414-6860

AuthorID (РИНЦ): 510365

Web of Science ResearcherID: L-8284-2018

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 12.09.2022.

References

Bystrova, A. S., Duka, A. V., Kolesnik, N. V. et al. (20028), "Innovative potential in the context of globalization", in Eliseeva, I. I. (ed.), *Globalizatsiya v rossiiskom obshchestve* [Globalization in Russian society], Nestor-Istoriya, St. Petersburg, Russia, pp. 99–242.

Bychkova, O. V. and Gelman, V. Ya. (2010), "Ekonomicheskie aktory i lokal'nye rezhimy v krupnykh gorodakh Rossii", *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, no. 2, pp. 73–82.

Vitkovskaya, T. B. and Ryabova, O. A. (2016), "Lobbying potential and social profile of local legislatures (a case study of the Perm region)", *Bulletin of Perm University. Political Science*, no. 3, pp. 175–184.

Vitkovskaya, T. B. and Ryabova, O. A. (2011), *Monogoroda Srednego Urala: lokal'nye elity i politicheskie protsessy* [Single-industry towns of the Middle Urals: local elites and political processes], Publishing House of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

Ignatov, V. G., Gaman-Golutvina, O. V., Ponedelkov, A. V. et al. (eds.) (2004), *Vlastnye elity sovremennoi Rossii v protsesse politicheskoi transformatsii* [The power elites of modern Russia in the process of political transformation], Publishing house of The North-Caucasus Academy of Public Administration, Rostov-on-Don, Russia.

Duka, A. V. (ed.) (2020), *Vlast' i elity* [Power and elites], vol. 7, no. 1, Intersotsis, St. Petersburg, Russia.

Zubarevich, N. V. (2010), "Cities as centers of modernization of economy and human capital", *Social Sciences and Contemporary World*, vol. 5, pp. 5–19.

Zubarevich, N. V. (2005), *Krupnyi biznes v regionakh Rossii: territorial'nye strategii razvitiya i sotsial'nye interesy* [Large business in Russian regions: Territorial development strategies and social interests], Pomatur, Moscow, Russia.

Zudin, A. Yu. (2005), "Relations between large business and government under V. Putin and their impact on the situation in the Russian regions", in Frukhtmann, Ya. M. (ed.), *Regional'naya elita v sovremennoi Rossii* [Regional elite in modern Russia], "Liberal'naya missiya" Fond, Moscow, Russia, pp. 37–64.

Ishimov, V. M. and Kapitsyn, V. M. (2012), "Single-industry cities: Sustainable development and social responsibility", *Ars Administrandi*, no. 1, pp. 64–74.

Lapina, N. and Chirikova, A. (2000), *Strategii regional'nykh elit: ekonomika, modeli vlasti, politicheskii vybor* [Strategies of regional elites: Economics, models of power, political choice], Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia.

Lyubovnyi, V. Ya. (2009), *Monoprofil'nye goroda v usloviyakh krizisa: sostoyanie, problemy, vozmozhnosti rehabilitatsii* [Single-industry cities in a crisis: State, problems, possibilities for rehabilitation], Dordanspechat, Moscow, Russia.

Manokin, M. A. (2017), "Field isomorphism" (the case of action strategies of local elites in Perm kraj)", *Ars Administrandi*, vol. 9, no. 2, pp. 237–252, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-2-237-252>.

Minaeva, E. Yu. (2019), "Who plans?" The influence of European urbanistic practices on urban regimes in the largest Russian cities, *Sovremennyyi gorod: vlast', upravlenie, ekonomika*, vol. 1, pp. 157–169.

Panov, P. V. (2019), "City councils of small and medium cities in Sverdlovskaya oblast: Potential of autonomy in relations with the city head", *Perm Federal Research Centre Journal*, no. 3, pp. 95–107, <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2019.3.10>.

Podvintsev, O. B. and Ryabova, O. A. (2018), "The trends of lobbyist structures transformation in the local self-government of small Russian cities (a case study of Perm kraj)", *Bulletin of Perm University. Political Science*, no. 3, pp. 138–147, <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-138-147>.

Pustovoi, Yu. A. (2014), "Urban political regimes: The coordination of intra-elite interactions in industrial cities", [Online], *Public Administration. E-journal (Russia)*, no. 46, pp. 85–106, available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk_46_oktjabr_2014_g._pustovoi.pdf (Accessed July 19, 2022).

Pustovoi, Yu. A., Martynenko-Friauf, A. A. and Antidze, T. N. (2016), "The formation, development and decay of the local political regime (the experience of revealing the structure of power in the large industrial centers)", *Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science*, no. 3, pp. 200–209, <https://doi.org/10.17223/1998863X/35/21>.

Duka, A. V. (ed.) (2001), *Regional'nye elity Severo-Zapada Rossii: politicheskie i ekonomicheskie orientatsii* [Regional elites of the North-West of Russia: Political and economic orientations], Aleteiya, St. Petersburg, Russia.

Ryabova, O. A. (2009), "The municipal groups" and the development of a competitive political field of small industrial towns of Ural", *Perm University Herald. History and Political Science*, no. 1, pp. 24–34.

Ryabova, O. A. (2019), "Role of town-forming enterprises in the formation of the political field in small industrial towns (a case study of the Perm and Kirov regions)", *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 13, no. 4, pp. 103–111, <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-4-103-111>.

Podvintsev, O. B. (ed.) (2007), *Takaya raznaya Rossiya: politicheskie protsessy i mestnye soobshchestva v malykh gorodakh* [Such a different Russia: Political processes and local communities in small towns], Tipografiya kuptsa Tarasova, Perm, Russia.

Tev, D. B. (2008), "Owners and developers of real estate in Kaliningrad: Connections with the authorities and political benefits", *Political science (RU)*, no. 3, pp. 175–193.

Tev, D. B. (2006), "Political and economy approach in analysis of local authorities. To a question of governing coalition of Saint Petersburg", *Political expertise: POLITEX*, vol. 2, no. 2, pp. 99–121.

Filippova, E. Yu. and Ryabova, O. A. (2018), "Core enterprises in the political space of the Ural industrial cities: The variability of inclusion", *Perm Federal Research Centre Journal*, no. 4, pp. 81–86, <https://doi.org/10.7242/1998-2097/2018.4.11>.

Chirikova, A. E. (2010), *Regional'nye elity Rossii* [Regional elites in Russia], Aspekt Press, Moscow, Russia.

Chirikova, A. E. and Ledyayev, V. G. (2017), *Vlast' v malom rossiiskom gorode* [Power in a small Russian city], HSE Publishing house, Moscow, Russia.

Chirikova, A. E. and Ledyayev, V. G. (2015), "Power in small Russian towns: Models of interactions between the legislative and executive branches of local government", *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 24, no. 3, pp. 6–32.

Chirikova, A. E. and Ledyayev, V. G. (2021), "Large business and power in a small Russian town: Debtor, well-wisher, partner?", in Gorshkov, M. K. (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia is reforming], Novyi Khronograf, Moscow, Russia, pp. 302–328, <https://doi.org/10.19181/ezheg.2021.13>.

Chirikova, A. E. and Ledyayev, V. G. (2022), "Top management of town-forming enterprises and legislatures of small towns: Persons matter", *Political expertise: POLITEX*, vol. 18, no. 1, pp. 4–22, <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.101>.

Shkel, S. N., Bederson, V. D., Semyonov, A. V. et al. (2019), "The vertical constraints: Centralization and management effectiveness in urban Russia", *The Russian Sociological Review*, vol. 18, no. 4, pp. 74–106, <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2019-4-74-106>.

Dahl, R. (1961), *Who governs? Democracy and power in American city*, Yale University Press, New Haven, CT, US.

Hunter, F. (1953), *Community power structure. A study of decision-makers*, University of North Carolina Press, Chapel Hill, NC, US.

Ledyayev, V. G. and Chirikova, A. E. (2019), "Urban regimes in small Russian towns", *City and Community*, vol. 18, no. 3, pp. 812–833, <https://doi.org/10.1111/cico.12439>.

Park, R. (1967), "The city as a social laboratory", in Turner, R. H. (ed.), *On social control and collective behavior*, University of Chicago Press, Chicago, IL, US, pp. 3–18.

Information about the author

T. B. Vitkovskaya – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 13a Lenin str., Perm, 614990, Russia

SPIN-code (RSCI): 5414-6860

AuthorID (RSCI): 510365

Web of Science ResearcherID: L-8284-2018

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 15.08.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 554–571.
Ars Administrandi. 2022. Vol. 14, no. 3, pp. 554–571.

Научная статья
УДК 327.5(4)
<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-554-571>

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА НА УКРАИНЕ

Дмитрий Владимирович Офицеров-Бельский¹

¹ Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия, dmitriybelskiy@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-5892-9117>

Аннотация. Введение: в 2020 году Европейский союз (ЕС) провел ревизию ключевых документов, призванных служить руководством для миротворческих практик, с целью расширения географии участия, обеспечения более эффективного взаимодействия правительственных и неправительственных структур, а также достижения большей гибкости во взаимодействии со сторонами зон конфликта. За последние три десятилетия миротворческая активность ЕС претерпела серьезные изменения, превратившись главным образом в фактор европейской «мягкой силы» и распространения влияния. **Цель:** рассмотреть трансформации на нормативном и институциональном уровне ЕС в сфере миротворчества. **Методы:** анализ нормативной и договорной базы ЕС, концептуальных документов. **Результаты:** рассмотрены мотивы участия ЕС в мирном посредничестве и ведущие теории, их объясняющие. Сделан вывод, что до эскалации конфликта на Украине в 2022 году ограничители, препятствующие вовлечению ЕС в конфликт, играли большую роль, чем мотивы участия, однако ввиду конфронтации России и Запада тот аспект миротворческой политики, который был связан с нежеланием сталкиваться с российскими интересами и всегда ослаблял ее, в целом утратил актуальность. **Выводы:** последние трансформации на нормативном и институциональном уровне в сфере миротворчества расширяют возможности реагирования ЕС, но масштабирование такого рода деятельности и повышение ее эффективности представляются невозможными без принципиального реформирования инструментов Общей внешней политики и политики безопасности.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: миротворчество, ЕС, Общая внешняя политика и политика безопасности, Общая политика безопасности и обороны, постсоветское пространство, Украина

Благодарности: статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Офицеров-Бельский Д. В. Реформирование политики Европейского союза в сфере урегулирования конфликтов в контексте кризиса на Украине // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 554–571. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-554-571>.

Original article

REFORMING EUROPEAN UNION CONFLICT POLICY IN THE CONTEXT OF THE CRISIS IN UKRAINE

Dmitriy V. Ofitserov-Belskiy¹

¹Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, Moscow, Russia, dmitriybelskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5892-9117>

Abstract. Introduction: in 2020 the European Union (EU) reviewed its key documents designed as guidelines for peacekeeping practices; this was aimed at broadening the geography of participation, ensuring more efficient interaction between government and non-governmental structures, as well as providing more flexibility in dealing with parties of conflict zones. For the past three decades, the EU's peacekeeping activities have changed drastically, turning mainly into a factor of European "soft power" and influence expansion. **Objectives:** to consider transformations in peacekeeping processes at the US regulatory and institutional levels. **Methods:** analysis of the EU regulatory and contractual framework, conceptual documents. **Results:** the article covers the motives for EU participation in peace mediation and the leading theories explaining them. The author concluded that before the escalation of the conflict in Ukraine in 2022, the restrictions that prevented the EU involvement in the conflict played a greater role than the motives for participation. However, due to the confrontation between Russia and the West, the aspect of peacekeeping policy that was associated with unwillingness to collide with Russian interests and always weakened it, has generally lost its relevance. **Conclusions:** recent transformations in peacekeeping processes at US regulatory and institutional levels expand the EU's reaction capability; but upscaling these activities and increasing its efficiency do not seem possible without a fundamental review of the Common Foreign and Security Policy instruments.

Keywords: peacekeeping, EU, Common Foreign and Security Policy, Common Security and Defense Policy, post-Soviet space, Ukraine

Acknowledgements: the article was published as part of the project "The post-crisis world order: The challenges and the technologies, the competition and the cooperation" under the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for large scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement no. 075-15-2020-783).

For citation: Ofitserov-Belsky, D. V. (2022), "Reforming European Union conflict policy in the context of the crisis in Ukraine", *Ars Administrandi*, vol. 14, no. 3, pp. 554–571, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-554-571>.

ВВЕДЕНИЕ

В 2012 году Европейский союз (ЕС) удостоился Нобелевской премии мира. Награда была поощрением в сложной ситуации, связанной с кризисом европейского проекта, безуспешными попытками его реформирования (Офицеров-Бельский, 2021), проблемой греческого долга и общим падением взаимной лояльности государств – членов ЕС. Объявляя награду, Нобелевский комитет подчеркнул роль Евросоюза в укреплении мира между государствами-участниками, а также в продвижении демократии через расширение и поддержку примирения и уважения прав человека за пределами ЕС.

Однако формирование в последние годы «пояса нестабильности» вокруг ЕС, охватывающего страны Магриба, Ближнего Востока, Балканского полуострова и часть стран постсоветского пространства, заставляет задуматься о том, какую роль в этом сыграли, вольно или невольно, сами европейцы, а также об эффективности их миротворческой политики. В данной статье я высказываю предположение, что миротворческая политика ЕС является, с одной стороны, инструментом сплочения сообщества в рамках Общей внешней политики и политики безопасности, а с другой – представляет собой один из инструментов распространения влияния и эволюционирует прежде всего именно в этом качестве.

Имеющаяся практика миротворчества позволяет мне задать ряд вопросов:

1. При каких условиях и на основании каких мотивов ЕС участвует в посредничестве в гражданских конфликтах?
2. Объясняется ли миротворческое участие интересами отдельных государств – членов ЕС или же преобладают общие принципы, позволяющие говорить именно о европейской политике?
3. Каким образом меняется содержание и подходы миротворческих практик и чем определяется вектор реформирования нормативной базы, устанавливающей принципы миротворческого участия ЕС?

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Ставший уже традиционным для исследований миротворчества и международного посредничества фокус на роли международных институтов почти неизбежно приводит к обсуждению гуманитарных намерений и абстрагированию от интересов великих держав, тогда как акцент на национальной роли позволяет избежать значительных лакун понимания. Европейские исследователи, как правило, склонны настаивать на преобладании в европейской политике ценностей и объясняют ее через призму нормативного подхода. Это позволяет рассматривать политику ЕС как монолитную, а различия позиций государств – участников ЕС как несущественные.

Когда я говорю о европейской политике, то имею в виду не только политику ЕС, но и его государств-членов, если их действия не становятся причи-

ной очевидных противоречий и конфликта внутри объединения. В основном следует считать, что отдельные государства могут представлять европейские интересы, если только открыто не утверждается обратное в самом ЕС его членами или представителями институтов. Это делается вопреки существующей в современных исследованиях тенденции концептуализировать ЕС как унитарного актора, что часто происходит в целях своего рода теоретической и эмпирической экономии, а также по политическим мотивам. В литературе обычно отмечают высокий уровень институционального и кадрового участия ЕС в посредничестве в гражданских конфликтах, особенно после создания Европейской службы внешних связей (Hill, 1993; Karreth and Tir, 2013), с момента своего официального запуска в 2010 году отвечающей за реагирование ЕС в международных кризисах. ЕС действует с достаточной автономией в сфере иностранных дел и порой даже рассматривается в качестве игрока, независимого от предпочтений государств-членов (Henökl, 2015; Henökl and Trondal, 2015; Dijkstra, 2017).

Некоторые авторы, например Ю. Бергман и А. Неманн, предлагают важное уточнение, что только те посреднические усилия могут быть классифицированы как общеевропейские, когда ЕС прямо участвовал в переговорах в качестве посредника или одного из посредников (Bergmann and Niemann, 2015, p. 959). Другие примеры европейской дипломатии, в частности усилия президента Франции Н. Саркози по деэскалации российско-грузинского конфликта в 2008 году или участие министров Ф.-В. Штайнмайера и Р. Сикорского в подготовке соглашения об урегулировании политического кризиса на Украине в 2014-м, рассматриваются, скорее, в качестве случаев челночной дипломатии, а не посредничества ЕС. Такой подход представляется формально корректным, но не разделяется мною по двум причинам – поскольку значительный уровень интеграции не всегда позволяет отделить в полной мере интересы европейских стран от общеевропейских, а также вследствие того, что внешнеполитическое действие может быть реализовано на разных уровнях, но инициатива, лежащая в его основе, а также выбор методов зачастую принадлежат государствам-членам.

Учитывая, что значительная часть стран ЕС не имеет выраженных мотивов к активному участию в процессах на других континентах, ведущая роль переходит к державам, обладающим более широкими интересами и историческими связями и особым знанием региона. Например, в Африке Франция и Португалия нередко используют проекты ЕС для поддержания связей с бывшими колониями и обеспечения своим национальным компаниям привилегированного доступа к местным рынкам и ресурсам. Одновременно постколониальное наследие государств – членов ЕС не только создает возможности, но и серьезно ограничивает их в выборе политических инструментов. Историческое прошлое может оказывать влияние и другим образом. Например, Германия стремится избежать вовлечения в процесс урегулирования израильско-палестинского конфликта по причине своей исторической вины перед еврейским народом. В частности, Берлин так и не предоставил палестинской миссии статус посольства, в отличие от других европейских стран.

Недостаточная эффективность миротворческих усилий ЕС нередко связана с различием позиций государств-членов. Интересы ЕС и его членов

отчасти разделяют в своих исследованиях Б. Бузан и О. Вевер, полагающие, что государства и их роли в разной степени подвергаются европеизации (Buzan and Waever, 2003, p. 373). Они признают за ЕС роль глобального актора, но отмечают, что участие Европы ощутимее в таких вопросах, как международная торговля, валютные вопросы и окружающая среда, чем в вопросах большой политики. По их мнению, ЕС в большей степени склонен к посредничеству в гражданских конфликтах, разворачивающихся в его «ближнем зарубежье», относя к приоритетным регионы возможного дальнейшего своего расширения. Вслед за Бузаном и Вевером важность этого аспекта подчеркивает целый ряд авторов (Bergmann and Niemann, 2015; Visoka and Doyle, 2015).

Более поздние исследования, помимо географического аспекта, обращают внимание на экономическую заинтересованность ЕС в регионе конфликта (Beardsley, 2008; Lundgren and Svensson, 2014; Reid, 2017). Экономическая политика исторически была важнейшим направлением для ЕС (Тоје, 2008), и он вряд ли выступит посредником в гражданских конфликтах там, где имеется незначительная экономическая мотивация, поэтому многие продолжающиеся гражданские конфликты в таких местах, как Африка, скорее всего, будут по-прежнему игнорироваться объединением (Cumming, 2015, p. 485). Ряд ученых показывают, что развитые торговые связи с потенциальным посредником влияют на вероятность начала медиации как в межгосударственных, так и в гражданских конфликтах (Frazier, 2006; Regan and Aydin, 2006). ЕС давно рассматривает торговлю как важный инструмент внешней политики для распространения демократических норм и принципов по всему миру¹, и в этом смысле можно, конечно же, говорить о некоторой компоненте коллективного интереса. Однако следует понимать, что ЕС не имеет собственных экономических интересов и, как правило, выполняет агентскую функцию, что также позволяет отказаться от фундаментального разделения интересов и практик ЕС и государств-членов.

Наконец, Э. Скалера и К. Виганд предлагают комплексный взгляд через призму ангажированности ЕС как посредника: региональной, экономической и нормативной (Scalera and Wiegand, 2018). Авторы принимают традиционный тезис о региональных предпочтениях, а также влиянии экономической вовлеченности и указывают на важность нормативного аспекта. При этом они игнорируют стратегические задачи объединения и отдельных государств-членов, взаимодействие с неевропейскими союзниками по НАТО, уровень консенсуса по тому или иному вопросу в самом ЕС и в международном сообществе, одобрение действий ЕС в мире и готовность участников конфликта или региональных держав активно противостоять усилиям европейцев. Отмеченные три категории предвзятости помогают описывать и систематизировать мотивы, но совершенно не помогают пониманию ограничений, создаваемых международной системой в целом и отдельными политическими игроками. Если региональный и экономический аспекты в общем ясны, а их трактовки не отличаются от более ранних исследований, то понятие нормативной пред-

¹ *About the European External Action Service* [Электронный ресурс] // Official website of the European Union. 2021. Aug., 18. URL: <https://europa.eu/globalstrategy/en/shared-vision-common-action-stronger-europe> (дата обращения: 20.05.2022).

взятости нуждается в некотором уточнении. Так же как и ряд других авторов (Beardsley, 2011; Gartner and Bercovitch, 2006; Gartner, 2011), Скалера и Виганд исходят из того, что нормативная предвзятость выражается в том, что ЕС с большей вероятностью будет посредничать в конфликтах, которые являются особенно трудными для самостоятельного разрешения спорящими сторонами. В данном случае нормативная предвзятость ЕС связана с такими декларируемыми европейскими ценностями, как самоопределение, защита культурных, религиозных и этнолингвистических прав. В этом контексте исследователи полагают, что у ЕС есть предпочтения не обязательно в пользу одной из сторон конфликта, а скорее в отношении наиболее трудноразрешимых гражданских конфликтов. В то же время Скалера и Виганд указывают на отсутствие статистической связи между количеством жертв и участием ЕС в посредничестве в гражданских войнах (Scalera and Wiegand, 2018, p. 448). Это может свидетельствовать о том, что ЕС не решается участвовать в полномасштабных войнах с гораздо более высокими потерями.

Несмотря на некоторую обоснованность представленных выводов о мотивах миротворческой политики ЕС, их несложно оспорить «от обратного», отметив, что на европейской части постсоветского пространства имеется шесть непризнанных или частично признанных государств. Причем роль ЕС в урегулировании ситуации с каждым из них до сих пор была практически ничтожной – будем ли мы говорить о многочисленных примерах сецессии непосредственно после распада СССР, о более позднем возобновлении конфликтов и продолжающейся гражданской войне на Украине, перешедшей в горячую фазу в феврале 2022 года. Расположенные на постсоветском пространстве страны близки ЕС не только географически, они связаны экономическими и иными интересами; некоторые из них пытаются претендовать на членство в НАТО и ЕС. Поэтому имеет смысл сделать вывод, что ключевыми критериями для начала миротворческой работы ЕС является минимальное сопротивление великих держав и союзничество с США.

Минимальное участие ЕС в миротворческих процессах на постсоветском пространстве всегда было связано с опасением вступить в противоречие с российскими интересами на фоне готовности страны стать стороной конфликтного процесса, а также ввиду сложности работы в условиях масштабных вооруженных конфликтов. После 2014 года первый аспект постепенно терял свое значение, однако не утратил его полностью и после февраля 2022 года, а второй так же постепенно перестал восприниматься как существенное препятствие. В условиях, когда конфронтация России и Запада стала свершившимся фактом, эти ограничения прекратили быть таковыми и уступили место опасению непосредственного конфликта с восточным соседом. Определенную роль продолжает играть невозможность опереться на механизмы ООН в условиях, когда Российская Федерация является постоянным членом Совета Безопасности ООН с правом вето.

Ограничениям, влияющим на отказ от миротворчества, необходимого внимания в исследованиях не уделяется. Одно из немногих исключений - исследование М. Лундрена и И. Свенссона (Lundgren and Svensson, 2020). Авторы поставили задачу объяснить, почему, несмотря на то, что готовность

международных посредников возросла, доля вооруженных конфликтов, получающих посредничество, не увеличилась, а уменьшилась. Они пришли к выводу, что противоречие не может быть объяснено изменением характера конфликтов, которые стали более фрагментированными, трудноразрешимыми или интернационализированными. Вместо этого они утверждают, что конфликты, в которых участвуют субъекты, включенные в список террористов, значительно реже получают посредничество, и указывают на рост числа таких конфликтов. Выводы этих исследователей ставят под сомнение общепринятое убеждение в том, что эпоха после холодной войны характеризуется высоким уровнем посредничества, и подтверждают необходимость развития практики посредничества.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Необходимость реформирования нормативной базы, определяющей миротворческую деятельность ЕС, назревала давно и была связана с несколькими задачами. Во-первых, в ЕС понимают необходимость отойти от сложившегося в миротворческой практике преобладания интересов отдельных стран в пользу более консолидированного решения общеевропейских задач. Во-вторых, важным представляется перемещение фокуса с миссий на африканском континенте на более широкое географическое участие с особым акцентом на постсоветском пространстве. В-третьих, во многих внешнеполитических документах ЕС (в том числе посвященных политике соседства и «Восточному партнерству») в последние годы прослеживается нацеленность на решение стратегических вопросов и отход от прежних целей распространения демократии и европейских ценностей. Другими словами, нормативный аспект постепенно отходит на второй план, и это становится всеобщей тенденцией. Одновременно все более важное значение приобретают экономические аспекты миротворчества.

В 2020 году ЕС провел ревизию нормативных основ миротворческой деятельности. В декабре 2020 года Европейский совет представил свои выводы о мирном посредничестве ЕС, суммировав и подытожив подходы, ранее обозначенные в комплексе документов и соглашений². Концепция мирного посредничества ЕС³ основывается на Концепции 2009 года по укреплению потенциала ЕС в области посредничества и диалога⁴ и заменяет ее. Новая концепция отражает возросшее стремление ЕС к практике мирного посредничества, что правильнее трактовать как нацеленность на большее участие

² *Council conclusions on EU peace mediation* [Электронный ресурс] // Official website of the European Council. 2020. Dec., 7. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-13573-2020-INIT/en/pdf> (дата обращения: 21.05.2022).

³ *Concept on EU peace mediation* [Электронный ресурс] // Official website of the European External Action Service. 2020. Dec., 3. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eeas_20201336_working_document_on_concept_on_eu_peace_mediation.pdf (дата обращения: 21.05.2022).

⁴ *Concept on strengthening EU mediation and dialogue capacities* [Электронный ресурс] // Official website of the European Council. 2009. Nov., 10. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15779-2009-INIT/en/pdf> (дата обращения: 20.05.2022).

в международных процессах в целом. Большой чем прежде акцент делается на превентивной дипломатии и других предупреждающих действиях; это предполагает, что система раннего предупреждения ЕС должна работать более оперативно и независимо от других международных организаций, не исключая и ООН.

Как и прежде, ЕС декларирует ценностный подход к мирному посредничеству, но расширяет список задач и сторон, с которыми по своему выбору будет взаимодействовать, что почти неизбежно означает определенные ценностные компромиссы. Европейский совет подчеркивает в своих документах важность работы с посредниками, особенно с многосторонними и региональными организациями, которые могут опираться на уникальные доверительные отношения с субъектами мира и конфликтов в своих регионах, такими как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)⁵. Планируется выстраивать партнерские отношения и сотрудничество с организациями гражданского общества и местными общинами, включая тех, кто представляет страны и регионы, переживающие насильственные конфликты. В практической плоскости это должно способствовать углублению сотрудничества с европейскими некоммерческими организациями, созданию более разнообразных механизмов влияния и вовлечению в финансирование миротворческих операций ресурсов гражданского общества европейских стран.

Инклюзивный мирный процесс, по мнению европейских политиков, предполагает участие на международном и региональном уровнях представителей разнообразных заинтересованных сторон, а также вовлечение всех сегментов и уровней общества, от политических лидеров и до гражданского общества и местных общин, включая молодое поколение⁶. ЕС и его государства-члены заявляют о стремлении содействовать осуществлению и расширению прав женщин, гендерному равенству, в том числе равному доступу женщин к принятию политических решений и мирным процессам на всех уровнях. В данном случае обращает внимание то, что речь идет не столько о безопасности женщин и даже не о правах, а именно о доступе к принятию политических решений. В целом следует констатировать, что подобная работа предполагает наделение многочисленных групп определенной субъектностью (несмотря на имеющуюся оговорку об осуществлении ее в согласии с нормами международного права), что позволит ЕС брать на себя роль арбитра и создавать основы для долгосрочного влияния.

Новые подходы должны обеспечить бóльшую гибкость во взаимодействии с заинтересованными сторонами зоны конфликта и одновременно позволяют сохранить свободу в вопросе выбора участников переговоров и уравновешивать неудобных в переговорном процессе акторов другими. Кроме того, новые подходы непосредственно связаны с фрагментированием обществ и формированием лояльных ЕС групп влияния.

«Совет признает, что посредничество и миростроительство могут быть длительными, нелинейными и повторяющимися процессами и что риски,

⁵ *Council conclusions on EU peace mediation...* P. 4.

⁶ *Ibid.* P. 3.

связанные с участием, не должны препятствовать участию», – говорится в резолюции Европейского совета⁷. Таким образом, общие критерии эффективности миротворчества не формулируются. Впрочем, отсутствие зримых результатов миротворчества вовсе не обязательно будет означать отсутствие результатов с точки зрения отдельных участников процесса. В любом миротворческом процессе всегда присутствует сумма интересов многих акторов.

Миротворчество и мирное посредничество окончательно превращаются в инструменты «мягкой силы» и распространения влияния, по причине чего Европейский совет активно ищет новые ракурсы вовлечения. Отдельно в документе подчеркивается необходимость учета в миротворческих и посреднических усилиях ЕС влияния изменения климата на мир и безопасность⁸. Первое признается мультипликатором угроз, который усугубляет конфликты, ставит под угрозу миростроительство и создает новые непредвиденные факторы нестабильности. Рабочий документ Службы внешних действий «Концепция мирного посредничества Европейского союза», опубликованный несколькими днями ранее упомянутой резолюции, указывает на то, что проблемы окружающей среды и природных ресурсов могут создавать точки входа для посредничества и диалога⁹.

Устранение рисков безопасности, связанных с климатом, заключается в защите уязвимых групп населения и обеспечении того, чтобы лишения, усугубляемые изменяющимся климатом, не превращались в проблемы безопасности. Прежде всего это актуально для целого ряда африканских стран, особенно если принимать во внимание проблемы ограниченного доступа к питьевой воде и деградации окружающей среды. Такой подход смещает акцент с симптомов на коренные причины незащищенности¹⁰.

Помимо этого, в ближайшие годы ЕС предполагает расставить новые акценты в вопросах сохранения культурного наследия, использования цифровых технологий, сохранения психического здоровья участников и пострадавших в ходе конфликтов и психосоциальной поддержки. Таким образом, планируется комплексное и долгосрочное вовлечение ЕС и многочисленных европейских некоммерческих организаций в социально-экономические процессы зон конфликтов. Фактически речь идет об интеграции миротворчества и культурной, правозащитной, гуманитарной и экологической политик. По мнению И. Щербака, основная цель комплексного подхода «состоит в недопущении “перетекания” последствий кризисных ситуаций в зону ЕС (гибридные угрозы, незаконная миграция, терроризм, организованная преступность и т.д.)» (Щербак, 2021, с. 159).

⁷ Ibidem.

⁸ Ibid. P. 4.

⁹ *Concept on EU peace mediation...* P. 8.

¹⁰ *Krampe F., Remling E. The new EU peace mediation strategy: A step in the right direction on climate issues* [Электронный ресурс] // SIPRI. 2020. Dec., 15. URL: <https://www.sipri.org/commentary/expert-comment/2020/new-eu-peace-mediation-strategy-step-right-direction-climate-issues> (дата обращения: 23.05.2022).

Ревизия подходов потребовала внесения изменений в договорную базу. В сентябре 2020 года было заключено новое соглашение между ЕС и ООН об укреплении сотрудничества и усилении коллективного реагирования в рамках миротворческих операций и управления кризисами¹¹. Соглашение должно способствовать оперативному согласованию и большей взаимодополняемости между полевыми миссиями ЕС и ООН в области материально-технического обеспечения, медицинской поддержки и обеспечения безопасности. Оно также будет способствовать продвижению инициативы ООН «Действия по поддержанию мира».

Трактуя и прогнозируя действия ЕС, следует вместе с тем учитывать растущую склонность к отказу рассматривать санкцию ООН как обязательную для проведения миротворческих операций. Примеры участия отдельных стран ЕС в операциях, не санкционированных ООН, были и прежде: в 1999 году НАТО нанесло удары по югославской территории, а во вторжении в Ирак в 2003-м участвовали два члена ЕС – Великобритания и Польша. Игнорирование позиции ООН получает все большую поддержку. Тенденцию наглядно продемонстрировала развернувшаяся в сентябре 2013 года дискуссия вокруг интервенции против Сирии без мандата ООН, когда семь стран ЕС – Франция, Дания, Хорватия, Румыния, Греция, Латвия и Кипр – поддержали такую возможность. Важно, однако, понимать, что действия в обход решения ООН необязательно означают игнорирование организации и даже могут подразумевать поддержание определенных форм взаимодействия. Этому наиболее соответствует позиция Франции, которая и дальше хотела бы опираться на решения ООН в значительной мере потому, что является теперь единственной страной ЕС – постоянным членом Совета Безопасности и рассматривает этот статус, исходя из своих интересов.

До недавнего времени в европейских столицах полагали, что ЕС должен обладать возможностью действовать самостоятельно, независимо от НАТО, и миротворческие операции воспринимались как оптимальный вариант по отработке совместных действий. Во многом этому способствовали выводы, которые для себя сделали европейские политики в период администрации Д. Трампа, в результате чего дискуссия о стратегической самодостаточности обрела новую силу. Однако нет оснований полагать, что в обозримой перспективе может произойти переход от дискуссий к практическим действиям. Тем более что масштабирование вооруженного конфликта на Украине в феврале 2022 года привело к еще большей зависимости стран ЕС от США, и действовать в отрыве от заокеанского партнера европейцы оказались совершенно не готовы. И все же не следует исключать появления европейских миротворцев в Карабахе и на Украине после завершения острой фазы конфликта. Кроме того, вопрос о замене российских миротворцев на европейских в Приднестровье поднимала президент Молдовы М. Санду¹², что первоначально

¹¹ *Framework Agreement between the United Nations and the European Union for the Provision of Mutual Support in the context of their respective missions and operations in the field* [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. 2020. Vol. 63. P. 2. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2020:389:FULL&from=EN> (дата обращения: 19.05.2022).

¹² Санду предложила заменить российских миротворцев в Приднестровье на наблюдателей

вызвало недоумение как в самой России, так и в ОБСЕ. Очевидно, что получение мандата ООН или ОБСЕ для миротворческой работы на постсоветском пространстве является невыполнимой задачей, но присутствие вполне возможно по приглашению правительств самих постсоветских стран.

Ревизия нормативных основ миротворческой деятельности явно указывает на нацеленность ЕС на участие в крупных миротворческих операциях, для которых прежняя нормативно-договорная база представляется недостаточной. Однако до сих пор, как подчеркивает А. Никитин, «ЕС, в отличие от ООН и ОБСЕ, ставит весьма скромные политические цели перед своими операциями, оставляя упомянутым организациям вопросы политического урегулирования, проведения выборов, восстановления политической инфраструктуры мирной жизни» (Никитин, 2020, с. 153).

Считается, что недостаточная эффективность миротворческих усилий ЕС связана не только с дефицитом ресурсов, выделяемых на проведение многочисленных миротворческих операций, но также вытекает из более общей проблемы Общей политики безопасности и обороны, которая стала жертвой длительных процедур и процесса принятия решений, не позволяющих ЕС оперативно реагировать на разворачивающиеся кризисы. Однако было бы неправильно сводить эту особенность к известным недостаткам процедур. В ЕС предпочитают не выносить на публичное обсуждение тот факт, что во многих случаях миротворческая активность служит распространению влияния отдельных стран ЕС, что никак не может способствовать мотивации остальных.

В финансировании внешней политики и политики безопасности всегда отсутствовали солидарность и гибкость. В то время как некоторые государства – члены ЕС активно участвовали в миссиях и операциях, другие не могли или не считали нужным нести аналогичные высокие затраты. Решение этой проблемы стало приоритетом. Кроме того, считалось крайне важным адаптировать финансовые правила к гражданским миссиям, чтобы обеспечить их более быстрое и гибкое развертывание. Наряду с этим правила должны были гарантировать разумное финансовое управление ресурсами ЕС и минимизировать злоупотребления. Изменение логики финансирования миротворческой деятельности стало, таким образом, отдельным важным вопросом, который обсуждался с сентября 2014 года (чему очень существенно способствовали и украинские события). Решить его предполагалось главным образом за счет реформирования механизма «Афина», посредством которого происходило финансирование общих затрат на военные операции ЕС.

Во-первых, большее внимание планировалось уделить расширению диапазона обычных расходов, для чего было расширено до этого узкое определение общих издержек. Размер общих затрат, охватывавших примерно от 10 до 15 % расходов, был признан слишком маленьким. Принцип «затраты лежат там, где они падают» означал, что каждое государство – член ЕС несет ответственность за собственные расходы во время операций, за исключением

общих затрат, которые финансируются через механизм «Афина». В итоге это приводило к тому, что, если в миссии Общей политики безопасности и обороны отсутствовал прямой военный компонент, в нее была вовлечена лишь малая часть государств-участников.

Во-вторых, предстояло ускорить и сделать более гибким процесс запуска программы Общей политики безопасности и обороны, что в свою очередь требовало более быстрой процедуры финансирования.

В-третьих, значительное внимание следовало уделить расширению взаимосвязи между военными и гражданскими операциями. Предполагалось, что новые правила должны решить проблемы задержки в развертывании и оснащении гражданских миссий, особенно если речь идет об использовании общих объектов, когда гражданские и военные операции осуществляются в одном и том же месте.

В целом вопросы, связанные с финансированием инициатив, всегда дают больше для понимания фактического состояния дел, чем любые декларации. С 2021 года финансирование содействия миру было возложено на Европейский фонд мира¹³, внебюджетную структуру в рамках программы Общей внешней политики и политики безопасности. 1 июля 2021 года новый фонд пришел на смену механизму «Афина» и Африканскому фонду мира, первый из которых финансировал военные миссии ЕС, а второй обеспечивал помощь партнерским военным операциям под африканским руководством. Европейская поддержка преодолела региональные ограничения, и еще до начала российско-украинского конфликта одним из основных получателей помощи стала Украина. Впоследствии, в марте и апреле 2022 года, ее бюджет был увеличен в три раза, до 1,5 млрд евро¹⁴, и очень вероятно, что будут приняты решения о дальнейшем увеличении финансирования. Вторым крупным получателем является Африканский союз. Помимо этого, в существенно меньших масштабах была предоставлена помощь Боснии и Герцеговине, Молдове и Грузии.

Фонд финансируется за счет взносов членов ЕС на основе валового национального дохода, и изначально предполагалось, что его бюджет составит 10,5 млрд евро в течение семилетнего периода (2021–2027 годы)¹⁵. К июню 2020 года речь шла уже о 8 млрд евро¹⁶, и только 22 марта 2021 года было объявлено, что фонд начинает работать с бюджетом около 5 млрд евро¹⁷. Это макси-

¹³ ЕС создал Европейский фонд мира [Электронный ресурс] // EUNEIGHBOURS east. 2021. 22 марта. URL: <https://euneighbourseast.eu/ru/news/latest-news/es-sozdal-evropejskij-fond-mira/> (дата обращения: 18.05.2022).

¹⁴ EU support to Ukraine: Council agrees on third tranche of support under the European Peace Facility for total €1.5 billion [Электронный ресурс] // Official website of the European Council. 2022. Apr., 13. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/04/13/eu-support-to-ukraine-council-agrees-on-third-tranche-of-support-under-the-european-peace-facility-for-total-1-5-billion/> (дата обращения: 18.05.2022).

¹⁵ Могерини рассказала о перспективах создания Европейского фонда мир [Электронный ресурс] // РИА Новости 2018. 5 мая. URL: <https://ria.ru/20180505/1519954509.html> (дата обращения: 18.05.2022).

¹⁶ ЕС намерен создать фонд на €8 млрд для финансирования военных операций за рубежом [Электронный ресурс] // ТАСС. 2020. 2 июня. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8624521> (дата обращения: 18.05.2022).

¹⁷ ЕС создал Европейский фонд мира...

мальная сумма, которую государства ЕС готовы выделить для вновь созданного инструмента. Однако изменившаяся ситуация на Украине и неудачи французской политики в Мали могут способствовать увеличению объемов фонда.

Изначально декларировалось, что Европейский фонд мира должен заниматься наращиванием военного потенциала партнеров, которые должны справляться с кризисами самостоятельно. Это предусматривало организацию обучения, поставки оборудования и создание инфраструктуры. В соответствии с Договором о Европейском союзе расходы на операции, имеющие военные последствия, не могут финансироваться из бюджета ЕС¹⁸. Внебюджетный Европейский фонд мира такие ограничения не связывают, однако считается, что во время конфликта на Украине в 2022 году произошел выход за пределы принятых правил. По словам верховного представителя ЕС Ж. Борреля, поддержка украинской армии является нарушением табу, что, тем не менее, рассматривается весьма позитивно¹⁹.

В самом начале обсуждения принципов работы будущего фонда критика со стороны депутатов Европейского парламента и правозащитных групп была довольно масштабной. Также несколько государств-членов выражали озабоченность по поводу финансирования со стороны ЕС вооруженных сил стран-партнеров. Высказывались опасения, что оружие и техника, предоставленные ЕС, в итоге попадут в руки авторитарных правительств, стремящихся подавить любую внутреннюю оппозицию.

Практически нет сомнений, что цель механизма изначально состояла в том, чтобы закрыть существующие пробелы в инструментарии ЕС и называть миротворчеством поставки вооружений конфликтующим сторонам. В период проведения российской специальной операции на Украине для координации действий Военным штабом ЕС в рамках Европейской службы внешних действий был создан информационный центр, куда Киев направляет запросы на необходимые оборудование и вооружения, которые затем сопоставляются с возможностью их удовлетворить. Далее страны ЕС осуществляют поставки индивидуально, но имеют право на возмещение части стоимости через Европейский фонд мира. К концу мая 2022 года еще не были приняты решения, проясняющие порядок возмещения. Если оно затронет даже незначительное количество вооружений, сам этот факт будет первым в истории финансированием таких поставок из совместного фонда ЕС третьей стране.

1 марта 2022 года Европейский парламент принял резолюцию, призывающую использовать Европейский фонд мира для выделения значительного дополнительного финансирования в целях обеспечения Украины оборонительной военной техникой, и потребовал ее немедленного выполнения²⁰.

¹⁸ Договор о Европейском союзе (новая редакция). Ч. 2 ст. 41 [Электронный ресурс] // Право Европейского Союза. URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁹ Brzozowski A. EU breaks 'taboo' to finance purchase and delivery of weapons to Ukraine [Электронный ресурс] // Euractiv. 2022. Feb., 28. URL: <https://www.euractiv.com/section/europe-s-east/news/eu-breaks-taboo-to-finance-purchase-and-delivery-of-weapons-to-ukraine/> (дата обращения: 22.05.2022).

²⁰ European Parliament resolution of 1 March 2022 on the Russian aggression against Ukraine (2022/2564(RSP)) [Электронный ресурс] // European Parliament. 2022. March 1. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0052_EN.html (дата обращения: 20.05.2022).

В более позднем проекте доклада было отмечено, что в связи с принятием «Стратегического компаса» ЕС должен извлечь уроки из деятельности Европейского фонда мира для поддержки Украины, увеличить его финансирование и использовать механизм информационного центра, который был впервые применен для Украины²¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Соглашаясь с предшествующими исследованиями, следует признать множественность факторов, определяющих готовность Европейского союза участвовать в миротворческом процессе. Однако наибольшую роль играют интересы ведущих стран ЕС, что, с одной стороны, стимулирует миротворчество, а с другой – никак не способствует мотивации других стран-членов.

Ограничения, препятствующие миротворческому участию, обычно едва ли не более значимы, чем мотивы. Часто это стремление избежать вмешательства в зону интересов других держав, неготовность вести диалог со всеми сторонами конфликта, невозможность опереться на механизмы ООН в отдельных случаях, сложности в проведении операций.

Реформирование механизмов, задействованных в миротворческих практиках ЕС, мало способствовало созданию новых мотивов или преодолению ограничений. Однако оно потенциально создает основы для утверждения разнообразных вариантов долгосрочного влияния в зонах конфликтов и роста потенциала европейской «мягкой силы».

Заметно, что в основу решения вопросов миротворчества, а если брать шире, то и политики безопасности и обороны, ложится бюрократическая логика – функционеры ЕС попытались обеспечить большую гибкость механизмов участия. Однако создаваемые Европейским фондом мира новые возможности могут быть использованы не только для расширения и большего разнообразия миротворческих практик, но и для практического самоустранения и формализации присутствия. По-прежнему остается ключевым вопрос о том, какая страна будет готова взять на себя инициативу, дополнительные расходы и ответственность.

Таким образом, следует констатировать, что институциональные реформы, призванные усилить возможности и единство ЕС в сфере миротворчества, до сих пор имели минимальный эффект, проявившийся главным образом в расширении географического охвата. Все прежние институциональные противоречия, предпочтения и ограничения, рассмотренные в данной статье, сохранили свое влияние. Неизбежным становится вывод о том, что без реформирования инструментов Общей внешней политики и политики безопасности ЕС, а также формирования европейских вооруженных сил принципиальные изменения невозможны.

²¹ Draft report on a European Parliament recommendation to the Council and the Vice- President of the Commission / High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy on the EU's Foreign, Security and Defence Policy after the Russian invasion of Ukraine 6.5.2022 (2022/2039(INI)) [Электронный ресурс] // European Parliament. 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/AFET-PR-730096_EN.pdf (дата обращения: 20.05.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Никитин А. И. Потенциал кризисного реагирования и военно-техническое сотрудничество стран ЕС // Современная Европа. 2020. № 5. С. 142–154. <https://doi.org/10.15211/soveurope52020142154>.

Офицеров-Бельский Д. В. Дифференцированная интеграция: конкуренция проектов и противоречия интеграционного процесса в ЕС // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 5. С. 202–216. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.16>.

Щербак И. Н. Стратегия кризисного реагирования Евросоюза в условиях глобальных вызовов // Современная Европа. 2021. № 4. С. 151–160. <https://doi.org/10.15211/soveurope42021151160>.

Beardsley K. Agreement without peace? International mediation and time inconsistency problems // American Journal of Political Science. 2008. Vol. 52, № 4. P. 723–740. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2008.00339.x>.

Beardsley K. The mediation dilemma. Ithaca, London: Cornell University Press, 2011. 240 p.

Bergmann J., Niemann A. Mediating international conflicts: The European Union as an effective peacemaker? // Journal of Common Market Studies. 2015. Vol. 53, № 5. P. 957–975. <https://doi.org/10.1111/jcms.12254>.

Buzan B., Waever O. Regions and powers: The structure of international security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>.

Cumming G. The European Union in Sudan: A missed opportunity? // The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs. 2015. Vol. 104, № 4. P. 473–488. <https://doi.org/10.1080/00358533.2015.1063842>.

Dijkstra H. Non-exclusive delegation to the European external action service // The principal agent model and the European Union / Ed. by T. Delreux, J. Adriaensen. Cham: Springer International Publishing, 2017. P. 55–81. https://doi.org/10.1007/978-3-319-55137-1_3.

Frazier D. V. Third party characteristics, territory and the mediation of militarized interstate disputes // Conflict Management and Peace Science. 2006. Vol. 23, № 4. P. 267–284. <https://doi.org/10.1080/10802F07388940600972628>.

Gartner S. S. Signs of trouble: Regional organization mediation and civil war agreement durability // The Journal of Politics. 2011. Vol. 73, № 2. P. 380–390. <https://doi.org/10.1017/S0022381611000090>.

Gartner S. S., Bercovitch J. Overcoming obstacles to peace: The contribution of mediation to short-lived conflict settlements // International Studies Quarterly. 2006. Vol. 50, № 4. P. 819–840. <https://doi.org/10.1111/J.1468-2478.2006.00427.X>.

Henökl T. How do EU foreign policy-makers decide? Institutional orientations within the European external action service // West European Politics. 2015. Vol. 38, № 3. P. 679–708. <https://doi.org/10.1080/01402382.2014.1000652>.

Henökl T., Trondal J. Unveiling the anatomy of autonomy: Dissecting actor-level independence in the European external action service // Journal of European Public

Policy. 2015. Vol. 22, № 10. P. 1426–1447. <https://doi.org/10.1080/13501763.2015.1020833>.

Hill C. The capability-expectations gap, or conceptualizing Europe's international role // Journal of Common Market Studies. 1993. Vol. 31, № 3. P. 305–328. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1993.tb00466.x>.

Karreth J., Tir J. International institutions and civil war prevention // The Journal of Politics. 2013. Vol. 75, № 1. P. 96–109. <https://doi.org/10.1017/s0022381612000898>.

Lundgren M., Svensson I. Leanings and dealings: Exploring bias and trade leverage in civil war mediation by international organizations // International Negotiation. 2014. Vol. 19, № 2. P. 315–342. <https://doi.org/10.1163/15718069-12341280>.

Lundgren M., Svensson I. The surprising decline of international mediation in armed conflicts // Research and Politics. 2020. Vol. 7, № 2. P. 1–7. <https://doi.org/10.1177/2053168020917243>.

Regan P., Aydin A. Diplomacy and other forms of intervention in civil wars // Journal of Conflict Resolution. 2006. Vol. 50, № 5. P. 736–756. <https://doi.org/10.1177%2F0022002706291579>.

Reid L. Finding a peace that lasts: Mediator leverage and the durable resolution of civil wars // Journal of Conflict Resolution. 2017. Vol. 61, № 7. P. 1401–1431. <https://doi.org/10.1177%2F0022002715611231>.

Scalera J. E., Wiegand K. E. The motivation of European Union mediation in civil conflicts // European Security. 2018. Vol. 27, № 4. P. 434–452. <https://doi.org/10.1080/09662839.2018.1514388>.

Toje A. The consensus-expectations gap: Explaining Europe's ineffective foreign policy // Security Dialogue. 2008. Vol. 39, № 1. P. 121–141. <https://doi.org/10.1177%2F0967010607086826>.

Visoka G., Doyle J. Neo-functional peace: The European Union way of resolving conflicts // Journal of Common Market Studies. 2015. Vol. 54, № 4. P. 1–16. <https://doi.org/10.1111/jcms.12342>.

Информация об авторе

Д. В. Офицеров-Бельский – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук», 117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23

SPIN-код (РИНЦ): 7774-9075

AuthorID (РИНЦ): 402317

Web of Science ResearcherID: ABA-2648-2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 14.07.2022.

References

- Nikitin, A. (2020), "European Union's crisis response potential and military-technical cooperation of the EU member-states", *Contemporary Europe*, no. 5, pp. 142–154, <https://doi.org/10.15211/soveurope52020142154>.
- Ofitserov-Belskiy, D. V. (2021), "Differentiated integration: Project competition and contradictions of the EU integration process", *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 26, no. 5, pp. 202–216, <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.16>.
- Shcherbak, I. (2021), "EU's crisis response strategy in light of global challenges", *Contemporary Europe*, no. 4, pp. 151–160, <https://doi.org/10.15211/soveurope42021151160>.
- Beardsley, K. (2008), "Agreement without peace? International mediation and time inconsistency problems", *American Journal of Political Science*, vol. 52, no. 4, pp. 723–740, <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2008.00339.x>.
- Beardsley, K. (2011), *The mediation dilemma*, Cornell University Press, Ithaca, NY, US, London, UK.
- Bergmann, J. and Niemann, A. (2015), "Mediating international conflicts: The European Union as an effective peacemaker?", *Journal of Common Market Studies*, vol. 53, no. 5, pp. 957–975, <https://doi.org/10.1111/jcms.12254>.
- Buzan, B. and Waever, O. (2003), *Regions and powers: The structure of international security*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>.
- Cumming, G. (2015), "The European Union in Sudan: A missed opportunity?", *The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs*, vol. 104, no. 4, pp. 473–488, <https://doi.org/10.1080/00358533.2015.1063842>.
- Dijkstra, H. (2017), "Non-exclusive delegation to the European external action service", in Delreux, T. and Adriaensen, J. (eds.), *The principal agent model and the European Union*, Springer International Publishing, Cham, Germany, pp. 55–81, https://doi.org/10.1007/978-3-319-55137-1_3.
- Frazier, D. V. (2006), "Third party characteristics, territory and the mediation of militarized interstate disputes", *Conflict Management and Peace Science*, vol. 23, no. 4, pp. 267–284, <https://doi.org/10.1080/02707388940600972628>.
- Gartner, S. S. (2011), "Signs of trouble: Regional organization mediation and civil war agreement durability", *The Journal of Politics*, vol. 73, no. 2, pp. 380–390, <https://doi.org/10.1017/S0022381611000090>.
- Gartner, S. S. and Bercovitch, J. (2006), "Overcoming obstacles to peace: The contribution of mediation to short-lived conflict settlements", *International Studies Quarterly*, vol. 50, no. 4, pp. 819–840, <https://doi.org/10.1111/J.1468-2478.2006.00427.X>.
- Henökl, T. (2015), "How do EU foreign policy-makers decide? Institutional orientations within the European external action service", *West European Politics*, vol. 38, no. 3, pp. 679–708, <https://doi.org/10.1080/01402382.2014.1000652>.
- Henökl, T. and Trondal, J. (2015), "Unveiling the anatomy of autonomy: Dissecting actor-level independence in the European external action service", *Journal of European Public Policy*, vol. 22, no. 10, pp. 1426–1447, <https://doi.org/10.1080/13501763.2015.1020833>.

Hill, C. (1993), "The capability-expectations gap, or conceptualizing Europe's international role", *Journal of Common Market Studies*, vol. 31, no. 3, pp. 305–328, <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1993.tb00466.x>.

Karreth, J. and Tir, J. (2013), "International institutions and civil war prevention", *The Journal of Politics*, vol. 75, no. 1, pp. 96–109, <https://doi.org/10.1017/s0022381612000898>.

Lundgren, M. and Svensson, I. (2014), "Leanings and dealings: Exploring bias and trade leverage in civil war mediation by international organizations", *International Negotiation*, vol. 19, no. 2, pp. 315–342, <https://doi.org/10.1163/15718069-12341280>.

Lundgren, M. and Svensson, I. (2020), "The surprising decline of international mediation in armed conflicts", *Research and Politics*, vol. 7, no. 2, pp. 1–7, <https://doi.org/10.1177/2053168020917243>.

Regan, P. and Aydin, A. (2006), "Diplomacy and other forms of intervention in civil wars", *Journal of Conflict Resolution*, vol. 50, no. 5, pp. 736–756, <https://doi.org/10.1177%2F0022002706291579>.

Reid, L. (2017), "Finding a peace that lasts: mediator leverage and the durable resolution of civil wars", *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 7, pp. 1401–1431, <https://doi.org/10.1177%2F0022002715611231>.

Scalera, J. E. and Wiegand, K. E. (2018), "The motivation of European Union mediation in civil conflicts", *European Security*, vol. 27, no. 4, pp. 434–452, <https://doi.org/10.1080/09662839.2018.1514388>.

Toje, A. (2008), "The consensus-expectations gap: Explaining Europe's ineffective foreign policy", *Security Dialogue*, vol. 39, no. 1, p. 121–141, <https://doi.org/10.1177%2F0967010607086826>.

Visoka, G. and Doyle, J. (2015), "Neo-functional peace: The European Union way of resolving conflicts", *Journal of Common Market Studies*, vol. 54, no. 4, pp. 1–16, <https://doi.org/10.1111/jcms.12342>.

Information about the author

D. V. Ofitserov-Belskiy – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Center for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, 23 Profsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russia

SPIN-code (RSCI): 7774-9075

AuthorID (RSCI): 402317

Web of Science ResearcherID: ABA-2648-2022

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 14.07.2022.

Научное издание

ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)

2022. Т. 14, № 3 (377–571)

Редакторы – *Т. И. Ускова, Е. А. Троицкая*
Корректоры – *О. С. Толстогузова, И. Р. Саматов*
Переводчик – *М. Г. Мильман*
Компьютерная верстка – *И. Р. Смолянин, Е. П. Кагирова*

Дата выхода в свет 30.09.2022. Формат 70х100 1/16
Усл. печ. л. 16,41. Тираж 500 экз. Заказ № 245 923

Редакция научного журнала “Ars Adminisrandi” («Искусство управления»)
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
кафедра государственного и муниципального управления
тел. (342) 239-66-89
ars-administrandi.com
e-mail: arsadmag@yandex.ru

Издательский центр
Пермского государственного национального исследовательского университета
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»
614000, Пермский край, г. Пермь, ул. Пермская, 46
тел. (342) 206-06-86

Распространяется бесплатно